

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Центр золотоордынских исследований

МАМАЙ

Опыт историографической антологии

Казань – 2010

ББК 63.3
Ма 12

Серия «История и культура Золотой Орды»

Выпуск 13

Редакторы-составители:

доктор исторических наук *В.В.Трепавлов*
кандидат исторических наук *И.М.Миргалеев*

Ма 12 Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В.В.Трепавлова, И.М.Миргалеева. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 248 с.

Представленная книга является сборником научных трудов российских авторов-специалистов по истории Золотой Орды и Руси. В концепцию сборника заложен принцип антологии, т.е. собрания материалов, которые уже были изданы в разное время. В него вошли наиболее важные статьи, посвященные деятельности золотоордынского правителя и военачальника Мамаея и опубликованные в научных сборниках, малодоступных для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9690-0136-7

© Центр золотоордынских
исследований ИИ АН РТ, 2010
© Издательство «Фэн» АН РТ, 2010

Центр золотоордынских исследований Института истории АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данной книги (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей (<i>В.В.Трепавлов, И.М.Миргалеев</i>)	4
Хакимов Р.С. «Злосчастный» Мамай. Вместо предисловия	5
Григорьев А.П. Ярлык Мухаммеда-Бюлека митрополиту Михаилу	16
Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма	107
Кучкин В.Л. Ханы Мамаевой Орды	119
Трепавлов В.В. Феномен Мамаева кургана. Тюркские имена в топонимике Поволжья	129
Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей»	136
Мустакимов И.А. Еще раз о предках «Мамая-царя»	171
Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай	183
Зайцев И.В. Отец Мамая	198
Почекаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов)	206
Осипян А.Л. Был ли предателем Некомат Сурожанин: сюжет из истории отношений московского князя Дмитрия Ивановича и ордынского эмира Мамая	239

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Представленная книга, подготовленная Центром золотоордынских исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, является сборником научных трудов российских авторов-специалистов по истории Золотой Орды и Руси.

В концепцию сборника заложен принцип антологии, т.е. собрания материалов, которые уже были изданы в разное время. В него вошли наиболее важные статьи, посвященные деятельности золотоордынского правителя и военачальника Мамаю и опубликованные в научных сборниках, малодоступных для широкого круга читателей. Статьи печатаются с незначительным редактированием, исправлением опечаток, а также с приведением орфографии и системы ссылок к одному стандарту.

Несомненно, деятельность Мамаю, одного из самых знаменитых золотоордынских эмиров, оставившего большой след в русской и татарской истории, будет еще не раз привлекать внимание историков. Надеемся, что данный сборник станет своеобразной вехой в исследовании сложной и во многом загадочной эпохи второй половины XIV века.

*В.В.Трепавлов
И.М.Миргалеев*

«Злосчастный» Мамай. Вместо предисловия

Золотая Орда не только вершина татарской цивилизации, но и важная часть русской истории. Возможно, без татар русские оказались бы просто частью Польши, Литвы, Пруссии, Швеции... Даже во время «великой замятни» в Орде, когда дела в государстве расстроились, русские князья продолжали платить дань, чувствуя угрозу с Запада. Однако, теория спасения Русью Европы от татар настолько же живуча, насколько она абсурдна.

О Золотой Орде, Куликовской битве и Мамае написано много небылиц, в них верят. Мифы живучи. Современные учебники излагают Куликовскую битву весьма противоречиво: «Татары панически бежали с Куликова поля. За личную храбрость в битве и полководческие заслуги Дмитрий получил прозвище Донской. После поражения Мамай бежал в Кафу (Феодосию), где был убит. Власть над Ордой захватил хан Токтамыш... На Куликовом поле Золотая Орда потерпела первое крупное поражение» (Орлов, Георгиев и др., 2003, с. 66). Если татары потерпели поражение, а русские победили, то почему хан Токтамыш захватил власть? Концы с концами не сходятся. Более объективен Георгий Вернадский, чей учебник весьма популярен в западных университетах: «Удар нанесенный русскими монгольскому правлению, был для их врагов тяжелым, но не смертельным. Мамай немедленно начал приготовления для нового похода против Москвы. Но прежде он должен был сразиться с быстро наступающими силами Тохтамыша. Войска Мамай были разбиты, сам он бежал в Крым, где был убит генуэзцами. Теперь Тохтамыш стал бесспорным владельцем всего улуса Джучи». (Вернадский, 2001, с. 77). В такой трактовке исчезает татаро-русское противостояние как главная фабула Куликовской битвы, что ближе к истине.

Оценки Куликовской битвы у разных историков сильно различаются. В.О.Ключевский вовсе опустил это событие из своих обширных лекций. Однако есть историки, которые раздули значение Куликовской битвы по идеологическим соображениям.

Чтобы оценить место Куликовской битвы и понять личность Мамай следует, прежде всего, признать, что история Золотой Орды – органическая часть истории России. С.М.Соловьев в предисловии к своей многотомной «Истории России с древнейших времен» отмечает:

«Историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные – и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений» (Соловьев, 1988, с. 54). Таким образом, период в три столетия, история татарских государств (Золотой Орды, Казанского и других татарских ханств), повлиявших на мировые процессы, а не только судьбу русских, выпадала из цепи событий становления российской государственности. Но ведь «исторические события не позволяют безнаказанно отрывать себя от окружения» (Йохан Хейзинга, 1992, с. 32). Такой метод заводит в тупик. Тем не менее, русская историческая школа упорно шла и продолжает следовать этим путем.

Другой выдающийся русский историк В.О.Ключевский делил историю России на периоды в соответствии с логикой колонизации. «История России, – писал он, – есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией». «...Колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты» (Ключевский, 1987, с. 50). Главными предметами исследования В.О.Ключевского стали государство и народность, при этом государство было Российским, а народ – русским. Для татар и их государственности места не оставалось, будто они не жили на Волге и Урале, Сибири и Южнорусских степях. Не в заоблачных же высях скакала татарская конница?! У кого же в таком случае получал Александр Невский или Иван Калита ярлык на княжение? Сам же В.О.Ключевский пишет, что «княжества тогдашней Северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические «улусы» татар; их князья звались холопами «вольного царя», как величали у нас ордынского хана» (Ключевский, 1988, с. 41). С XIII в. русские участвовали в золотоордынских походах. Как записано в Ипатьевской летописи (1274 г.): «Тогда бо бяху вси князи в воли тотарьскои». Наконец, с кем воевал Дмитрий Донской, если татарский фактор был несущественен для русской истории? Предвзятость ослепляет даже выдающихся историков.

Лорд Актон говорил: «Ткань человеческих судеб ткется плотно, без пропусков; потому что в обществе, как и в природе, структура непрерывна...» (Актон, 1992, с. 140). Все разговоры о самостоятельной истории татар и русских из области идеологических мифов. «Великая Яса» распространялось на все русские княжества, была общая фи-

нансовая и налоговая система, для чего проводилась перепись населения, князья получали власть из рук ханов, более того и кандидаты в митрополиты, прежде чем поехать в Константинополь на утверждение в этом сане должны были получить согласие хана.

Историю России не понять без татарского фактора, который вовсе не был сугубо отрицательным для русских. «Велико счастье Руси, – писал П.Н.Савицкий, – что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому. Татары – «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры», пала на Русь как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытание было бы многожды труднее и доля – горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно организующей силы, они, несомненно, повлияли на Русь. Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество – становиться могущественной «ордой» (Савицкий, 2003, с. 467). Не только законы, институты государственности, военное дело переняла Россия у татар, но и духовно ковалась в эпоху «татарского ига». Византия была ее другим источником, но она была далеко, а татары рядом, ежедневно и ежечасно.

Многое в московской политике меняется с появлением на московской службе татар и литовцев, а затем и немцев. При Василии, отце Грозного, с князем Глинским (кстати, потомком Мамая) выехала из литвы целая «толпа», размещенная в Муромском уезде. В 1535 г. в правление Елены Глинской, выехало на службу государя московского 300 семейств «литвы» с женами и детьми. Среди этой «литвы», скорее всего, большинство было татар, ибо Москва приглашала людей ратных, а в Великом княжестве Литовском военную службу несли ордынцы Мамай и Токтамыш. Вместе с царевичем Касимом при Василии Темном, бывшем в казанском плену, выехал целый военный отряд, который был размещен в Городце на Оке, где возникло Касимовское ханство в составе Московского княжества. Иван Грозный приглашал многих мурз и раздавал земли на исконно русских землях в уездах Московском, Боровском, Калужском и других. По расчету В.О.Ключевского в Бархатной книге, учитывавшей столбовых дворян, фамилий «великорусских, оказывается 33%, происхождения польско-литов-

ского, т.е. в значительной степени западнорусского, – 24%, происхождения немецкого, западноевропейского – 25%, происхождения татарского и вообще восточного – 17% и 1% остается неопределим» (Ключевский, 1988, с. 193). Если учесть, что польско-литовское дворянство имеет татарские корни, а вовсе не западнорусские, то процент служивых татар будет гораздо выше. П.Н.Савицкий писал Л.Гумилеву: «Как известно, великорусское дворянство, сыгравшее огромную роль в создании великого Русского государства, на 30, 40 и даже более процентов состояло из потомков этих мурз, князей и слуг».

В Москву из Орды уходили далеко небесталанные люди, как раз, наоборот, те, кто искал приключений, повышения по службе, неуживчивые и строптивые. «Иго» стало, по словам Петра Савицкого, горнилом русского духовного своеобразия. (Савицкий, 2003, с. 467). Достаточно вчитаться в русские имена татарского происхождения, чтобы стало более понятной и русская история. Державин из рода Нарбековых, Карамзин из рода Кара-мурзы, Тургенев – из Тургаевых; Аксаковы, Огаревы, Чаадаевы, Кутузовы, Тимерязовы и т.д. и т.п. (Баскаков, 1979; Халиков, 1992). Какие имена! Русскую культуру невозможно представить без этих татарских (по происхождению) имен! Их невозможно игнорировать, их не выкинешь из российской истории, поскольку они и есть история России.

Золотая Орда делилась по Яику на два крыла. В правом (западном) преобладал оседлый элемент, в левом (восточном) в основном господствовали кочевнические нормы жизни. В середине XIII в. большинство населения Золотой Орды, включая его правящую элиту, вело кочевой образ жизни. Иностранные путешественники застали Бату-хана в степном лагере, хотя он основал свою столицу Сарай на Волге. К XIV в. правящая элита начала оседать в городских центрах. Время правления Берке-хана может быть обозначено как начало отказа от кочевого образа жизни, хотя даже Узбек-хан не вел полностью оседлую жизнь. Правящая элита, видимо, «кочевала» не в традиционном смысле этого слова, а перемещалась из Сарая к Булгару, используя последний как летнюю столицу.

Роль степных улусов, прежде всего, Ногайской Орды, кочевых узбеков, а затем и казахов всегда была значительной в Золотой Орде, но рост многочисленных городов, торговля по рекам делали оседлую культуру доминирующей. Волга начинает играть не меньшую роль, чем караванные пути азиатской части или Крыма. Причем значительная доля пшеницы, других злаков в экспорте неуклонно усиливали роль оседлой части населения. Урбанизация вела к росту земледель-

цев, ремесленников, торговцев. Вместе с этим менялись ценности и нормы. Место «Великой Ясы» занял шариат, а нравственный кодекс Чингиз-хана во многом оказался забытым.

Одновременно на политической арене столкнулись интересы талантливых полководцев и политических лидеров с наследственным правом чингизидов. Среди наиболее ярких личностей мы видим Ногая (хотя Ногай и был чингизидом, но не имел право на трон), Мамаю, Идегею, практически расставлявших по своему усмотрению ханов, но не имевших права на престол. Об Идегее говорили «султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения». Все три выдающиеся личности были представителями Великой Степи. Именно там сохранялась доблесть воинов и политических мужей. Государственная система не могла выработать механизмов естественной инкорпорации амбициозных лидеров в систему верховной власти, а потому раздиралась противоречием между династическим принципом, выдвигавшим слабых ханов и реальной властью эмиров, беклерибеков, беков, реально обладавших властью. Нужны были политические реформы. Их требовала торговля и финансовая система, развитая культура. Золотая Орда вплотную подошла к этапу политических преобразований, но качественной метаморфозы не произошло. Юлай Шамильоглу считает, что систему четырех беев можно считать «предпарламентом». Лидеры четырех «правлящих кланов» участвовали в делах государства через систему коллективного правления, уравнивающего власть хана, они представляли доминирующую часть населения, известного как «земля» в отличие от дивана, назначаемого самим ханом. Четыре бея-карачи составляли «государственный совет», выполнявший важную роль в управлении – снятие, выборы и введение в должность хана, участие в иностранных и военных делах государства. Именно эти четыре карачи при выборах хана выполняли ритуал его возвышения, поднимая три раза на кошке за четыре угла, затем несли хана вокруг палатки и помещали на трон и вкладывали в его руку золотой меч. Главный из четырех беев носил титул беклербек – «бей беев» («бей-лербей»). Он отвечал за дела в армии или, по крайней мере, управлял частью армии. Никакой декрет хана не был законный, если эти четыре карачи не одобряли его, ставя свою печать на документе рядом с печатью хана. На этом основании этих четырех беев можно рассматривать как эквивалент законодательного органа, но в Золотой Орде вся энергия ушла на внутреннюю борьбу, а не создание законодательного органа.

Мамай в русских летописях появляется в связи с заговором против Тимур-Хаджи в 1361 г., хотя много раньше Ибн-Халдун называет

его «одним из старших эмиров Бердибека». Мамай был талантливым полководцем и опытным политическим интриганом. Его возвышению способствовала женитьба на дочери хана Бердибека и он, таким образом, стал ханским зятем (гургеном)¹ и вместе с тем получил большие права, кроме одного – права на трон. Он жаждал трона, настолько, что даже по некоторым данным начал чеканить монету с титулом: «Мамай – царь правосудный» и также как Ногай или Идегей правил через своих ставленников – чингизидов.

Существовали объективные причины для ослабления государства, без чего будут непонятны взаимная вражда кланов и столь катастрофические последствия для Золотой Орды. Русские летописи писали: «Бысть от бога на люди под восточною страною, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочи грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на фрязы и на Черкасы и на всех томо живущих, яко не бе кому их погребати». С запада к границам Золотой Орды подступила чума. В Европе она привела не только к демографическому, но экономическому и технологическому регрессу. То же самое ожидало Золотую Орду. Вспышки бубонной чумы во второй половине XIV в. привели к разрушению основных городских центров, а вместе с этим к упадку торговли и всей экономики. Ослабели караванные пути, началась война князей друг с другом, страна распадалась на мелкие удельные улусы. Бей четырех главных кланов поддерживали различных представителей чингизидов, что разрушило прежнюю основу политической власти. Золотая Орда была обречена.

С момента смерти Бердибека до вступления на престол Токтамыша, т.е. всего лишь за 20 лет сменилось два десятка ханов: «Бердибек (1357–1359), Кульпа (лето – осень 1359), Навруз (осень 1359 – лето 1360), Хызр (лето 1360 – лето 1361), Халифа (2 недели лета 1361), Орда-шейх (1 месяц лета 1361), Тимур-ходжа (лето – осень 1361), Кельдибек (самозванец, осень 1361 – лето 1362), Абдулла (лето – осень 1362), Мюрид (осень 1362 – начало 1363), Мир-Пулад (начало 1363 – осень 1364), Азиз-шейх (осень 1364 – лето 1367), Абдулла (2-й раз, лето 1367 – весна 1370), Мухаммед Бюлек (весна 1370 – осень 1374), Урус (осень 1374 – осень 1375), Каганбек (осень 1375 – осень 1377), Арабшах (осень 1377 – осень 1378), Токтамыш (осень 1378 – 1395)»

---

¹ В политике такое явление встречается довольно часто. Идегей взял в жены дочь Токтамыша – Джанике. Борис Годунов возвысился и впоследствии стал царем благодаря женитьбе на дочери Ивана Грозного.

(Григорьев, 2004, с. 204). Именно в это время отмечен выпуск монет многочисленными претендентами на лидерство Золотой Орды, что говорит о децентрализации государства. Русский летописец свидетельствует: «Гладу же въ нихъ велику надлежащу и замятне мнозе и нестроению надълзе пребывающу и не престающе другъ на друга встающе и крамолующе и воююще межи собою, ратящесе и убивающесе». Истощенная Золотая Орда начинает испытывать растущее сопротивление со стороны русских княжеств, начинается наступление Литвы на юг, а в восточных районах государства усиливается сепаратизм.

Мамай, фактический правитель западной части Золотой Орды, опирался на союз с Литвой и генуэзские колонии в Крыму. В левом крыле Золотой Орды выдвинулся хан Токтамыш. Перед ним встала задача борьбы с Мамаем, без победы над которым Золотую Орду объединить было невозможно.

В глазах современников законным ханом был Токтамыш, которому Мамай должен был подчиниться. В «Повести о нашествии Тохтамыша» он именуется как царь, то есть законный, легитимный повелитель. Русские законных ханов Золотой Орды, т.е. чингизидов не считали заклятыми врагами. Орда могла не нравиться, но с ней считались, а нередко искали защиты от произвола. Когда чинили обиды, ехали «в Орду – искать правды» («Повесть о Петре, царевиче ордынском»).

Среди русских князей были сторонники союза с Литвой и Мамаем, в частности, тверской князь Михаил Александрович претендовал на московский престол и использовал для этого Ольгерта, женатого на его сестре. Князь Олег Рязанский женатый на сестре литовского князя Ягайло был настроен пролитовски и соответственно выступал на стороне Мамаю. О князе рязанском в «Сказании о мамаевом побоище» сказано: «Скудость ума была в голове его, послал сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и с многими дарами».

Накануне Куликовской битвы два крыла Золотой Орды, Литва и русские княжества различной ориентации составляли сложную политическую мозаику. Соответственно и этнический состав воюющих стороны был довольно пестрым. 20 тыс. конница Дмитрия Донского состояла из крещеных татар, литовцев и русских, обученных бою в татарском конном строю. Остальные 130 тыс. состояли из княжеских конных и пеших дружин, а также ополчения. На помощь Дмитрию шел с сибирскими татарами хан Токтамыш. Нет прямых свидетельств о предварительной договоренности Дмитрия и Токтамыша о совместных действиях, но объективно они были заодно, о чем свидетельствует взаимный обмен посольствами сразу же после победы над Мамаем.

У Мамаю было около 200 тыс. воинов. В «Пространной летописной повести о Куликовской битве» утверждается: «Той же осенью пришел ордынский князь Мамай с единомышленниками своими, и со всеми другими князьями ордынскими, и со всей силой татарской и половецкой, и кроме того еще рати нанял: басурман, и армян, и фрягов, черкесов, и ясов, и буртасов. А с Мамаем вместе, в союзе с ним, и литовский князь Ягайло со всею силой литовской и ляхской, и с ними же заодно и Олег Иванович, князь рязанский, – с этими своими сообщниками пошел на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его, Владимира Андреевича». У литовского князя Ягайло в войсках большинство составляли русские из-под Минска, Полоцка и Гродно.

Таким образом, Дмитрий Донской возглавлял войска, состоявшие из татар, литовцев и русских против войск Мамаю, состоявших опять-таки из татар, литовцев и русских, да еще армян, генуэзцев, черкесов. Не было русско-татарского противостояния, а была политическая борьба разных сил за влияние в Золотой Орде.

Существуют различные версии похода Токтамыша на Москву. Версия простого грабежа должна быть отброшена как явно тенденциозная. Другая версия связывает поход с неуплатой дани Дмитрием Донским в течение двух лет. Токтамыш в ответ пришел и сжег посад. Сам факт «экзекуции» Москвы говорит только об одном, Токтамыш заставил князя платить налог, не более того. А в этом деле ему помогли нижегородский и рязанские князья. Сами москвичи не оборонялись, полагая, что «пришел царь своего холопа показнити Дмитрея», тем более, что Дмитрий сбежал из города, а когда уплатил дань – «прия царь въ 8000 сребра» (Миргалеев, 2003, с. 61), поехал за ярлыком на княжение в Сарай и, естественно, получил его как союзник Токтамыша.

Еще одна версия утверждает о существовании заговора против Дмитрия Донского и спасения его Токтамышем. А.В.Быков и О.В.Кузьмина считают, что современники Куликовскую битву воспринимали как величайшую трагедию, а попытки Дмитрия Донского и митрополита Алексия централизовать русские земли вокруг московского государства как разрушающие сложившуюся систему отношений между княжествами. Особенно недовольна была церковь, все еще жившая идеями славянского объединения вокруг Киева. Митрополит Киприан проклял победителя Куликовской битвы. Не успокоились и генуэзцы, потерявшие московский рынок и жаждавшие вернуть свое влияние в пределах русских княжеств. Заговор возглавил князь нижегородский, которого поддержали в Москве войска и простой народ. Он был на руку и князю

рязанскому и литовскому великому князю Ягайло. Когда Дмитрий Донской вывел войска из Москвы в поход, произошел мятеж и он был вынужден бежать в Кострому, причем так быстро, что оставил жену и новорожденного сына в Москве. Для поддержки мятежников прибыл «некий князь литовский, именем Остей, внук Ольгердов. И он укрепив народы, и мятеж градный укротив, и затворился с ними в граде в осаде с множеством народа, с теми, сколько осталось горожан, и сколько бежан сбежалось с волостей, и сколько с иных градов и стран» («Повесть о нашествии Тохтамышша».) Поход Тохтамышша преследовал цель сохранить Москву за Дмитрием Донским. Вначале хан стоял под стенами, пытаясь уговорить мятежников добровольно сдаться, но получив явный отказ вынужден был начать военные действия, что закончилось пожаром и избиением горожан. По этой версии «новый царь Золотой Орды, царство которого заработано в том числе и легшими костями у Непрядвы полками Дмитрия, таким образом просто поддержал пошатнувшуюся власть своего верного и очень ценного вассала. И одновременно сохранил власть Орды над Москвой. А ведь власть эта могла бы уйти из Тохтамышевых рук, если бы пролитовский переворот в Московском княжестве удался!» – утверждают А.В.Быков и О.В.Кузьмина (Быков, Кузьмина, 2004, с. 241). Как в той, так и другой версии остается основной стержень фабулы: Дмитрий Донской и Тохтамыш союзники в борьбе с Мамаем.

Куликовскую битву нельзя трактовать в разрезе татаро-русских отношений или же как борьбу русских с Золотой Ордой, как победу русского оружия над татарами. Русские предпочли законную власть чингизидов, что и определяло их борьбу с Мамаем.

В исторической литературе распространены неверные взгляды о жестком русско-татарском противостоянии, особенно после распада Золотой Орды. Этим страдают как московские, так и казанские историки. На самом деле, все было гораздо сложнее. Войны, конечно же, были, но вначале они не носили межэтнический или религиозный характер, это была борьба за влияние в постзолотоордынском пространстве. Далеко не сразу Москва начала экспансию, она нуждалась в союзниках для расширения своего влияния, тем более после распада Золотой Орды оказались самостоятельными Рязанское, Тверское и другие княжества. Характерно, что ногайский бей Муса напомнил в грамоте Ивану III: «...дядя оми Темир князь с тобою друг и брат был», а крымский бек Баки в 1538 г. сообщал Ивану IV «с покоиником со отцем нашим с Темирем князем твои отец князь велики, любовь их меж себя и дружба опришно была... Еще старые у тебя карачи князи оста-

лися, и ты их въспроси...». Иван III дружил и с казанским и крымским ханами против Большой Орды. Постзолотоордынское пространство было сложным союзом соперников, связанных друг с другом общим наследством.

Укрепление Москвы шло на фоне ослабления татарского этнического самосознания. Те, кто поддерживал Идегея стали именоваться ногаями. В 1428 г. отошла от Золотой Орды Тюмень, где хан Абульхайр и его улус приняли имя «узбеки». Примерно в 1438 г. отделились Крым и Казань – появились крымские, казанские, а вслед за этим астраханские татары. Общетатарское самосознание и солидарность заменились соперничеством и враждой. Гибель Большой Ордой в 1502 г. – дело рук ногайцев и крымцев, а не русских. Дольше всех союз с Сараем поддерживала именно Москва, хотя и уклонялась от регулярной выплаты дани. Деньги, которые продолжали взимать с населения якобы для татар, оставались в казне московского князя.

Агрессивные настроения в Москве появляются далеко не сразу. Когда задумали строить «Василь-город», захватив часть казанской земли, то многие в Москве это не одобрили, ибо мир ценили больше войны. Но правительство нашло поддержку у духовенства. Митрополит Даниил высказался так: «Тем городом мы всю землю Казанскую возьмем» (Худяков, 1996, с. 594). Москва вплоть до 1552 г. пыталась присоединить Казань мирным путем, посадив наместника. «Уния не состоялась, и казанцам пришлось заплатить за это страшной ценой», – заключает Михаил Худяков (Худяков, 1996, с. 637). Москва перешла к военным действиям против Казанского ханства, покорив край с редкой жестокостью. Иван Грозный после взятия Казани отрядил к ногайскому бию гонца «казанской сеунчъ сказати». «Бог нам милосердие учинил, – писал царь. – Казань со всеми людьми в наши руки дал». Он явно писал письмо союзнику. После взятия Казани народ так побежал в «подрайскую землицу», что «Северо-Восточная Русь буквально обезлюдила» (Кульпин, 1998, с. 143).

Политика Золотой Орды была частью мировой истории, а история русских княжеств – частью татарской. Может быть, это трудно признать, но это именно так. И в этом нет ничего обидного, как впрочем, и в том, что татарская история последних четырех столетий оказалась частью российской. Русские, благодаря Золотой Орде, оказались вовлеченными в мировые процессы, что стало предпосылкой создания великой России.

Пройдет время, отпадет идеологическая шелуха, и на наследство Золотой Орды будут претендовать многие народы. Золотоордынская

культура занимает самостоятельное и весьма значительное место в истории человечества. Она стала реальным мостом между Западом и Востоком. Золотоордынская культура впитала средневековые достижения многих тюркских и других народов. Совершенная экономика, строившаяся на замечательной финансовой системе, фантастические по тем временам связь и управление, позволявшие держать под контролем огромную территорию и обеспечивать безопасность, превосходное военное искусство, наука, литература, зодчество и т.д. – все это говорит о самостоятельной культуре Золотой Орды, стоявшей в средние века на высочайшем уровне. Человечество уже сегодня иначе рассматривает роль Чингиз-хана в мировой истории, настанет время – и эпоха Золотой Орды будет оценена по достоинству, а Мамай предстанет как заметный политический деятель татарской и русской истории.

Баскаков, 1979 – Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М., 1979.

Быков, Кузьмин, 2004 – Быков А.В., Кузьмина О.В. Эпоха Куликовской битвы. – М., 2004.

Вернадский, 2001 – Вернадский Г. Русская история. – М., 2001.

Григорьев, 2004 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Исторический анализ золотоордынских документов. – С.-Петербург, 2004.

Гумилев, 2003 – Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М., 2003.

Хейзинга, 1992 – Йохан Хейзинга. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. – Лондон, 1992.

Ключевский, 1987 – Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. – М., 1987.

Ключевский, 1988 – Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. – М., 1988.

Кульпин, 1988 – Кульпин Э.С. Золотая Орда. – М., 1988.

Актон, 1992 – Лорд Актон. Очерки становления свободы. – Лондон, 1992.

Миргалеев, 2003 – Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань, 2003.

Орлов, Георгиев и др., 2003 – Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. – М., 2003.

Савицкий, 2003 – Савицкий П.Н. Степь и оседлость. – В кн.: Лев Гумилев. Черная легенда. – М., 2003.

Соловьев, 1988 – Соловьев С.М. Сочинения. Книга I. – М.: Мысль, 1988.

Халиков, 1992 – Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. – Казань, 1992.

Худяков, 1996 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. – М., 1996.

Ярлык Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу*

Объектом настоящей статьи является реконструкция содержания ярлыка Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу от 1379 г.

Имена исторических деятелей, так или иначе причастных к интересующему нас акту, хорошо знакомы как в научных кругах, так и в широких слоях читающей публики в нашей стране и далеко за ее пределами. Объяснение тому лежит на поверхности: год 1379 примыкает к 1380-му – году Куликовской битвы. Всестороннему освещению последней посвящено море как научной, так и околонаучной литературы. Русский митрополит Михаил (Митяй) скончался осенью 1379 г., но и его личности историки уделили пристальное внимание. В 1978 г. вышло монографическое исследование Г.М.Прохорова, посвященное деятельности этого незаурядного человека (Прохоров, 1978).

Неоднократно отмечалось, что редактор русского текста ханских ярлыков в своем стремлении к унификации содержания текстов, составляющих это собрание, прибегал к методу прямого наложения сходных текстов ярлыков. Эта операция была проведена с текстами ярлыков Бердибека и Мухаммеда Бюлек (Григорьев, 1980а, с. 23, 24; Григорьев, 1985а, с. 113, 114). Можно подумать, что исторические события, которые вызвали необходимость получения ярлыка Бюлека митрополитом Михаилом, общеизвестны и реконструкция содержания этого ярлыка не представляет особого интереса. Последующее исследование призвано опровергнуть подобного рода предположения. Нареченный митрополит всея Руси Михаил, получив официальное признание означенного сана со стороны ордынского хана в виде анализируемого здесь ярлыка, отправился в Константинополь на церемонию своего посвящения в митрополиты со стороны патриарха. В самом конце пути он неожиданно заболел и скончался на корабле под стенами Константинополя.

---

* Опубликовано впервые в: *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. 19. – СПб., 2000. – С. 3–104. Печатается с незначительным редактированием по изданию: Григорьев А.П. *Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов*. – СПб., 2004. Гл. VI.

Монастырский летописец откровенно писал по поводу неудачной попытки Михаила сделаться русским митрополитом: «Сего же епископи вси и игумени и прозвутери и мниси и священници вси не хотяху, но един князь великий хотяше» (ПСРЛ, 1922, стб. 136). Стало быть, идея получения Михаилом сана митрополита всяя Руси принадлежала великому князю Дмитрию Ивановичу, будущему Донскому, который встретил на пути ее осуществления мощную оппозицию в лице русских церковных иерархов. Создается впечатление, что в итоге победила оппозиция. Чем она была вызвана и какими силами направлялась? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо познакомиться с основными вехами жизни Дмитрия до 1379 г. применительно не только к светской и церковной жизни тогдашней Руси, но и к положению в Золотой Орде и русско-ордынским отношениям. Потому что в отличие от русского митрополита, которого утверждал в сане византийский патриарх, русского великого князя утверждал тогда ордынский хан.

Последний по времени отечественный исследователь, создавший исторический портрет Дмитрия Донского, – В.А.Кучкин (Кучкин, 1995), перу которого принадлежат также работы, в которых тщательно и тонко анализируются и интерпретируются данные русских источников о важнейшем деянии в жизни Дмитрия – Куликовской битве, сподвижниках и современниках великого князя (Кучкин, 1979; Кучкин, 1980; Кучкин, 1990; Кучкин, 1992). В.А.Кучкин работал практически с теми же историческими источниками, которые были доступны и широко использовались в трудах прежних ученых. Однако результаты его исследований, как в частностях, так и в общих выводах, нередко разительно отличались от результатов, достигнутых его предшественниками. Это объясняется, в частности, тем, что В.А.Кучкин приступил к написанию своих означенных выше исследований, уже имея за плечами капитальные труды по исторической географии интересующего его региона, а также обширные знания по русской генеалогии и хронологии. Автор этих строк, имея в своем активе некоторые достижения в деле изучения источников по истории Золотой Орды, попытается использовать свои знания в качестве средства к познанию истории России.

Начинать рассмотрение этапов жизни Дмитрия следует, конечно, со времени его рождения. Ясно, что личное активное участие Дмитрия в жизни Московского княжества и Владимирского великого княжества началось гораздо позднее. Тем не менее именно на 1350–1366 гг., т.е. годы его детства, отрочества и ранней юности, пришлось крупные пе-

ремены в истории Московского княжества, Владимирского великого княжества и Золотой Орды, а также в судьбах представителей московского княжеского дома, московского боярства и в личной жизни самого Дмитрия. События тех лет таят в себе еще много неразгаданных тайн.

Дмитрий родился 12 октября 1350 г. Его отец, Иван Красный, был тогда в Московском княжестве удельным князем звенигородским и русским (1340–1353). Старший брат отца, Семен Гордый, являлся князем московским и великим князем владимирским (1340–1353). Младший брат Ивана, Андрей, был удельным князем серпуховским (1340–1353). Мать Дмитрия звали Александрой. Источники не сохранили сведений о ее происхождении. Из летописи известно, что в 1344 г. Семен, Иван и Андрей ездили в Орду «к царю» (хану) Джанибеку (1342–1357). 26 октября того же года братья вышли из Орды «пожалованы богом и царем» (ПСРЛ, 1922, стб. 55, 56). В 1345 г. трое братьев вторично женились. Семен взял в жены княжну волоцкую, Андрей – княжну галицкую. Из каких краев была вторая жена среднего брата, Ивана, летописец умалчивает (ПСРЛ, 1922, стб. 56).

Это умолчание русских летописцев наводит на мысль о том, что первоначально о свадьбах всех троих князей в летописях имелись подробные рассказы. Однако записи XIV в. в их начальном виде до нас не дошли. Они были безжалостно «отредактированы» последующими переписчиками. Зачем было кому-то вымарывать данные о прошлом? Видимо, цензура на Руси всегда стояла на высоте. Купюры в летописях делались прежде всего из политических соображений. В XV в. на сведения о русско-ордынских связях был наложен запрет. Приходится радоваться и тому немногому, что в наших летописях по разным причинам все-таки сохранилось.

Первая жена Ивана Красного Феодосия, урожденная княжна брянская, скончалась, видимо при родах, зимой 1342/43 г. (ПСРЛ, 1922, стб. 54). От нее осталась дочь Анна (или Мария), позднее выданная замуж за князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. Одним из результатов поездки Семена, Ивана и Андрея в Орду в 1344 г., скорее всего, было успешное сватовство Ивана на родственнице Джанибека. Это обстоятельство и последовавшая в 1345 г. свадьба Ивана сразу подняли авторитет в Орде не только удельного князя, но и его старшего брата, великого князя Семена Гордого. На вопрос – почему в 1344 г. Семен сам не посватался к ордынской царевне – есть однозначный ответ: первая супруга Семена скончалась 11 марта 1345 г. (ПСРЛ, 1922, стб. 56). Можно предположить, что отец троих братьев и дед Дмитрия Иван Калита, бывший великим князем владимирским в 1328–1340 гг.

и последовательно женатый на Елене (ум. 1332) и Ульяне (ум. ок. 1373) (Кучкин, 1992, с. 79, 80), выбирал себе жен также в Орде.

В эту эпоху русские великие князья чувствовали себя в стольном городе Владимире не вполне уверенно. Получив в ставке ордынского хана ярлык и пайцзу, удостоверявшие его право на великое княжение, очередной великий князь вместе с митрополитом всея Руси и в сопровождении ханского уполномоченного, возглавлявшего ордынский военный отряд, прибывали во Владимир, который давно уже фактически (а с начала июля 1354 г. и юридически) считался и официальным местом пребывания митрополичьей кафедры. После того, как во Владимире проводилась официальная церемония восшествия на великокняжеский престол, на которую «к ярлыку» были обязаны приезжать и князья всех остальных княжеств, входивших в состав Владимирского, новый великий князь «для порядка» какое-то время жил в столице, а затем стремился уехать в свою «отчину и дедину», где и проводил большую часть своей жизни в окружении кровных родственников и ближних бояр. В столице и других городах Владимирского княжества великий князь оставлял своих наместников и военные гарнизоны.

Эта практика объяснялась неуверенностью великого князя в завтрашнем дне. Ордынский хан-благодетель мог внезапно и непредсказуемо изменить свое первоначальное решение или неожиданно погибнуть в результате государственного переворота. Тот же хан или его преемник всегда имели возможность выбрать нового владимирского князя из числа претендентов, принадлежавших к тверскому, московскому или нижегородскому княжеским домам. Так Иван Калита пришел на смену двум великим князьям из Твери. Что касается русских митрополитов, то и они старались не отрываться от «своих» князей и большую часть времени проводили в их отчинах. В Москве жил, умер и был погребен митрополит Петр (1308–1326). Его примеру последовал и митрополит Феогност (1328–1353). Иногда это не мешало митрополиту проводить политический курс, отличный от устремлений великого князя.

Проживая в центре своей отчины, великий князь экономически, политически и в военном отношении зависел от своего ближайшего окружения – бояр, в особенности «старцев градских» – потомков местной родо-племенной знати, которые занимали ведущие места в государственном управлении. Во главе боярского управленческого аппарата в Москве первой половины XIV в. стояли тысяцкие. Эта должность считалась наследственной (Кривошеев, 1995, с. 50–54). Случилось так, что утвердившемуся в Москве боярскому роду тысяцких Вельямино-

вых (Веселовский, 1969, с. 211–229) в правление Семена Гордого бросил вызов род Босоволковых (Веселовский, 1969, с. 244–246). Великий князь поддержал и утвердил в должности московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста Босоволкова.

В начале 50-х годов Семен Гордый обнаружил со стороны своего нового тысяцкого «кормолу», т.е. заговор. Конкретное содержание заговора не разглашалось и осталось семейной тайной великого князя и его братьев – удельных князей Ивана Красного и Андрея. Семен Гордый не решился применить по отношению к Алексею Петровичу и членам его семьи меры физического воздействия. Тот был отрешен от должности и выведен из состава великокняжеских бояр. Имущество бывшего тысяцкого было конфисковано в пользу Семена Гордого. Часть этого имущества Семен передал среднему брату Ивану. Должность московского тысяцкого была пожалована Василию Васильевичу Вельяминову. К управлению в Московском княжестве вернулись и другие представители рода Вельяминовых, и их родственники.

В самом начале 1353 г. между великим князем и его братьями был подписан специальный договор, согласно которому, во-первых, подтверждалось право свободного перехода бояр и вольных слуг каждой из договаривающихся сторон к любому из братьев, во-вторых, этого права категорически лишался до конца дней своих А.П.Босоволков. Братьям ни под каким видом не разрешалось не только принимать бывшего тысяцкого к себе, но и чем бы то ни было помогать ему или членам его семьи (Духовные, 1950, с. 11–13, № 2).

Под договором были поставлены 6 подписей свидетелей. Надо полагать, что там подписались по два ближних боярина каждого из братьев. На стороне Семена свидетелями выступали тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов и его тесть Михаил Александрович. Имя старшего боярина со стороны Ивана в подлиннике договора оказалось на сегодня вырванным. Оно занимало место, где разместились бы примерно 4 буквы. Отчество боярина было Васильевич. Имя второго боярина – Василий Окадьевич. Поскольку род последнего известен со времен Ивана Калиты (Веселовский, 1969, с. 230–236), то старше Василия Окадьевича, т.е. влиятельнее его, у Ивана Красного мог быть Федор Васильевич Воронец Вельяминов – родной брат тысяцкого. Со стороны Андрея под договором подписались неведомый нам окольничий Онанья и Иван Михайлович, имя которого еще встретится далее при изложении событий 1371 г.

В завещании Семен Гордый отписывал свою долю недвижимости, чем «благословил» его Иван Калита, жене Марии. При ней он «велел

быти» «своему дяде Василию». Так чествовал великий князь тысяцкого В.В.Вельяминова. А «своей братье», князьям Ивану и Андрею, он наказывал «жити заодин» и слушать владыку Алексия и «старых бояр» (Духовные, 1950, с. 13–14, № 3).

Весна 1353 г. принесла в Московское княжество эпидемию чумы, от которой скончались митрополит всея Руси Феогност (11 марта), двое сыновей Семена Гордого – Иван и Семен (18 марта), сам великий князь (26 апреля) и его младший брат Андрей (6 июня). На сорочины со дня смерти серпуховского князя, 15 июля, у его супруги родился сын, названный Владимиром. Заботы по отпеванию и погребению умерших легли на плечи 60-летнего владимирского епископа, наследника Феогноста, Алексия, родившегося в Москве в семье боярина Федора Бяконта (Веселовский, 1969, с. 247–262).

Единственным взрослым претендентом на московский княжеский и владимирский великокняжеский престолы из князей московского дома остался отец 3-летнего княжича Дмитрия Иван Красный. Для того чтобы официально утвердиться на обоих престолах, Ивану еще предстояло отправиться в Новый Сарай, где после смерти Узбека (1313–1341) находилась постоянная резиденция ордынских ханов, выиграть там в присутствии Джанибека тяжбу за владимирское великое княжение и получить на то ханский ярлык.

События лета 1353 г. в Московском княжестве венчало возвращение посольства, отправленного в Византию еще покойными великим князем и митрополитом. В привезенных послами императорских и патриарших грамотах содержалось приглашение Алексия в Константинополь на поставление в митрополиты всея Руси (ПСРЛ, 1922, стб. 62, 63). Алексею, теперь уже нареченному митрополиту всея Руси, предварительно надлежало получить официальное признание своего сана со стороны ордынского хана, открывавшее возможность на получение его ярлыка, освобождавшего возглавляемую митрополитом русскую церковь от всех налогов и повинностей. Вторым не менее обязательным предварительным мероприятием Алексия было его участие в церемонии посажения на престол во Владимире Ивана Красного. Только после осуществления этих неременных условий Алексей мог рассчитывать на помощь со стороны великого князя в сборе средств на организацию представительной русской делегации, проезд ее в далекий Константинополь, содержание ее там, достойные дары византийскому императору и патриарху и благополучное возвращение обратно.

Осенью 1353 г. Иван Красный, скорее всего с супругой и сыном Дмитрием, в сопровождении Алексия, назначенного по завещанию

Феогноста советником Ивана, отправился в Орду. Туда же за ярлыками, подтверждавшими их вотчинные права, потянулись и все остальные князья Владимирского великого княжества. В Новом Сарая основную конкуренцию на великокняжеский престол Ивану Красному составил нижегородский князь Константин Васильевич (1341–1355). В итоге Иван победил и получил от Джанибека ярлык на владимирское великое княжение. Получил свой ярлык и Алексей. Текст его ярлыка, как и подавляющее большинство текстов других ордынских документов, до наших дней не сохранился. В первых числах января 1354 г. Иван Красный, Алексей, сопровождавшие их лица и другие русские князья покинули ханскую ставку (ПСРЛ, 1922, стб. 63).

Путь делегации Ивана и Алексея из Нового Сарая на родину пролегал вдоль правого берега Волги мимо ордынского города Укека (Увека), который находился приблизительно на полдороге между ханской ставкой и Булгаром. Прежде, ознакомившись с предположением А.Г.Мухамадиева о том, что где-то в пределах Булгара, возможно в самом Булгаре, располагался ордынский Гюлистан, или Гюлистанский дворец (Гюлистан-сарай), являвшийся одним из центров монетной чеканки в 50–70-х годах XIV в., т.е. тогда, когда эмиссия монет болгарского чекана прекратилась (Мухамадиев, 1983, с. 21–23), автор этих строк, убежденный в нахождении Гюлистана не южнее, а севернее Нового Сарая, безоговорочно принял предположение А.Г.Мухамадиева (Григорьев, 1985б, с. 172). Теперь, когда наши знания о событиях тех лет стали шире и глубже, прежние выводы нуждаются в пересмотре.

Вдовствующая ханша Тайдула, бывшая старшей женой Узбека, а в правление его и ее сына Джанибека возведенная в ранг «главной матери», являлась выдающейся государственной и общественной деятельницей Золотой Орды 20–50-х годов XIV в. Ее роль во внутренней и внешней политике государства особенно возросла после смерти Узбека, случившейся осенью 1341 г. (Григорьевы, 2002, с. 34–36). Тайдула происходила из рода князей правого крыла, представители которого занимали важнейшие государственные и придворные должности, сильно потеснив при Джанибеке своих соперников из князей левого крыла, владения которых располагались к востоку от Волги, и противопоставив силу и влияние своего племени другим князьям правого крыла, которые поддерживали главу всех князей правого крыла, управлявшего Крымским тюменом. Захват руководства над Крымским тюменом являлся вожаемой целью князей – кровных родственников Тайдулы.

Автор этих строк, руководствуясь данными антропониимии и письменных источников, предложил видеть в могущественных князьях правого крыла 40–50-х годов XIV в. Могулбуге и Кутлугбуге родных братьев и кровных родственников Тайдулы (Григорьевы, 2002, с. 208, 209). В развитие этой идеи можно предположить, что отцом Могулбуги и Кутлугбуги являлся Севинчбуга. Зимой 1322 г. в качестве доверенного лица Узбека Севинчбуга посадил на великое княжение во Владимире тверского князя Дмитрия Михайловича (1322–1326) (ПСРЛ, 1913, с. 89). Осенью 1337 г. он же в качестве ордынского старшего сановника, одновременно с Могулбугой, прислал в Египет личное посольство к мамлюкскому султану (Сборник, 1884, с. 269). Больше в источниках имя Севинчбуги не встречается.

Прежде мы не могли сказать ничего определенного относительно местонахождения территории, закрепленной в качестве тюмена, т.е. ордынской административно-территориальной единицы, за этим могущественным племенем кровных родственников Тайдулы. Теперь, кажется, появились проблески и в этом направлении поиска.

Согласно сообщению русского летописца, зимой 1361/62 г., в самый разгар «ордынской замятии», о которой речь пойдет ниже, в Тверь к князю Василию Михайловичу приезжал уполномоченный хана Мурата (Мюрида) Урузбуга (Урусбуга) Бездежский (ПСРЛ, 1922, стб. 71). В данном случае для нас важно не существо поручения, которое выполнял тогда Урусбуга, а его личное сложное имя. Вторая часть имени «буга» предположительно свидетельствует о кровном родстве этого сановника с братьями Могулбугой и Кутлугбугой (Григорьевы, 2002, с. 208). Возможно, что род Урусбуги был традиционно связан с русскими князьями тверского дома. Вспомним, что еще гипотетический отец Могулбуги и Кутлугбуги Севинчбуга в качестве ханского уполномоченного в 1322 г. сажал на великокняжеский престол тверского князя.

Автор этих строк далек от мысли, что все ордынские сановники того времени, в сложных именах которых в качестве второго компонента присутствовало слово *буга* («бык»), являлись кровными родственниками. Однако в той конкретной исторической ситуации усиления реальной власти родственников ханши Тайдулы Урусбуга вполне мог быть младшим братом Могулбуги и Кутлугбуги. В начале 1359 г. Кутлугбуга с помощью Тайдулы стал начальником Крымского тюмена и главой всех князей правого крыла (Григорьевы, 2002, с. 209). Могул-буга был убит в Новом Сарае осенью 1361 г. При хане Мюриде, пославшем с поручением в Тверь Урусбугу, главой правительства –

беклербеком, или улугбеком, являлся сын Могулбуги Ильяс (Сборник, 1941, с. 130). После смерти Могулбуги и ухода Кутлугбуги в другой тюмен Урусбуга остался старшим в родовом владении братьев. Определение русского летописца к имени Урусбуги – Бездежский – указывает на то, что родовым владением его был город Бездеж, или Бельджамен арабских источников (Григорьев, Фролова, 1999, с. 79). Город Бездеж, основательно изученный археологами (Егоров, 1985, с. 109, 110), находился на правом берегу Волги к северу от Нового Сарая. Своему возникновению этот ордынский город был обязан положением на месте наибольшего сближения Дона и Волги. Здесь издревле существовала переволока между двумя великими реками, и купеческие речные караваны, поднимавшиеся вверх по Дону из Черного и Азовского морей, с наименьшими затратами переправляли свои суда с товарами в Волгу. Естественно, что Бездеж контролировал переволоку и его правители извлекали из ее бесперебойного функционирования крупную материальную выгоду. Одновременно Бездеж и сам по себе являлся значительным торговым центром, проводившим посредническую торговлю вверх и вниз по всему бассейну Волги.

Располагая материальными и людскими ресурсами, родовые князья – родственники Тайдулы – имели возможность удерживать под своей властью и обширные земельные владения. Рассмотрение географических карт и анализ свидетельств русских летописцев позволяют получить приблизительное представление о размерах Бездежского тюмена. Находясь в непосредственной близости от Нового Сарая, Бездеж вряд ли распространял свою власть далеко на юг. Скорее всего, южный предел Бездежского тюмена ограничивала трасса переволоки между Волгой и Доном. Естественной восточной границей тюмена, примерно до Сарыкамыш, служил правый берег Волги. На севере владения тюмена простирались до районов, контролируемых мордовскими князьями. Определенно известно, что в территорию Бездежского тюмена входили земли Наручади (Мокши) и Мещеры (ПСРЛ, 1922, стб. 70), а также земли, примыкавшие к южной границе Рязанского княжества. На западе владения родственников Тайдулы ограничивал левый берег Дона.

Вышеупомянутое географическое обозначение Сарыкамыш нуждается в дополнительном комментарии. Нам удалось зафиксировать это название в русском переводе грамоты Тайдулы от 25 сентября 1347 г. в форме Желтая Трость, что является дословной передачей тюркских слов Сары + Камыш (Григорьев, 2004, с. 52). Тогда автор бездоказательно отнес этот Сарыкамыш к территории Хорезма. Те-

перь мы полагаем, что, поскольку грамота писалась «на Желтой Трости», под Сарыкамышем следует видеть обозначение названия реки. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., отмечена река Камышенка, впадавшая справа в Волгу в 110 верстах южнее городища Увешенского (Книга, 1950, с. 143). В настоящее время реку называют Камышинка. В ее устье расположен город Камышин, возле которого разведано ордынское городище, именуемое ныне Шишкин Бугор (Егоров, 1985, с. 108). Река Камышинка называлась по-тюркски Сарыкамыш и, видимо, служила южной границей земельных владений Тайдулы, протянувшихся вдоль правого берега Волги. Административным центром и северным пределом их являлся город Укек.

Вернемся к событиям января 1354 г., когда получивший ярлык на великое княжение Иван Красный и сопровождавший его нареченный митрополит Алексий возвращались на родину из ханской ставки в Новом Сарае. Пройдя Бездеж и двигаясь вдоль правого берега Волги на север, путники добрались до города Укека. Именно этот город, как мы теперь считаем, после смерти Узбека сделался постоянной резиденцией Тайдулы. Укек был основан в 50-х годах XIII в., имел свой монетный двор. Там чеканили монету от имени Токты (1290–1312), после чего чекан Укека исчезает. Основная масса ордынских монет XIV в., обнаруженная на территории Укекского городища, отмечена чеканом Нового Сарая и Гюлистана (Мухамадиев, 1983, с. 18). Можно предположить, что монетный двор в Укеке продолжал функционировать после Токты под названием дворца Гюлистан (что значит «розарий», «цветник»), где и находилась резиденция Тайдулы.

Укек устраивал Тайдулу во многих отношениях. Он располагался не очень далеко от ханской ставки в Новом Сарае, с которой ханшаматери необходимо было поддерживать постоянную устойчивую связь. В то же время, во избежание возможных придворных интриг, с юга Укек защищал от всякого рода неожиданностей оплот кровных родственников Тайдулы – Бездеж. На протяжении всей своей жизни в качестве ханши Тайдула играла роль «христианской заступницы», т.е. официально выступала покровительницей всех христиан. Для связи с европейскими христианами-католиками использовался водный путь Укек – Бездеж – Дон – Азов – Кафа (Феодосия). В Азове ханша со времен Узбека пользовалась правом прямого сбора в свою пользу части ввозной пошлины с европейских торговых кораблей (Григорьевы, 2002, с. 152–154). Она стремилась как-то закрепиться и в Кафе. Видимо, Тайдула достигла своей цели, когда в начале 1359 г. добилась, чтобы ее родственник Кутлугбуга стал правителем Крымского тюмена.

Тайдула являлась «заступницей» и для православных христиан Владимирского великого княжества. Русские князья прекрасно знали об этом и постоянно, с разным успехом, обращались к ханше за содействием, конечно, не бесплатным. Южный водный торговый путь русских купцов в Азов, Крым и Византию начинался с верховьев Дона. Этот район контролировался городом Тулой – владением Тайдулы, которым управляли ее наместники – даруги (баскаки) (Духовные, 1950, с. 29, № 10).

Иван Красный и Алексей вынуждены были остановиться в Укеке. Этого требовал от великого князя и митрополита не только долг вежливости по отношению к сидевшей в Гюлистанском дворце христианской заступнице. Для юридического утверждения в сане митрополита всея Руси Алексею еще нужно было получить личное благословение византийского патриарха, а для этого – совершить поездку в далекий Константинополь. Существовал путь в Византию по суше, пролежавший через старинную митрополичью резиденцию Киев. Этот путь для Алексея был тогда закрыт литовским великим князем Ольгердом (1345–1377) (Григорьев, 2004, с. 80). Водный путь в Константинополь через ордынские владения по Дону на Азов и Кафу контролировался все той же Тайдулой. 10 февраля 1354 г. Алексей получил от Тайдулы проезжую грамоту в Византию (Григорьев, 2004, с. 67–71). В качестве ходатая перед ханшей за удовлетворение прошения митрополита выступал ее приближенный Тимур-ходжа, приходившийся родным сыном Могулбуге, который тогда правил Бездежским тюменом (Григорьевы, 2002, с. 209).

Далее великий князь и митрополит проследовали во Владимир, где 25 марта 1354 г. состоялась торжественная церемония посажения на престол Ивана Красного. Только тогда, т.е. не ранее конца марта – начала апреля 1354 г., Алексей получил возможность отправиться в Константинополь. Уже 30 июня 1354 г. патриарх Филофей утвердил там Алексея в сане. Новый русский митрополит вернулся в Москву через Киев в самом конце 1354 г. (Григорьев, 2004, с. 85, 86). На время поездки в Византию Алексей оставлял своим местоблюстителем в Переяславле Залесском епископа волынского Афанасия. Во время отсутствия митрополита епископ Афанасий поставил игуменом Троицкого монастыря Сергия Радонежского – будущего духовника Дмитрия. Расчет времени показывает, что поставление Сергия в игумены следует относить не к лету–осени 1353 г. (Кучкин, 1992, с. 78), а к лету–осени 1354 г.

Итак, за время от весны 1353 г. до весны 1354 г. 3-летний Дмитрий, сам того не заметив, совершил головокружительный взлет от по-

ложения удельного княжича до наследника московского княжеского стола и великокняжеского престола во Владимире. Его отец, Иван Красный, свой взлет, несомненно, ощутил, но одновременно приобрел и массу связанных с ним новых проблем. Остроту этих проблем на всем протяжении его правления сглаживал митрополит Алексей, который включился в решение задач внутренней и внешней политики великого княжества Владимирского еще в годы княжения отца и старшего брата Ивана Красного. Одновременно Алексей, сделавшись главой Русской православной церкви, решал и политические проблемы, далеко выходившие за рамки границ великого княжества Владимирского.

Литовский великий князь Ольгерд выдвинул нового кандидата на роль митрополита киевского и всея Руси. Им стал Роман, приходившийся родственником тверской княжне Ульяне Александровне, еще в 1349 г. ставшей женой Ольгерда. Роман использовал ситуацию, сложившуюся в Византии в конце 1354 – начале 1355 г., когда там сменились у власти император и патриарх, и летом 1355 г. получил посвящение в сан митрополита. К осени 1355 г. Роман обосновался в Киеве. Русская церковь оказалась расколотой надвое. Зимой 1355/56 г. Алексей назначил от своего имени нового епископа в смоленскую епархию. Роман обратился к патриарху с жалобой на самоуправство Алексея. Из Константинополя в Москву к Алексию пришел вызов на патриарший суд.

Алексий спешно отправился в Византию через ордынские владения и осенью 1356 г. прибыл в Константинополь, где Роман находился еще с лета. На заседании синода патриарх Каллист выделил Роману литовские (полоцкую и туrowsкую) и малорусские епископии, а также Новогрудок. Киев формально остался во власти Алексея как митрополита «всея Руси». Такое решение ограничивало права Романа в пользу Алексея. Современники именно так его и оценили. Алексей вернулся через Орду в Москву к началу зимы 1356 г.

После смерти Семена Гордого и утверждения на престоле во Владимире Ивана Красного в рядах московского боярства произошли перемены. В.В.Вельяминова на посту тысяцкого сменил поддержанный новым великим князем бывший опальный тысяцкий А.П.Босоволков. В.В.Вельяминов и верные ему бояре составили заговор, в результате чего 3 февраля 1357 г. А.П.Босоволков был обнаружен убитым на площади в Москве. В том, что это убийство являлось заказным, как и в том, кто именно были его заказчики, никто в Москве не сомневался. Поэтому «тое же зимы по последьнему поуту болший бояре московские... отъехаша на Рязань съ женами и зъ детьми» (ПСРЛ, 1922,

стб. 65). Беглецов возглавляли В.В.Вельяминов и его тесть Михаил Александрович, т.е. лица, в начале 1353 г. выступавшие в качестве свидетелей со стороны Семена Гордого при подписании между братьями договора о московском тысяцком.

Тем временем внутри ордынского общества росло напряжение, грозившее новым взрывом княжеских междоусобиц. Джанибек организовал завоевательный поход в Иран, где некогда единая держава монгольских ильханов уже распалась на ряд враждующих территорий. Вековая борьба между ордынскими джучидами и хулагуидами Ирана за территорию Азербайджана завершилась в 1356 г. в пользу Золотой Орды. Войска Джанибека, собравшись в Хаджи-Тархане (Астрахани), прошли через прикаспийские степи и переправились через Терек. Затем они миновали Дербенд и Ширванскую степь, перешли Куру, обогнули Тебриз с юга и в сражении под Уджаном разгромили армию Мелик-Ашрефа. После этого, осенью 1356 г., ордынский хан посадил в Тебризе в качестве самодержавного государя своего сына Бердибека, а сам с основными силами отправился домой. В дороге у Джанибека произошел нервный срыв. Приближенные, тщательно стараясь скрыть его недуг от огласки, привезли тяжелобольного хана в Сарай.

Не прошло и полугода, как в среде ордынских племенных вождей созрел заговор против Джанибека. Возглавлявший заговорщиков Тоглубай связался с находившимся в Азербайджане Бердибеком и предложил ему, устранив отца, занять ордынский престол. Бердибек оставил за себя в Тебризе местного правителя Ахиджука и поспешил в Сарай. В ночь на 22 июля 1357 г. он тайно прибыл в ханскую ставку лишь с 10 спутниками и остановился в доме Тоглубая. Вскоре заговорщики блокировали ханский шатер и задушили Джанибека. Тотчас же был совершен обряд провозглашения новым ханом Бердибека (Григорьевы, 2002, с. 125–128).

Видимо, за несколько дней до убийства Джанибека, после того как все доступные средства его лечения были перепробованы и не принесли успеха, ханша-мать Тайдула, в расчете на чудо, решила обратиться за помощью к русскому митрополиту. От ее имени в Москву к Алексию отправился посол, получивший задание сопровождать митрополита в ханскую ставку под предлогом «нездравия» самой Тайдулы. К середине августа 1357 г. ордынский посол добрался до Москвы. 18 августа, вместе со спешно собравшимся Алексием, он уже выехал из Москвы в Орду (ПСРЛ, 1922, стб. 66). Надо полагать, что основные события по захвату власти Бердибеком происходили в Новом Сарае, который в обиходе назывался просто Сараем. С начала правления

Джанибека, когда ханская ставка и все связанные с нею учреждения, включая монетный двор, перебазировались на новое место, прежняя ордынская столица запустела. Не исключено, что в народе она иначе, чем Старый Сарай, и не называлась.

Путь от Нового Сарая до Москвы ордынские посланцы и купеческие караваны (а одни без других, как правило, не ходили) покрывали примерно за месяц. Обратный путь продолжался столько же времени. Во всяком случае, к концу сентября 1357 г. Алексей уже должен был добраться до Нового Сарая. Однако после событий, имевших место в Новом Сарае 22 июля того же года, обстановка в Золотой Орде непредсказуемо изменилась. В Орде началась «великая замятия», которая быстро охватила всю ее территорию и продолжалась много лет. Власть Бердибека в стране была в значительной степени номинальной. В Новом Сарае он закрепиться не сумел, а устроил военный лагерь в окрестностях Старого Сарая и пребывал там до своей гибели в 1359 г.

Только к ноябрю 1357 г. Алексей добрался до ставки Бердибека в низовьях Волги. Еще в пути он во всех подробностях узнал об убийстве Джанибека и последовавших за ним событиях в Орде. Под угрозой оказалось не здоровье Тайдулы, а личная безопасность самого митрополита. Главная задача, вставшая перед Алексием в тот момент, была одна – получение от нового хана ярлыка и пайцзы, которые гарантировали бы русской церкви ее традиционные привилегии. Эту задачу митрополит незамедлительно решил. Текст полученного им 21 ноября ярлыка Бердибека сохранился в русской передаче (Григорьев, 2004, с. 72–115). Благополучное возвращение Алексия в родные края зимой 1357 г. послужило сигналом для Ивана Красного и других князей великого княжества Владимирского отправиться в Орду за подтверждением владетельных прав на свои княжества. Бердибек, заинтересованный в скорейшем получении от русских князей обязательной платы за ярлыки, не чинил им проволочек. Поэтому уже в марте 1358 г. великий князь и другие князья с ярлыками и пайцзами вернулись в свои владения (ПСРЛ, 1922, стб. 66, 67).

Приблизительно в феврале 1358 г. Иван Красный встретил в ханской ставке своих, еще в феврале 1357 г. бежавших от его гнева в Рязань, бояр-заговорщиков во главе с В.В.Вельяминовым. Видимо, у бывшего московского тысяцкого нашлись в Орде очень влиятельные покровители. Великий князь вынужден был не только принять обратно опальных бояр и вместе с ними вернуться в Москву, но даже согласиться на возвращение В.В.Вельяминову его прежней должности тысяцкого (ПСРЛ, 1922, стб. 66).

Самыми грозными соперниками князей московского дома в их борьбе за владимирский великокняжеский престол в XIV в. являлись представители тверского княжеского дома. Владимирскими великими князьями были тверской князь Михаил Ярославич (1305–1317) и его сыновья Дмитрий (1322–1326) и Александр (1326–1327). Начиная с 1328 г. удача в этой борьбе надолго перешла на сторону князей московского дома. Их успеху в большой мере способствовало взаимное соперничество между потомками Михаила Ярославича в их стремлении овладеть тверским престолом. В середине XIV в. особенно ожесточенной была борьба между младшим сыном Михаила Ярославича Василием и сыном Александра (племянником Василия) Всеволодом (Клюг, 1994, с. 163–174).

После того как в 1346 г. умер тверской князь Константин Михайлович (1328–1337, 1340–1346), его младший брат Василий, удельный князь кашинский, рассчитывал, пользуясь правом старшинства, получить в Орде ярлык на тверское княжение. Однако его опередил сын Константина Всеволод, удельный князь холмский, оказавшийся в Орде раньше Василия и первым испросивший вождеденный ярлык у Джанибека. Так завязалась борьба за тверской престол между дядей и племянником, продолжавшаяся до смерти Всеволода в январе 1366 г. Борьба велась с переменным успехом. Обе стороны старались привлечь к себе в союзники великого князя литовского, князей из московского и нижегородского домов и, конечно, митрополита Алексия.

К лету 1357 г. во Владимире у Алексия побывала делегация из Твери во главе со Всеволодом и тверским епископом Феодором. Всеволод поведал митрополиту о своих обидах от Василия, который учинил их вопреки взаимному между ними соглашению после того, как, «по митрополичю слову», «возма любовь» с великим князем Иваном. Видимо, тогда же Иван Красный получил от Василия обязательство не претендовать на владимирский престол. В споре дяди и племянника Алексей принял сторону Василия, и делегация Всеволода ни с чем вернулась домой. Когда же зимой 1358 г. русские князья потянулись в Орду за новыми ярлыками, поехал туда и Василий. Он получил от Бердибека ярлык на тверское княжение и 17 марта 1358 г. возвратился в Тверь. Отправившийся вместе со всеми в Орду Всеволод был оставлен в Переяславле Залесском наместником Ивана Красного и вынужден был уехать в Литву, где проживала его сестра Ульяна, жена Ольгерда.

Получив поддержку в Литве, Всеволод вновь поехал в ханскую ставку. Узнав об этом, Василий отпустил из Твери в Орду своих по-

сланцев с прошением к хану выдать ему Всеволода. Тайдула поддержала ходатайство Василия, и Бердибек под конвоем выслал Всеволода в Тверь. Там он был выдан Василию. «И бышетъ отъ князя Василья князю Всеволоду томление велико и бояромъ и слоугамъ продажа данная велика, тако же и чернымъ людемъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 65–67). Видимо, таким образом, т.е. выдачей сторонников Всеволода в неволю ханским уполномоченным, Василий расплатился с Бердибеком за его услугу и получил при этом зачет за какую-то долю будущей обязательной дани в Орду с Тверского княжества.

В то самое время удельным князем микулинским в Тверском княжестве был младший брат Всеволода Михаил Александрович, которому к моменту государственного переворота Бердибека исполнилось 24 года. Михаил был человеком умным, энергичным и даже образованным. С 8 лет он обучался грамоте у своего крестного отца митрополита Феогноста (ПСРЛ, 1910, с. 106). Дмитрий Донской, например, не умел ни читать, ни писать (Кучкин, 1995, с. 73). В 1352 г. Михаила женили на Елене – дочери нижегородского князя Константина Васильевича. Последний осенью 1353 г. являлся в Орде основным конкурентом Ивана Красного в тяжбе за великокняжеский престол. Не добившись своего, нижегородский князь вернулся домой и в 1355 г. умер. Не имея пока реальной возможности претендовать на княжеский стол в Твери, Михаил пошел дальше своего нижегородского тестя в стремлении овладеть престолом во Владимире.

Против узурпатора Бердибека с самого начала его правления выступали старшие представители рода Джучи: Кулпа, базой которому служил Азов, Хызр, боровшийся за Укек (Гюлистан), и Навруз, осаждавший Новый Сарай. Все трое, начиная по крайней мере с 1358 г., эпизодически чеканили от своего имени монету в названных городах (Григорьев, 1983, с. 34, табл. 2). По словам современника Бердибека арабского историка Ибн Халдуна, хан погиб на третьем году своего царствования (Сборник, 1884, с. 389). Если вести отсчет правления Бердибека от 22 июля 1357 г., то кончина его приходилась на 1359 г. Можно ли определить ее во времени более точно? Известно, что, когда 4 марта 1359 г. Тайдула отправляла свое послание венецианскому дожу, Бердибек был жив (Григорьевы, 2002, с. 198, 199). Для того чтобы датировать более поздние, прижизненные для Бердибека, события названного года с точностью до дня, нужно иметь точно датированные письменные источники. А их у нас нет.

Что еще известно о событиях 1358–1359 гг., связанных с Ордой? Из русских летописей мы знаем, что в 1358 г. (во всяком случае не

позднее зимних месяцев 1359 г.) Бердибек посылал своего сына Мухаммед-ходжу на рязанские земли. Тот «много въ нихъ зла сотвори» и обратился к Ивану Красному с требованием «о розъезде земля рязаньская». Иными словами, речь шла о размежевании земель и установлении новых ордыно-рязанских границ с великим княжеством Владимирским. Территориальные споры и взаимные захваты между Рязанью и Москвой происходили постоянно. В данном случае, скорее всего, Мухаммед-ходжа собирался оттянуть в свое пользование спорные земли в пределах серпуховского и коломенского уделов Московского княжества. Создавшуюся очень острую для Ивана Красного ситуацию разрядило неожиданное разоблачение Мухаммед-ходжи как «коромольника» по отношению к Бердибеку. Он был срочно отозван в ханскую ставку. Зная, чем это для него кончится, Мухаммед-ходжа попытался бежать в Ургенч, но был настигнут посланниками отца и убит (ПСРЛ, 1922, стб. 67).

Дальнейшее последовательное изложение событий, связанных с Ордой, в русских летописях прерывается. О происшествии 1359 г. вначале сообщается, что «тое же зимы» 1359/60 г. «князи роусьскыи поидоша въ Ордоу». Потом говорится о смерти в Москве Ивана Красного, случившейся 13 ноября 1359 г. Далее написано о смерти в Орде Бердибека, воцарении Кулпы, его пятидесятилетнем правлении, убийстве Наврузом Кулпы «со двема сынома своима, со Михаиломъ и Иваномъ». Именно к Наврузу зимой 1359/60 г. «приидоша вси князи роусьскыи и бысть имъ въ Орде роздель княжениемъ ихъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 68). Приведенные летописные сообщения вызывают у внимательного читателя недоумение. Чем вызвано такое странное расположение летописного материала? Сначала говорится о событиях зимы 1359/60 г., затем – о событиях осени 1359 г., далее летописец сообщает о смерти Бердибека, воцарении и пятидесятилетнем правлении Кулпы, смерти Кулпы и воцарении Навруза, т.е. о происшествиях, начало которых должно было приходиться на лето 1359 г., а заключает этот перечень сообщение, уже приводившееся в самом начале, – о том, что именно к Наврузу направлялись русские князья зимой 1359/60 г.

Уже перечисление нами означенных событий позволяет сделать вывод о том, что смерть Бердибека имела место летом 1359 г. Более определенную дату этого происшествия назвать пока не представляется возможным. Смерть очередного хана в Орде и восшествие на престол нового хана, тем более узурпатора, всегда скрывались от посторонних глаз и ушей возможно более продолжительный срок, что позволяло новому хану затвердить свое положение в ставке. Так что со-

крытие обстоятельств и точной даты смерти Бердибека не особенно удивляет исследователя. Более странным представляется факт сокрытия русским летописцем обстоятельств явно преждевременной смерти Ивана Красного, скончавшегося в возрасте 33 лет.

Обращает на себя внимание и еще одна странность в летописном изложении событий 1359 г. Иван Красный являлся великим князем владимирским. После его смерти все русские князья Владимирского великого княжества автоматически обязаны были отправиться в Орду для утверждения ханом нового претендента на великокняжеский престол. Однако описание этого действия в летописи нет. Летописец недвусмысленно связывает исход русских князей в Орду не со смертью Ивана Красного, а с воцарением Навруза. Почему? Надо полагать, что к моменту своей кончины Иван Красный великим князем владимирским уже не являлся, хотя традиционно сохранял титул «великий князь», на который имелись соответствующий ярлык и пайцза. Московский летописец не стал заострять на этом горестном для москвичей случае внимание будущих читателей. Этим обстоятельством объясняются и странное расположение летописного материала, и отсутствие там сообщений о поездках русских князей в Орду летом 1359 г. (а она, конечно, была) и осенью 1359 г. (в ней не было необходимости).

Летом 1359 г. Кулпа возвестил мир о своем восшествии на престол и был официально признан ханом на всей территории Золотой Орды, ибо монета с его именем чеканилась в ордынских городах Новом Сарае, Азове, Укеке и Ургенче (Григорьев, 1983, с. 34, табл. 2). Другое дело, что великим князем владимирским Кулпа утвердил не Ивана Красного, который в Орду ездил, но ярлык получил лишь на свою отчину – Московское княжество. Имя счастливого обладателя ярлыка на великое княжение прозрачно вырисовывается в сообщении русского летописца, поведавшего о том, что после пятимесячного правления Кулпа был убит вместе со своими сыновьями Михаилом и Иваном.

Русские христианские имена у сыновей ордынского хана могли появиться только в том случае, если ханычи были крещены по православному обряду. Резонно допустить, что Кулпа заручился материальной поддержкой одного из русских князей – претендентов на владимирский великокняжеский престол и благодаря этой поддержке убил Бердибека и, оттеснив своих главных соперников, Навруза и Хызра, воссел на троне в Новом Сарае. В качестве платы за содействие он вначале крестил своих детей, а затем, ставши ханом, предоставил своему помощнику владимирский престол.

Попробуем вычислить этого помощника. Начнем с того, что претендентами на владимирский престол в тот момент могли выступать три русских княжеских дома – нижегородский, московский и тверской. Как определить – к какому из этих домов принадлежал искомый князь? Это легко устанавливается с помощью новых имен сыновей Кулпы – Михаил и Иван. Оказывается, что за полстолетия до 1359 г. среди княжат нижегородского дома не было ни одного Михаила и лишь один Иван. В московском доме к середине 1359 г. остался в живых только Иван Красный. В то же время в Тверском княжестве проживал удельный князь микулинский Михаил Александрович.

После того, как в 1352 г. Михаил женился на дочери Константина Нижегородского Елене, она подарила ему сына Ивана и, скорее всего, около 1357 г. скончалась. Сведений о смерти Елены не сохранилось. Однако через много лет тот же летописец сообщает, что 1 ноября 1405 г. скончалась жена Михаила Александровича по имени Евдокия (Приселков, 1950, с. 460). Такое могло случиться, если Евдокия была второй женой Михаила. Она являлась родственницей Кулпы, получившей христианское имя Евдокия после своего крещения в Твери приблизительно в 1358 г. Крестил ее тогдашний тверской епископ Феодор, а в качестве крестной матери, давшей ей свое имя, могла выступать вдова дяди Михаила Константина Михайловича Евдокия, которая скончалась от чумы в декабре 1356 г. (ПСРЛ, 1922, стб. 79). После женитьбы Михаила на ордынской царевне у них родился сын, в честь деда названный Александром. В 1382 г. Александр сменил внука тверского князя Василия Михайловича – удельного князя Василия, умершего бездетным в Кашине. На кашинском столе Александр сидел до самой смерти, случившейся в 1389 г. Он имел зафиксированное в летописи прозвище Ордынец (ПСРЛ, 1863, стб. 444).

Отнюдь не праздным является вопрос о том, кто из русских церковных иерархов мог совершить церемонию, освящавшую восшествие на великокняжеский престол во Владимире Михаила Александровича? Вспомним, что с осени 1355 г. в Киеве обосновался Роман, который наряду с Алексием был рукоположен патриархом константинопольским в митрополиты всея Руси. Алексей имел ярлык Бердибека, освобождавший русскую церковь от налогов и повинностей. Что мешало Кулпе, свергшему власть Бердибека, выдать соответствующий ярлык митрополиту Роману? Алексей навсегда связал свою судьбу с московским княжеским домом, а Роман, тверич по рождению, не мог отказаться принять личное участие в посажении на престол во Владимире своего земляка Михаила.

Итак, Михаил, которому в 1359 г. исполнилось 26 лет, вполне мог быть реальным претендентом на владимирский престол, а затем и стать на короткое время правления Кулпы великим князем владимирским. Другой вопрос – стал ли он им в действительности? Сохранились ли в письменных источниках хотя бы какие-нибудь отголоски, подтверждающие наши предположения?

Обращаемся к материалам Рогожского летописца. Оказывается, что там за 9 лет (1353–1361), которые представляют для нас особенный интерес, о Михаиле нет ни слова. Это наблюдение настораживает. Такого просто быть не могло. Вся дальнейшая биография Михаила говорит за то, что и в указанные годы он являлся слишком видной политической фигурой, чтобы его можно было не заметить. Остается предположить, что имя этого князя и события, с ним связанные, были позднее специально изъяты из летописных сообщений. Под 1362 г. записано, что князь Михаил Александрович взял мир с литовским великим князем Ольгердом (ПСРЛ, 1922, стб. 73). Под 1363 г. читаем заметку о том, что тверский князь Василий собрал было рать к Микулину, где сидел его племянник Михаил, и опять распустил ее (ПСРЛ, 1922, стб. 75). Под 1364 г. искомого имени в летописи нет. События, записанные под 1365–1373 гг., буквально пестрят сведениями о многогранной деятельности Михаила Александровича. Однако самое интересное заключается в том, что летописец во всех без исключения случаях называет его великим князем (ПСРЛ, 1922, стб. 79, 81, 84, 87, 88, 90–96, 98–101, 103–105).

Мы уже знаем, что тверским князем до самой смерти, случившейся в 1368 г., считался Василий Михайлович, который долгие годы с переменным успехом боролся за власть в Твери со старшим братом Михаила Всеволодом, скончавшимся в 1366 г. Михаил все это время числился удельным князем в Микулине. Как же можно было называть его тогда великим князем? Крупный исследователь истории Тверского княжества Эккехард Клюг обратил внимание только на то, что летописец называл Михаила великим князем под 1366 и 1367 гг. Он объяснил эту несообразность таким образом. Рогожский летописец писал о микулинском князе Михаиле так, как если бы он был уже великим князем тверским. Иными словами, в летописи наблюдается «анахронистическое употребление великокняжеского титула» (Клюг, 1994, с. 178–179).

Как же мог летописец «анахронистически» титуловать Михаила великим князем тверским, когда ни Всеволода, ни Василия он ни разу великими князьями тверскими не называл? Решение этой проблемы видится в другом: летописец называл Михаила великим князем в па-

мать о том, что при ордынском хане Кулпе в 1359 г. тот действительно стал великим князем владимирским, а затем на всю оставшуюся жизнь сохранял за собой этот титул. Титулование Михаила просто князем под 1362–1363 гг. в Рогожском летописце может объясняться вмешательством руки промосковского цензора, который предварительно вымарал в летописце описания всех событий за 1353–1361 гг., связанных с именем Михаила, а под 1362–1363 гг. сохранил только краткие заметки о взаимоотношениях Михаила с Литвой и собственным дядей.

До наших дней дошел так называемый «Тверской сборник» – летописный свод, построенный на тверских летописных материалах XV в., излагавших события русской истории с позиций тверских князей. Однако этот сборник сохранился только в списках XVII в. Промосковский редактор сборника не оставил никаких сведений о Михаиле Александровиче вплоть до 1368 г. Под этим годом Михаил называется великим князем (ПСРЛ, 1863, стб. 428).

Основываясь на вышеуказанных данных, автор этих строк представляет себе события 1357–1359 гг. применительно к Орде и личности Михаила Александровича следующим образом. После убийства Джанибека и узурпации власти Бердибеком один из главных претендентов на ордынский трон Кулпа нашел себе убежище и поддержку на западных рубежах Золотой Орды. Возможно, он тайно получал материальную помощь от венецианцев в Азове, за счет чего и принялся чеканить монету от своего имени прежде всего в Азове. Мог поддерживать связи с Кулпой и литовский великий князь Ольгерд, женатый на старшей сестре Михаила Ульяне. Честолюбивый микулинский князь в ближайшей перспективе имел очень мало шансов на приобретение престола в Твери. Познакомившись и подружившись с Кулпой, Михаил задумал овладеть престолом во Владимире. Когда скончалась супруга Михаила Елена, оставив ему сына Ивана, микулинский князь породнился с Кулпой, взяв в жены его родственницу, которую тут же окрестили, назвав Евдокией. Со своей стороны, Кулпа крестил собственных сыновей, избрав их крестным отцом Михаила и дав наследникам имена восприемника и его сына.

Получив материальную поддержку от соседей на западе, Кулпа заручился военной помощью ордынских князей правого крыла, а также одобрением Тайдулы, летом 1359 г. сверг Бердибека и воссел на ордынский трон. В то же лето 1359 г. состоялась поездка в Орду русских князей во главе с Иваном Красным.

Великий князь был хорошо осведомлен о ситуации в Твери и роли Михаила в ордынских делах, ибо Мария, вдова брата Ивана Красного Семена, приходилась Михаилу родной сестрой, а дочь Семена от первого брака Василиса являлась женой старшего сына тверского князя Василия. Поэтому предстоявшая малоперспективная, но совершенно обязательная поездка в Орду потребовала от Ивана Красного, помимо прочего, напряжения всех его душевных сил. Между тем его советник и помощник в реализации внутренней и внешней политики великого княжества митрополит Алексей был далеко от Москвы и от Владимира. Еще 6 января 1359 г. митрополичий караван направился из Владимира в Киев (ПСРЛ, 1922, стб. 67) по маршруту Владимир – Коломна – Серпухов – Оболенск – Калуга – Перемышль – Белев – Брянск – Стародуб – Чернигов – Киев. Поездка Алексея была вызвана тревожными сообщениями о том, что литовский митрополит Роман прибрал к рукам Киев и брянскую епископию.

На родину из этого путешествия, которое едва не закончилось для него трагически, Алексей вернулся только в 1360 г. Из позднейших византийских документов известно, что Ольгерд заключил тогда под стражу митрополита и его спутников, отнял у него многоценную утварь и угрожал смертью. У Алексея все же нашлись тайные помощники, которые содействовали его бегству из-под стражи и благополучному возвращению домой (Прохоров, 1988а, с. 28, 29). Ивану Красному так и не довелось больше увидеть митрополита Алексея. Перед самой поездкой в Орду летом 1359 г., в тоске и тревоге перед грядущим, князь пишет свое завещание – «духовную грамоту» (Духовные, 1950, с. 15–19, № 4). Л.В.Черепнин, подготовивший завещание к печати, считал, что оно было написано около 1358 г. Основанием для датировки завещания Л.В.Черепнину послужила его связь с летописным известием 1358 г. о попытке Бердибека пересмотреть ордыно-рязанскую границу с Московским княжеством (Духовные, 1950, с. 19). А.А.Зимин на основании содержащихся в завещании невнятных указаний на состав семьи Ивана Красного полагал, что духовная грамота была составлена не позднее 1356 г. (Зимин, 1958, с. 280, 281). При этом оба историка упускали из виду то обстоятельство, что в тексте завещания двоюродный брат Дмитрия Владимир Андреевич совершенно четко рассматривался как единственный наследник удела своего отца. Не секрет, что у Владимира был еще старший брат Иван, сообщение о смерти которого в летописях помещается непосредственно перед известием о поездке Алексея в Киев (ПСРЛ, 1910, с. 112). Значит, Иван

Андреевич умер в 1358 г., а Иван Красный написал свое завещание не ранее этого года.

В тексте завещания действительно высказывается опасение за сохранность спорных с Рязанью московских пограничных владений, которые может оттягать себе Орда. Сама по себе такая боязнь в завещаниях князей московского дома была далеко не новой. Еще в завещании Ивана Калиты, который составлял его также перед поездкой в Орду, содержалось точно такое же опасение (Духовные, 1950, с. 8, № 1). Только там боязнь великого князя высказана в общей форме, без указания на конкретные территории, а в завещании Ивана Красного даются точные адреса возможных ордынских захватов (Духовные, 1950, с. 15, № 4). Откуда Ивану Красному стала известна такая конкретика? Только из нереализованных требований уполномоченного Бердибека Мухаммед-ходжи. После того, как вся история с ордынскими притязаниями на московские земли была полностью завершена, митрополит Алексей получил возможность в начале января 1359 г. отправиться в Киев. Текст завещания Ивана Красного свидетельствует о том, что в момент его составления митрополита в стране уже не было. Следовательно, завещание было написано в 1359 г.

К тому времени, кроме самого великого князя, не осталось в живых ни одного взрослого мужчины из московского княжеского дома. Старшему сыну Ивана Красного Дмитрию было только 8 лет, младшему – Ивану едва сравнялось 5 лет. Примерно столько же было и племяннику великого князя Владимиру, который родился 15 июля 1353 г. Свою отчину – Московское княжество – Иван Красный завещал сыновьям, племяннику и жене Александре. После этого он съездил в Орду, уступил там великое княжение Михаилу, а осенью вернулся в Москву, где и умер 13 ноября 1359 г. Однако торжество великого князя владимирского Михаила Александровича продолжалось недолго.

Неожиданный взлет одного из мелких удельных держателей тверского княжеского дома до высот правителя страны, которая раз в 15 превышала размеры всего Тверского княжества, объяснялся своеобразием той эпохи, когда необозримые пространства Золотой Орды, лишившись руководства из единого центра, распались на составлявшие государство отдельные владения и их фрагменты. Их состояние в то время очень образно и точно обрисовал русский летописец: «Гладу же въ нихъ велику надлежашу и замятие мнозе и нестроению надълзе пребываюшу и не престающе другъ на друга въстающе и крамолююще и воююще межи собою, ратящесе и убивающесе» (ПСРЛ, 1922,

стб. 70–71). То же самое своеобразие эпохи объясняет и кратковременность пребывания Михаила на престоле во Владимире.

В отношении очередности и хронологии правлений в Золотой Орде конца 50–70-х годов XIV в. отдельных представителей рода Джучи автор этих строк несколько продвинулся вперед по сравнению со своими прежними исследованиями (Григорьев, 1983; Григорьев, 1985б). Основными источниками наших сведений по исследуемой теме остаются сохранившиеся монеты ордынских ханов, синхронные материалы русских летописей, список имен ордынских ханов персидского автора начала XV в. Низам ад-Дина Шами и довольно путаное, но основанное на не дошедшем до нас тюркоязычном первоисточнике повествование современника Шами, также тимуридского придворного историографа – Муин-Дина Натанзи. Кроме того, интересующую нас тему разрабатывает с точки зрения изучения предистории Казахского государства Т.И.Султанов, перу которого принадлежат работы, основанные на подлинных текстах целого ряда восточных источников (Султанов, 1975; Султанов, 1976; Кляшторный, Султанов, 1992; Кляшторный, Султанов, 2000).

Улус Джучи, границы которого определились только после смерти этого старшего сына Чингис-хана и в основном в результате завоевательных походов сына Джучи Бату, в исследовательской литературе получил название Золотая Орда. Как выяснилось из сохранившихся ордынских документов, его подлинными названиями были Монгольское государство (Монгол улус) или, позднее, Великое государство (Улуг-улус) (Григорьев, 1987, с. 40–45). В Золотой Орде, так же как и в Монгольской империи в целом, государственное административное деление повторяло традиционное деление монгольской армии на центр и два крыла (Трепавлов, 1993, с. 96–102). Центр, возглавляемый ханом-джучидом, управлял крыльями, официальными предводителями которых являлись наиболее авторитетные родовые князья – нечингисиды. Естественной границей между территориями расселения крыльев и одновременно центром страны служила река Волга, на берегах которой располагались ханские резиденции – Сарай и Новый Сарай.

Считалось, что у Джучи было около 40 сыновей, от которых родилось несчетное число внуков. Самыми известными сыновьями Джучи являлись Бату и Орда. Бату был старшим сыном Джучи, а Орда – четвертым (Григорьев, 1972, с. 60–62). Если не считать недолгое правление брата Бату Берке, то всеордынскими ханами до конца 50-х годов XIV в. являлись только сам Бату и его потомки. Орда после смерти

Джучи получил его коренной юрт, располагавшийся в верховьях Иртыша, т.е. на восточной окраине Золотой Орды. С течением времени род Орды переместился на многие сотни километров в юго-западном направлении и к началу XIV в. обосновался в районе среднего течения Сырдарьи.

Отдаленный потомок Орды Мубарек-ходжа уже в 1328–1329 гг., т.е. во время правления Узбека, предпринял попытку чеканки в Сыгнаке собственной монеты, т.е. провозгласил себя независимым государем. Это своеволие было пресечено центральной властью. Через полгода Мубарек-ходжа был вынужден бежать за пределы страны и погиб в изгнании на Алтае. По предписанию Узбека владение Мубарек-ходжи было передано его брату Чимтаю (Сборник, 1941, с. 130).

Следует отметить, что территория расселения потомков Джучи, приходившаяся на левое крыло Золотой Орды (т.е. земли к востоку от Волги), по крайней мере вдвое превышала территорию ее правого крыла. Поэтому именно на просторах левого крыла кочевала большая часть потомков многочисленных сыновей Джучи. Из них кроме Орды наиболее известными были представители родов сыновей Джучи Шибана и Тука-Тимура. За местами постоянных кочевок ордуидов (т.е. восточными пределами левого крыла) закрепилось название Синяя Орда. Шибанидов и тука-тимуридов (кочевья которых изначально находились западнее) относили к царевичам Белой Орды. В середине XIV в. география расселения названных потомков Джучи менялась непредсказуемо быстро. Отсюда возникла путаница в цветовом обозначении владений перечисленных джучидов левого крыла, которая наблюдается в произведениях более поздних по времени мусульманских авторов. В изначальной основе этой путаницы лежит различие в цветовой символике тюркских и иранских народов. У тюрков белый цвет обозначает запад, синий – восток, а у иранцев семантика этих цветообозначений была обратной (Кононов, 1978, с. 158–178). Для русских летописцев все царевичи, приходившие с волжского левобережья, считались выходцами из Синей Орды. Обозначение «Белая Орда» осталось для них неизвестным.

Видимо, уже в конце ноября 1359 г. Кулпа погиб от руки Навруза, также являвшегося «своим» для родовых князей правого крыла, т.е. батуидом. Навруз успел отчеканить свою монету не только в городах правого крыла, но и в Ургенче. Зимой 1359/60 г. к нему в ставку пришли все князья великого княжества Владимирского, «и бысть имъ въ Орде роздел княжением ихъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 68). Естественно, присутствовал на этой церемонии и великий князь Михаил, не имев-

ший никаких шансов получить престол во Владимире из рук Навруза – смертельного врага Кулпы. Великокняжеский престол был предложен нижегородскому князю Андрею Константиновичу, который отказался от этой чести в пользу своего младшего брата суздальского князя Дмитрия (имевшего крещальное имя Фома). Московские бояре привозили в орду и девятилетнего Дмитрия Ивановича. Он получил ярлык на Московское княжество.

22 июня 1360 г. состоялся торжественный въезд во Владимир Дмитрия Константиновича. Однако церемонии посажения его на престол так и не суждено было совершиться. Из Орды получили тревожные вести о том, что «приде на царство Волжское некий царь со востока Заядъскы, именем Хидырь, прида взяль Ордоу и царя Навруса оубиль и царицу Таидулу, а князи ординьскыхъ Муалбоузиноу чадъ множество оубиль, а сам седе на царство» (ПСРЛ, 1922, стб. 69). Представителям погибшего Навруза во Владимире сразу стало не до церемоний.

К какому роду принадлежал новый хан Хызр? Натанзи считает его ордуидом (Сборник, 1941, с. 130). Трон в Сыгнаке тогда уверенно держал Чимтай, и Хызр решил поискать счастья на западе. Русский летописец называет его «Заядъским» правителем. В позднейшей Никоновской летописи это название воспроизводится в форме «Заяицкий», т.е. обозначает территорию, расположенную за рекой Яик (Урал). Вряд ли это правильное решение, ибо данное название стоит в паре с названием «царство Волжское». Известно, что тюркское название реки Яик писалось через букву «джим» и произносилось Джайк. Поэтому точнее будет считать Хызра правителем джайкским, или яйцким.

Вряд ли ставка Хызра располагалась в нижнем течении Яика – в Сарайчике. Этот джучид эпизодически захватывал Укек уже с 1358 г. и даже чеканил там свою монету. Летом 1360 г. он также, по словам русского летописца, вначале убил Тайдулу и опустошил владения Могулбуги, а потом уже «седе на царство», т.е. шел к Новому Сараю через Укек, Сарыкамыш и Бездеж. Это значит, что база Хызра, на которой он готовил вторжение, находилась на берегу Яика значительно севернее Сарайчика, возможно, на месте нынешнего Оренбурга, где прежде находились развалины татарского поселения, название которого не сохранилось.

Летом 1360 г. Хызр огнем и мечом проложил себе дорогу через Укек в Новый Сарай. Там он провозгласил себя всеордынским ханом. Монета с его именем действительно в течение года чеканилась во всех крупных центрах Золотой Орды, включая Ургенч. Для закрепления

победы над Укеком Хызр оставил там военный гарнизон под началом своего брата Мюрида, а сам с двумя сыновьями и основными силами расположился военным лагерем в Новом Сарае. Узурпатор-чужак, снискавший ненависть родовых князей правого крыла, практически не имея сторонников, Хызр недолго продержался на общеордынском троне.

Весной 1361 г. посланцы Хызра были разосланы во все концы великого княжества Владимирского с призывами к русским князьям собираться в ханскую ставку для выкупа очередных ярлыков и пайцз от имени нового хана. Русские князья потянулись в Орду. Московские бояре опять повезли за ярлыком Дмитрия. Прибыл туда же и великий князь Дмитрий Константинович. Других, кроме старшего сына Ивана Красного, претендентов на стол Московского княжества не имелось. На имя Дмитрия был без проволочек написан ханский ярлык, с которым десятилетний московский князь благополучно вернулся домой (ПСРЛ, 1922, стб. 70). На долю претендента на престол во Владимире Дмитрия Константиновича выпала масса всякого рода затрат и смертельного риска. Орду захлестнул новый вал «великой замятии».

По словам Натанзи, в Сыгнак к Чимтаю неоднократно приезжали посольства от князей правого крыла, которые призывали его занять общеордынский трон. Вместо себя сыгнакский правитель отправил в Новый Сарай своего брата Орда-шейха с несколькими ближайшими родственниками – огланами (Сборник, 1941, с. 130). В начале 1361 г. армия под командованием Орда-шейха подошла к рубежу, с которого начинал свой поход на Новый Сарай Хызр, т.е. к реке Яику. Базой для подготовки броска на Новый Сарай Орда-шейху послужил, скорее всего, город Сарайчик, находившийся на правом берегу Яика (в 60 км выше нынешнего Гурьева). Летом 1361 г. царевичи Синеи Орды осуществили поход на Новый Сарай с юга – вдоль берега Ахтубы. Город был блокирован со всех сторон, и Орда-шейх бросил своих воинов на его штурм. Отчаянно сопротивлявшийся Хызр был убит вместе со своим младшим сыном. Его старший сын, которого Натанзи называет Халифа, провозгласил ханом себя. Однако, как отмечает русский летописец, он смог противостоять натиску воинов Орда-шейха только две недели (ПСРЛ, 1922, стб. 71).

После гибели Халифы всеордынский престол захватил Орда-шейх, который удерживал его приблизительно месяц и был убит. Правда, он успел отчеканить свою монету под именем Орда-мелик в Новом Сарае и Азове (Григорьев, 1983, с. 34, табл. № 2). Место Орда-шейха на троне занял его сын Тимур-ходжа. Монеты с именем послед-

него найдены только в Новом Сарае. Наступила осень 1361 г., и на ордынскую столицу нагрянул Кельдибек.

Попытка разобраться в перипетиях борьбы за власть Кельдибека уже производилась (Григорьев, 1994, с. 28–36). Князь из рода бахрин Яглыбай, сын Тоглубая, имевший резиденцию к югу от Кафы (Федосии) в Янгишехре (который венецианцы называли Провато), поддерживал в борьбе за ордынский трон Кельдибека – самозванца, объявившего себя сыном Джанибека. Получив тайную финансовую помощь от венецианцев в Азове, Кельдибек в 1361 г. захватил этот город, но долго в нем не задержался. Снарядив войско, которым командовал Яглыбай, Кельдибек выступил на Новый Сарай. Путь его лежал вверх по течению Дона, в обход владений рода Могулбуги. Совершив этот глубокий рейд, Кельдибек захватил Наручадь (Мокшу). Оттуда он двинулся на юго-восток, переправился через Волгу, обходя с севера Укек, где укрепился брат Хызра Мюрид, прошел вдоль левого берега Волги по ее течению и осенью 1361 г. обрушился на Новый Сарай с севера.

Не видя возможности удержаться в Новом Сарае, Тимур-ходжа попробовал обрести защиту и поддержку у своего сородича Мюрида и перебежал на правый берег Волги. Мюрид и сам имел виды на общеордынский трон. Сразу после того, как летом 1361 г. его брат Хызр был убит в Новом Сарае, Мюрид принялся чеканить в Укеке монету от своего имени. Так что на другом берегу Волги Тимур-ходжа нашел только свою скорую смерть. Тем временем Кельдибек завладел Новым Сараем и провозгласил себя общеордынским ханом. Отдавая себе отчет в том, что наиболее могущественные и авторитетные родовые князья никогда не согласятся долго терпеть на ордынском престоле хана-самозванца, Кельдибек принялся физически устранять княжескую элиту. Натанзи и русские летописцы передают, что Кельдибек проводил свою политическую линию довольно искусно, тайно вызывая князей в свою ставку и срамливая их между собой. Так, с осени 1361 до весны 1362 г. погибли «старые князья» Могулбуга, Ахмат, Нангудай, Сарай-Тимур, Кога (Сборник, 1941, с. 129; ПСРЛ, 1922, стб. 71).

Со времени правления Бердибека при ханской ставке проживал родовой князь Мамай, который, предположительно, приходился старшим сыном Кутлугбуге – правителю Крымского тюмена (Григорьевы, 2002, с. 209–214). Мамай, женатый на сестре Бердибека, видимо, опекал жен, детей и ближайших родственников хана и после его смерти, т.е. выполнял функции хранителя его ставки (орды). Когда осенью 1361 г. на город напал Кельдибек, Мамай, вслед за Тимур-ходжой, пе-

ребрался на правый берег Волги, «а орда и царици вси съ нимъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 71). Затем Мамай сопроводил ханскую ставку вниз по Дону до Крыма и поручил ее заботам своего отца. После этого он провозгласил законным наследником ордынского престола одного из ближайших родственников Бердибека по имени Абдулла, при содействии отца и финансовой помощи генуэзцев Кафы снарядил войско и, скорее всего, весной 1362 г. двинулся в поход на засевшего в Новом Сарае Кельдибека.

К лету 1362 г. состоялось отвоевание Нового Сарая. Мамай посадил Абдулла на трон, а себя объявил главным министром его правительства – беклербеком. Началась чеканка сарайской монеты с именем Абдуллы. Однако продержался Мамай в Новом Сарае лишь до осени, когда был выбит оттуда Мюридом. Видимо, Мюрид учел ошибки своего брата Хызра и, просидев свыше двух лет в Укеке, восстановил доверительные отношения с княжеским родом Могулбуги, владения которого простирались от Бездежа на юго-востоке до границ с русскими княжествами на северо-западе. После смерти Могулбуги этими землями управлял его брат Урусбуга. Своим беклербеком Мюрид назначил сына Могулбуги Ильяс (Сборник, 1941, с. 130). Мамаю Ильяс приходился двоюродным братом. Кровное родство не мешало им насмерть биться друг с другом за власть, прикрываясь именами своих ставленников – джучидов.

Вообще следует подчеркнуть, что в основе «великой замятии» в Орде лежали прежде всего центробежные тенденции. Феодализирующиеся родовые князья, некогда составлявшие монолитную опору трона ханов-джучидов, стремились теперь превратить ордынские тюмены, которыми они управляли от имени правившего хана как воинскими округами, в свои безусловные наследственные владения – бейлики. Формы, в которые родовые князья облекали фактическую независимость своих владений от ханов, были различными. Одни из них продолжали оставаться правителями тюменов ханов-победителей. Так поступали сыновья Севинчбуги: Кутлугбуга, правивший Крымским тюменом, Могулбуга и Урусбуга, управлявшие Бездежским тюменом.

Другим был сын князя Тевеккеля Булат-Тимур, в 1361 г. овладевший Булгаром и чеканивший там монету от своего имени, подкрепляя его благодарной памятью о покойном хане Джанибеке. Князь был убит в 1367 г. ханом-ордуидом Азиз-шейхом (Мухамадиев, 1983, с. 93–95). Однако и после смерти Булат-Тимура Булгар остался во владении его родственника Хасана, о котором речь пойдет ниже. Третьим можно считать сына Тоглубая Яглыбая, который обеспечил себе высший

чин беклербека в правительстве самозванного сына Джанибека, Кельдибека. Примером четвертого был родовой князь Тагай, в 1361 г. попросту захвативший северную часть Бездежского тюмена с центром в Наручади (ПСРЛ, 1922, стб. 70). Совершенно особое место в названном ряду занимает сын Кутлугбуги Мамай, почти два десятка лет фактически владевший ордынскими землями к западу от Волги.

Овладев Новым Сараем осенью 1362 г., Мюрид с подачи Ильяса вспомнил о возможности быстро пополнить свою казну за счет русских князей. Московские бояре с лета 1360 г. не забывали о том, что представитель нижегородского княжеского дома суздальский князь Дмитрий Константинович получил от хана великое княжение «не по очине, ни по дедине» (ПСРЛ, 1922, стб. 69). Когда в Орде немного улеглась вакханалия убийств, митрополит Алексей и наиболее влиятельные московские фамилии возобновили переговоры с ханской ставкой о восстановлении исторической справедливости – выдаче ярлыка на великое княжение представителю московского княжеского дома. Соперничества со стороны тверского князя Василия Михайловича московская сторона тогда не опасалась. В то еще достаточно смутное время сношения между Ордой и русскими князьями осуществлялись не за счет личных поездок князей, а через посредство ордынцев, постоянно проживавших слободами при всех значительных русских городах. Во главе каждой такой слободы находился ордынский начальник, которого называли по-тюркски баскак, а по-монгольски даруга. Ордынских гонцов, или вестников, на русской дипломатической службе, которые проживали в тех же слободах, называли по-тюркски киличеями.

Результатом названных русско-ордынских переговоров явился ярлык Мюрида на великое княжение, выданный на имя двенадцатилетнего Дмитрия и привезенный его киличеями в Москву поздней осенью 1362 г. (ПСРЛ, 1922, стб. 72). Под флагом нового великого князя, вряд ли отдававшего полный отчет о своей роли в политике страны и задачах на будущее, бояре собрали со всех московских уделов войско, в которое вошли и ополчения малолетних братьев Дмитрия – князя звенигородского и рузского Ивана и князя серпуховского Владимира. В декабре 1362 г. ополчение двинулось к Переяславлю Залесскому, где в то время находился Дмитрий Константинович. Не приняв боя, суздальский князь бежал из Переяславля во Владимир, а оттуда – в свою отчину. В первых числах января 1363 г. московские войска вступили во Владимир. Состоялась торжественная церемония посажения Дмитрия «на великом княжении на столе отца своего и деда и прадеда»

(ПСРЛ, 1922, стб. 73). Эта демонстрация торжества московского княжеского дома во Владимире продолжалась три недели, после чего войска вместе с юным великим князем вернулись в Москву.

Уже зимой 1362/63 г. в Москве было получено известие о смерти в Киеве митрополита Романа. Таким образом, Русская православная церковь вновь формально вернула себе единство под началом семидесятилетнего митрополита Алексия.

В начале 1363 г. в излучине Днепра на территории так называемого Великого Луга Мамай обустроил ставку для своего ставленника Абдуллы, которая на легендах монет последнего называлась Орда (Орду) (Григорьев, 1990). Примерно в то же время Мюрид был изгнан из Нового Сарая Мир-Пуладом (Мухамадиев, 1983, с. 92). Видимо, он же иногда назывался на монетных легендах Пулад-ходжой (Григорьев, 1983, с. 50, табл. 4). Откуда взялся Пулад-ходжа? Можно предположить, что он был в числе тех огланов, которые в начале 1361 г. пришли в составе армии Орда-шейха на Яик, создав в Сарайчике базу для наступления на Новый Сарай. В начале 1363 г. Пулад-ходжа выбил Мюрида из Нового Сарая и сам укрепился там, на короткий срок выключив общеордынскую ставку из числа ордынских городов, напрямую связанных с историей великого княжества Владимирского. Роль таких городов стали выполнять Орда на Днепре и Укек (Гюлистан) на Волге, за которыми в русских летописях закрепились обозначения «Мамаева Орда» и «Муротова Орда». Собственная резиденция Мамаю находилась в городе Крым (Старый Крым) – центре Крымского тюмена, которым управлял отец Мамаю Кутлугбуга.

Весной 1363 г. из Мамаевой орды в Москву приезжал посол с ярлыком на великое княжение для Дмитрия. Пришлось боярам снова везти мальчика – великого князя во Владимир и повторить церемонию его посажения уже от имени Абдуллы. Затем все вернулись восвояси. В ответ на это в Укеке, видимо, по совету своего беклербека Ильяс, Мюрид тут же выдал ярлык на великое княжение для Дмитрия Константиновича. Последний незамедлительно отправился во Владимир и провозгласил себя великим князем от имени Мюрида. Однако он смог просидеть во Владимире только одну неделю и был согнан с престола московским войском, которое преследовало суздальского князя до самой его отчины. Московская рать простояла под Суздалем несколько дней. Дмитрий Константинович был вынужден отказаться от притязаний на владимирский престол в пользу своего юного тезки. Взамен московская сторона, направляемая митрополитом Алексием, обещала Дмитрию Константиновичу содействие в получении нижегородского

стола, захваченного его младшим братом – городецким князем Борисом (ПСРЛ, 1922, стб. 74).

Закрепив договор с Дмитрием Константиновичем поставлением на Суздаль епископа Алексия, летом 1363 г. митрополит Алексей через Тверь отправился в литовские православные епархии. Теперь он уже имел на это законное право. В качестве предлога для встречи с литовским великим князем Ольгердом Алексей использовал поездку к нему в семью из Твери вдовы тверского князя Александра Михайловича Анастасии, дочь которой Ульяна, жена Ольгерда, недавно родила девочку. Когда, погостив у зятя, в июне 1364 г. Анастасия вернулась домой с некрещеной внучкой, митрополит Алексей специально приезжал в Тверь, чтобы совершить обряд крещения дочери великого князя литовского. Что касается одинаково опасного для Твери и Москвы претендента бывшего великого князя владимирского, а в то время удельного князя микулинского, Михаила Александровича, то его блокировал в Микулине тверской князь Василий (ПСРЛ, 1922, стб. 75, 76).

Летом же 1363 г., произведя пастырскую поездку по западным православным епархиям, получив положенную ему церковную десятину и плату за митрополичий суд, Алексей после того совершил поставление в епископы Брянска Парфения, за что также получил законную долю. Официально конечной целью путешествия Алексия являлось посещение им Киева – исторической митрополичьей резиденции, где князем тогда сидел сын Ольгерда Владимир (Олелько). Алексей, конечно, посетил Киев, но в обратный путь отправился не прежней дорогой, а спустился вниз по течению Днепра до ставки Абдуллы на Великом Лугу и употребил собранные деньги на выкуп у ставленника Мама ярыка, освобождавшего Русскую православную церковь от всех налогов и повинностей.

Текст этого ярыка не сохранился. Не дошли до наших дней и какие-либо упоминания о нем в письменных источниках. Но ведь и о ярыке Бюлека митрополиту Михаилу от 1379 г., содержание которого еще предстоит реконструировать, науке стало известно лишь по счастливой случайности, после того, как в 40-е годы XV в., т.е. через многие десятилетия после составления ярыка, неведомый нам составитель сборника русских переводов ханских ярыков ненароком предпочел именно этот ярык множеству других, обнаруженных им в митрополичьей ризнице, а ныне безвозвратно утраченных. После того как московский князь Дмитрий получил ярык на великое княжение от «Мамаева царя» Абдуллы, митрополит Алексей, родившийся в Москве и с детских лет связавший свою судьбу с князьями московского

дома, просто обязан был получить на свое имя ярлык от того же Абдуллы. Он и получил этот документ и осенью 1363 г. возвратился домой, но уже не через Киев и Тверь, а через Верховские княжества и Серпухов.

Крупнейшим событием середины 60-х годов XIV в. для всего интересующего нас региона явился «великий мор», охвативший Орду и Северо-Восточную Русь. Волна «черной смерти» – чумы – пришла откуда-то с востока и поздней осенью 1363 г. захлестнула вначале Новый Сарай. Перед лицом страшной опасности хан Пулад-ходжа надолго покинул свою главную ставку, и потому монета с его именем в 765 г.х. (10 октября 1363 г. – 27 сентября 1364 г.) в Новом Сарае не чеканилась (Григорьев, 1983, с. 50, табл. 4). А эпидемия чумы вместе с бегущими от нее людьми переправилась на правый берег Волги и двинулась на север через Бездеж и Сарыкамыш в Укек, куда она добралась уже лютой зимой 1363/64 г., сделала свое черное дело и на время затаилась. Похоже на то, что именно зимой 1364 г. в Укеке заразился и умер от чумы хан «Муротовой орды» Мюрид. По версии Натанзи, Мюрида убил его беклербек, сын Могулбуги Ильяс (Сборник, 1941, с. 130).

Наступила весна 1364 г., и возродилась эпидемия чумы, которая, продвигаясь к северу от Укека, охватила Булгар и к лету того же года пришла в Нижний Новгород. Далее вал «черной смерти» прокатился по городам и весям великого княжества Владимирского, выписывая непредсказуемые многосотверстные кривые, так что хронология этих то замиравших, то вновь набиравших силу смертельных кругов стерлась в памяти оставшихся в живых людей и сегодня за время от 1364 до 1366 г. с трудом поддается точной датировке (ПСРЛ, 1922, стб. 76–83). А между тем во властных структурах Орды и Северо-Восточной Руси в тот период произошел целый ряд крупных перемен. Определяющие перемены за то же время случились и в личной жизни Дмитрия.

В упомянутом 765 г.х., когда на Волге в Новом Сарае из-за эпидемии чумы полностью прекратилась монетная чеканка, она началась от имени Абдуллы в центре Мамаевой Орды на Днепре, где была устроена резиденция Абдуллы, занимаемая им в 1363–1370 гг. С лета 1362 г. монета с именем Абдуллы чеканилась и в Азове – центре Азовского тюмена, где находилась венецианская торговая фактория, управлявшаяся консулом. В Кафе, располагавшейся на территории Крымского тюмена, находился центр управления генуэзскими факториями – извечными торговыми соперниками венецианцев. Азовская монета с именем Абдуллы в 765 г.х. вдруг сменяется монетой с именем хана Азиз-шейха (Григорьев, 1983, с. 50, табл. 4). Что произошло?

Исходя из логики последующих событий, можно предположить, что Азиз-шейх являлся родственником Мюрида, может быть, его наследником престола – калгой. После того как в начале 1364 г. Мюрид умер и его ставкой в Укеке овладел Пулад-ходжа, Азиз-шейх отступил на запад к Азову. Этот город десятки лет был связан с Укеком личностью ханши Тайдулы – кровной родственницы князей-братьев Могулбуги и Кутлугбуги, руководивших основными противоборствующими силами в «великой замятие» на территории правого крыла Золотой Орды. К тому времени Могулбугу сменил его младший брат Урусбуга, а Кутлугбуга, хотя он и здравствовал еще в Крымском тюмене, но передал все бразды правления своему старшему сыну Мамаю. Мамай делал тогда ставку на батуида Абдуллу, а Урусбуга – на ордуида Азиз-шейха.

Надо полагать, что венецианцы Азова тайно помогли Азиз-шейху к лету 1364 г. захватить в свои руки управление городом и снарядить войско для отвоевания Укека и Нового Сарая, куда уже вернулся Пулад-ходжа. К осени того же года Азиз-шейх отвоевал Укек у Пулад-ходжи, а затем отобрал у него и общеордынскую столицу – Новый Сарай. После того, как Дмитрий Московский весной 1363 г. получил престол во Владимире от руки Абдуллы, бояре, руководимые митрополитом Алексием, осенью 1364 г. не сочли нужным испрашивать новый ярлык у преемника Мюрида Азиз-шейха. А Дмитрий Суздальский послал в Новый Сарай своего старшего сына Василия Кирдяпу, и зимой тот вернулся с ярлыком на великое княжение для Дмитрия Константиновича (ПСРЛ, 1922, стб. 77, 78).

Московские бояре, державшие наместников в городах великого княжения, не собирались уступать своих позиций. Они вступили в переговоры с суздальским князем, убеждая его в бесперспективности борьбы за престол во Владимире в то время, когда его младший брат Борис захватил отеческий престол в Нижнем Новгороде. Москва предложила Суздалью военную помощь в деле отвоевания Нижнего Новгорода. Дмитрий Константинович эту помощь принял, отказался от великого княжения и действительно принудил Бориса передать ему власть над Нижним Новгородом, а самому возвратиться в Городец. Это была крупная победа московской дипломатии. Однако четырнадцатилетнему великому князю она вряд ли послужила тогда большим утешением. Дело в том, что 23 октября 1364 г. все от той же чумы умер его младший брат Иван, а 27 декабря того же года скончалась его мать (ПСРЛ, 1922, стб. 78). Дмитрий остался круглым сиротой. Весь 1365 г. мор продолжал косить людей в княжествах Северо-Вос-

точной Руси. Летом, когда наступили великий зной и сушь, страшный пожар в одночасье испепелил деревянную Москву и ее окраины (ПСРЛ, 1922, стб. 79, 80). К тому времени московское боярское правительство, фактически руководимое митрополитом Алексием, зримо ощутило угрозу физического вымирания своего княжеского дома, из представителей мужских потомков которого в живых остались только пятнадцатилетний Дмитрий Московский и двенадцатилетний Владимир Серпуховский. Дмитрий стал единственной реальной надеждой на скорейшее возрождение династии, а Владимир – ее последним запасным вариантом. Именно в 1365 г. (а не зимой 1362/63 г. (Зимин, 1958, с. 281–283) или около 1367 г.) «по благословенью» митрополита Алексия была составлена первая договорная грамота между Дмитрием и Владимиром (Духовные, 1950, с. 19–21, № 5). Из сгоревшей Москвы Дмитрия перевезли в его наследственный удел – Коломну. Будущий тесть юного великого князя уже определился силою исторических обстоятельств – им стал Дмитрий Суздальский, недавно посаженный с помощью Москвы на нижегородский стол.

Из внешнеполитических событий 1366 г., непосредственно затронувших Владимирское великое княжество, всеми летописями отмечается широкомасштабная акция бояр Великого Новгорода, организовавших грабительский поход по Волге на 150 речных судах-ушкуях в Нижний Новгород и далее до устья Камы. Ушкуйники захватили большое количество товаров, которые принадлежали в основном приезжим восточным купцам, «посекоша» их торговые корабли, полонили и увезли с собой множество окрестных мужчин, женщин и детей. Практически они не встретили организованного сопротивления и в том же году вернулись домой «по здорову» и «со многымъ прибыткомъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 81–83). Зимой 1366/67 г. московское правительство от лица владимирского великого князя Дмитрия выступило с резким протестом против этой акции новгородцев и «разверже миръ» с Великим Новгородом. В начале 1367 г. новгородские бояре составили представительное посольство к Дмитрию «о миру съ поклономъ». Видимо, в Коломне в том же году был подписан мирный договор, согласно которому послал великий князь в Великий Новгород «и наместники своя» (ПСРЛ, 1922, стб. 85).

Таким образом, московское правительство делом подтвердило свои заверения в дружбе к нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу и укрепило собственные позиции в Великом Новгороде. 18 января 1367 г. в Коломне состоялась свадьба шестнадцатилетнего Дмитрия и дочери нижегородского князя Евдокии (ПСРЛ, 1922, стб.

83). В будущем этот брак полностью себя оправдал, приведя к возрождению московского княжеского дома. А тогда, в начале 1367 г., Дмитрий стал уже «не мальчиком, но мужем». Детство кончилось, наступило время принятия самостоятельных решений. При разрешении всех сложных проблем государственного управления слово семидесятичетырехлетнего митрополита Алексея продолжало оставаться первенствующим. Дмитрий с малолетства безгранично доверял Алексию и теперь, потеряв всех родных, видел в митрополите нечто большее, чем просто духовного отца. Одним из первых после женитьбы Дмитрия совместных деяний великого князя с Владимиром Серпуховским «и съ всеми бояры старейшими» явилось решение о превращении Москвы в каменную крепость. «Тое же зимы повезоша камень къ городу... Того же лета на Москве почали ставити городъ камень» (ПСРЛ, 1922, стб. 83–84).

В 1365 г. «великий мор» внес кардинальные перемены в соотношение противоборствующих сил на территории Тверского княжества. Вспыхнув осенью в наследственном уделе тверского князя Василия Михайловича – Кашинском княжестве, эпидемия чумы перекинулась на соседние уделы, князья которых в большинстве своем находились в оппозиции к Василию Михайловичу. Первой умерла мать Михаила Александровича Микулинского Анастасия (20 ноября). В декабре чума унесла жизни вдовы клинского князя Константина Евдокии, крестной матери жены Михаила Микулинского, и одного из князей-соправителей Клинского удела, двоюродного брата Михаила – Семена. Перед смертью Семен поручил управление своей частью Клинского удела и заботу о своей жене Михаилу. Его брат-соправитель Еремей тут же воспротивился этому решению и обратился за содействием к тверскому князю, горячо его поддерживавшему.

Между тем чума продолжала свое черное дело. 8 января 1366 г. скончался главный противник Василия Михайловича в борьбе за тверской престол, старший брат Михаила Всеволод Александрович Холмский, за два дня до этого потерявший свою жену Софью. Заботу о сыновьях Всеволода Юрии и Иване, а значит и об управлении уделом взял на себя Михаил. 12 января и 5 февраля 1366 г. умерли младшие братья Михаила Андрей и Владимир, совместно управлявшие Зубцовским уделом. Их удел также оказался в руках Михаила (Кучкин, 1984, с. 169–171, 195).

В итоге власть в Тверском княжестве перешла в руки Михаила Александровича. Его дядя Василий Михайлович был вытеснен из резиденции тверского князя в свой наследственный Кашинский удел. На

случившиеся в Твери перемены не замедлило отреагировать руководство Мамаевой Орды. Маловразумительное на первый взгляд сообщение русского летописца: «Тое же зимы еда изъ Литвы Веснеилясь Коултубузинъ сынъ былъ во Тфери» (ПСРЛ, 1922, стб. 79), следует понимать так: «Побывав [с дипломатическим поручением от своего старшего брата Мамая у великого князя Ольгерда] в Литве зимой [1365/66 г.], весной [1366 г.] сын [правителя Крымского тюмена] Кутлугбути Ильяс [с той же целью] посетил в Твери [Михаила Александровича и вернулся в Орду]». Мамай, конечно, понимал, что изменение соотношения сил в Твери не пройдет незамеченным для московского правительства. Дмитрий Московский имел ярлык на великое княжение от «Мамаева царя» Абдуллы. Это не помешало ордынскому правителю, проводя старую как мир политику «разделяй и властвуй», посодействовать страшиванию Твери с Москвой.

Летом 1366 г. Михаил Александрович «нарядилъ городокъ новъй» на правом берегу Волги (ПСРЛ, 1922, стб. 81). Это был Белгородок (Белый Городок) (Кучкин, 1984, с. 182–184), располагавшийся в устье правого притока Волги – реки Хотчи, которая являлась крайним восточным пределом территории части Клинского уезда, отошедшей к Михаилу после смерти его двоюродного брата Семена. Белгородок охранял эту часть владения Михаила от посягательств со стороны кашинского князя Василия Михайловича. Последний совместно с братом покойного Семена Еремеем обратился за помощью к Москве. Правительство Дмитрия Московского, занятое тогда конфликтом с Великим Новгородом, от имени Алексия предложило выступить в качестве третейского судьи между князьями тверского дома тверскому епископу Василию. Судебное разбирательство «по митрополичю приказу» состоялось в Твери зимой 1366/67 г. Епископ Василий принял сторону сильнейшего и «оправиль», т.е. признал правым в этом деле, Михаила Александровича (ПСРЛ, 1922, стб. 81).

В ответ на повторную жалобу московскому правительству со стороны кашинского князя весной 1367 г. в Тверь прибыли представитель митрополита Алексия и московский военный отряд. Епископ Василий был отвезен в Москву, где постигли его «истома и проторь великъ». Объединенные силы Василия Кашинского, Еремея и Москвы захватили Тверь. Михаил Александрович бежал за помощью в Литву. Кашинская и московская рати повоевали земли удела князя Семена. Белгородок осадили, но взять не смогли и возвратились по домам, «извоевавъ люди» (ПСРЛ, 1922, стб. 84). В конце октября того же года из Литвы с военной помощью вернулся Михаил Александрович. Он вернул свои

земли обратно и в начале января 1368 г. заключил мир с Василием Кашинским. Князь Еремей покинул свой удел и поехал на московскую службу (ПСРЛ, 1922, стб. 84, 85).

Получается, что в 1366–1367 гг. соперничавшие между собой ханы Мамаевой и Муротовой Орд позволили руководству Московского и Тверского княжеств практически беспрепятственно проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику. Это объяснялось в первую очередь смертельным противостоянием между Абдуллой и сменившим в 1364 г. Мюрида Азиз-шейхом. Все силы Абдуллы и Азиз-шейха были направлены на взаимное уничтожение. В последний раз Азиз-шейх, занимавший престол в Новом Сарае, упоминается в русских летописях под 1367 г. (ПСРЛ, 1922, стб. 85). Видимо, не позднее лета того же года он и погиб в сражении с Мамаем. Сохранились монеты от имени Абдуллы с чеканом Сарая, датированные 768 г.х. (7 сентября 1366 – 27 августа 1367 г.). Можно предположить, что Сараем на этих монетах назывался именно Новый Сарай. Последние ново-сарайские монеты Азиз-шейха датируются также 768 г.х. (Григорьев, 1983, с. 50, табл. 4). Иными словами, Муротова Орда, возглавлявшаяся ханом-ордуидом, прекратила свое существование летом 1367 г. Вся территория правого крыла Золотой Орды оказалась под властью Мама и послушного ему хана-батуида Абдуллы. От имени этого хана Дмитрий Московский с весны 1363 г. имел ярлык на великое княжение владимирское. Митрополит всея Руси Алексей, по предположению автора этих строк, получил от лица того же Абдуллы ярлык, освобождающий русское духовенство от налогов и повинностей, осенью 1363 г.

Возвращаясь к взаимоотношениям литовско-тверско-московским, отметим, что в 1368 г. московская рать под командованием пятнадцатилетнего князя Владимира Серпуховского овладела захваченным Литвой городом Ржевой, находившимся за пределами Тверского княжества, к западу от Зубцова. Литовцы были отпущены из Ржевы. После этой военной демонстрации московское правительство пригласило Михаила Александровича в Москву. Дмитрий и митрополит Алексей целовали крест на том, что не причинят Михаилу вреда и заключат с ним полюбовное соглашение по всем спорным вопросам. Когда же тверской князь прибыл в Москву, то был схвачен и держан «въ истоме». Сопровождавших его бояр развели по одному и также «дръжаша ихъ въ истоме». Спасло Михаила и его людей полученное Дмитрием сообщение о скором приезде в Москву посла от хана Абдуллы. Михаила освободили из заключения и тут же подписали с ним соглашение,

по которому часть Клинского удела, принадлежавшая князю Семену, передавалась его брату Еремею. В Белгородке был посажен московский наместник (ПСРЛ, 1922, стб. 87, 88).

Михаила спешно отпустили домой, а в Москве, получив известие о том, что 24 июля 1368 г. в Кашине скончался князь Василий Михайлович, принялись собирать силы для неизбежной войны с Тверью. Михаил уехал в Литву просить помощи у Ольгерда. Последний во главе литовской рати, подкрепленной смоленскими и тверскими силами, осенью того же года выступил в поход на Москву, обходя ее с юго-запада. Не успели еще собраться к Москве все силы Дмитрия, как Ольгерд форсированным маршем, сменяя на своем пути московские заградительные отряды, в конце октября 1368 г. дошел до Москвы и осадил ее каменный Кремль, где укрылись Дмитрий, Владимир Серпуховский и митрополит Алексий. Ольгерд простоял под городом трое суток, Кремль взять не смог и «възратися въсвояси», «много зла створивше христианомъ». В результате этой кампании московское правительство оказалось вынужденным зимой 1368/69 г. отозвать своих людей из Белгородка и Клинского уезда. Князь Еремей был уведен Михаилом в Тверь. Осенью 1369 г. Михаил за две недели обнес Тверь деревянными стенами (ПСРЛ, 1922, стб. 88–91).

Далее русский летописец сообщает, что весной 1370 г. «Мамай у себе въ Орде посадилъ царя другаго Мамать Солтанъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 92). Вопрос об имени и времени правления второго и последнего хана-батуида, возведенного на престол Мамаем вместо Абдуллы и до осени 1380 г. служившего лишь весьма прозрачной ширмой для прикрытия подлинного правителя территории правого крыла Золотой Орды, уже рассматривался автором этих строк (Григорьев, 1983, с. 41, 42, 46, 47). На легендах первых монет Мухаммеда Бюлека значилось только его мусульманское имя – Мухаммед. Вскоре его сменило тюркское имя хана – Бюлек. Вспомним, что обозначение имени Мамай в ордынских документах претерпело такую же эволюцию (Григорьевы, 2002, с. 209–214). Монеты от имени Бюлека регулярно чеканились от 1370 г. до середины 70-х годов как в его главной резиденции – городе Орде на Днепре, так и в официальной столице ордынских ханов – Новом Сарае.

Первым распоряжением от имени нового хана был приказ Бюлека, переданный в 1370 г. через его уполномоченного Хаджи-ходжу, нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. Русскому князю предписывалось оказать необходимую военную поддержку родственнику Бюлека, названному в летописи «Салтан Баковым сыном» (ПСРЛ,

1922, стб. 92), в посажении его на кормление в город Булгар. Этот крупнейший торговый центр на Волге в 1361 г. был захвачен родовым князем Булат-Тимуром, а после его смерти в 1367 г. остался во владении его преемника Хасана. Несколько странное обозначение имени ставленника Бюлека разъясняется через 6 лет, когда тот же летописец называет его Мухаммедом (Махмать Солтанъ) (ПСРЛ, 1922, стб. 116). Поскольку тот имел одинаковое с новым ханом мусульманское имя, а термином «султан» в Золотой Орде наделяли кровных родственников хана, летописец во избежание путаницы посчитал достаточным называть ханского протеже, возможно калгу, лишь по отчеству – Баковым сыном. Бака – распространенное мусульманское имя (Гафуров, 1987, с. 131).

Во исполнение повеления Бюлека, нижегородский князь собрал войска и послал их на Булгар во главе со своим братом Борисом Городецким и сыном Василием и в сопровождении ханского ставленника Мухаммеда, который, естественно, имел собственную свиту, и уполномоченного Хаджи-ходжи. На подступах к Булгару посланцев Бюлека встретила делегация князя Хасана «съ челобитием и съ многыми дары». Хасан посчитал меньшим злом принять Мухаммеда на свое содержание, сохранив при этом фактическую независимость от центра. Посажение Мухаммеда в Булгаре состоялось, нижегородские войска без потерь, но «дары взявше», возвратились домой (ПСРЛ, 1922, стб. 92).

Укрепившись в Твери, Михаил Александрович летом 1370 г. отправил в Москву епископа Василия «любви крепити». Однако 20 августа московское правительство отпустило тверского епископа с заявлением о сложении с себя крестного целования Михаилу. Узнав о расторжении мира с Москвой, Михаил снова спешно отправился за помощью в Литву. После того, как он покинул Тверь, туда вернулись из Орды киличи Михаила с ярлыком для него на тверское княжение. Собрав московские полки и заручившись военной поддержкой новгородцев из Волока Ламского (Волоколамска), Дмитрий 1 сентября 1370 г. лично прибыл с войском в Тверское княжество, прошел на земли Микулинского удела и остановился в Родне. Его воеводы за 6 дней взяли город Зубцов, «а волости Тфферския вси повоевали и села пожгли, а люди въ полонъ повели, а иныхъ побита» (ПСРЛ, 1922, стб. 92–93).

Когда вести о происшедшем в тверских землях дошли до Литвы, Михаил Александрович собрался и в первых числах ноября 1370 г. отправился в Орду к Мамаю, ибо «въсхотесе ему самому княжения великаго и многы дары раздавъ и многы посулы рассуливъ княземъ Ординскимъ и рядцямъ, испроси себе посель царевъ именемъ (Сарыходжа. – *А. Г.*). И возьмъ ярлыкъ и вышелъ былъ на княжение на вели-

кое» (ПСРЛ, 1922, стб. 93). Московское правительство позаботилось о том, чтобы Михаил не прошел во Владимир. Поэтому он был вынужден вернуться в Литву. Видимо, договоренность Михаила с Ольгердом о подготовке к войне с Дмитрием Московским была достигнута еще до отъезда тверского князя к Мамаю. Поэтому уже 26 ноября литовское войско Ольгерда, усиленное отрядами Михаила Тверского и Святослава Смоленского, подошло к Волоку Ламскому. Взять город наскоком Ольгерд не смог, но больше двух дней задерживаться там не стал и устремился к Москве, до стен которой дошел на Николин день (6 декабря 1370 г.) (ПСРЛ, 1922, стб. 94).

Создается впечатление, что, поскольку первое нападение Ольгерда на Москву осенью 1368 г. было осуществлено им с юго-запада, москвичи не ожидали его теперь с северо-запада. Их главные силы под командованием семнадцатилетнего Владимира Серпуховского находились в Перемышле. Митрополит Алексий был тогда в Нижнем Новгороде. Дмитрий «затворился» в Москве. Ольгерд осаждал город 8 дней. Каменные стены Кремля вновь выдержали осаду. Затем Ольгерд получил известие о том, что из Рязанского княжества к Перемышлю на соединение с Владимиром Серпуховским подошла рязанская рать, которой командовал Владимир Пронский. В Москве состоялись мирные переговоры между Дмитрием и Ольгердом, в результате которых во второй половине декабря 1370 г. было заключено перемирие до Петрова дня (29 июня 1371 г.) и литовское войско «възвратися въ свою землю» (ПСРЛ, 1922, стб. 94, 95).

Вернувшийся в Тверь Михаил собрался и в начале 1371 г. опять отправился в Орду на Днепре за ярлыком на великое владимирское княжение. С ярлыком Бюлека, находившимся пока в руках у сопровождавшего его ханского уполномоченного Сары-ходжи, Михаил возвратился в Тверь 10 апреля. Без промедления вся делегация проследовала в сторону Кашина, откуда открывался прямой путь на Владимир. Однако Дмитрий Московский «по всемъ городомъ бояре и люди превель къ целованию не датися князю великому Михаилу, а въ землю его на княжение на великое не пустити» (ПСРЛ, 1922, стб. 95). Сам Дмитрий с Владимиром Серпуховским и войском укрепились в Переяславле, закрыв тем самым Михаилу дорогу к Владимиру. Дмитрий «съ великою любовию» пригласил ханского посла к себе в гости в Москву, обещая ему «многыя дары и серебро». Сары-ходжа с готовностью принял это предложение. Михаил же, получив на руки свой ярлык, с боями отступил к Твери, куда прибыл 23 мая 1371 г. Вскоре он отпустил в Орду своего сына Ивана в качестве заложника при хан-

ском дворе. Со своей стороны, Дмитрий, ублаготворив ханского посланца, в начале июня сам, сопровождаемый Сары-ходжой, поехал в Орду, оставив за себя в Москве митрополита Алексия. 15 июня 1371 г. делегация Дмитрия переправилась через Оку (ПСРЛ, 1922, стб. 96).

Между тем закончился срок перемирия Дмитрия с Ольгердом, и в конце июня 1371 г. в Москву приехали литовские послы для заключения очередного перемирия. Сохранился подлинный текст «перемирной грамоты», скрепленной двумя печатями, литовской и митрополита Алексия, в июле 1371 г. (Духовные, 1950, с. 21, 22, № 6). Этот текст проясняет и существенно дополняет сведения русского летописца. Оказывается, что литовская и русская стороны в конце декабря 1370 г. согласились на полугодовое перемирие, которое должно было подготовить обручение Владимира Серпуховского с дочерью Ольгерда Еленой. Обручение состоялось в Москве в июле 1371 г. (ПСРЛ, 1922, стб. 95, 96). Стороны договорились о новом перемирии на 3 месяца – от 31 июля до 26 октября 1371 г. За этот срок Дмитрию Московскому нужно было самостоятельно, без вмешательства литовской стороны, наладить взаимоотношения с Михаилом Тверским, т.е. дать ему любой отпор на великокняжеской территории, но в тверские земли ни в коем случае не вступать. Что касалось московской жалобы ордынскому хану относительно притязаний Михаила на великое княжение, «то есмы въ божьи во ли и во цареве» (Духовные, 1950, с. 22).

На втором перемирии со стороны Дмитрия Московского и Владимира Серпуховского целовали крест четверо их ближних бояр и воевод. Первым стояло имя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского, который был перешедшим на московскую службу племянником Ольгерда, сыном Кориата (Михаила), с 1356 г. женатым на старшей сестре Дмитрия. Престарелый московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов в переговорах участия не принимал. Второй целовавший крест боярин, Иван Михайлович, представлял, скорее всего, Владимира Серпуховского, которому он достался по наследству от отца. Третьим и четвертым были бояре и воеводы Дмитрий Александрович Всеволож (Веселовский, 1969, с. 332, 333) и Иван Федорович Воронцов-Вельяминов, представлявшие Дмитрия Московского. Отметим, что московский тысяцкий имел старшего сына Ивана Васильевича, по рангу превосходившего своего двоюродного брата Ивана Федоровича. Однако похоже на то, что у Дмитрия и митрополита Алексия уже тогда имелись какие-то основания не особенно доверять Ивану Васильевичу Вельяминову.

Дмитрий, добравшись летом 1371 г. до Орды на Днепре, «многы дары и великы посулы подавалъ» Бюлеку и Мамаю. В результате его отпустили домой, «опять давъ ему княжение великое» (ПСРЛ, 1922, стб. 96). Фактически он получил подтверждение на право держания великого княжения все от того же Мамаю, но формально это был акт пожалования от лица нового всеордынского хана со всеми полагающимися к нему атрибутами, включая золотую пайцзу, удостоверявшую право держания. Не только не исключено, но, скорее всего, даже непременно великому князю пришлось откупать ярлык и пайцзу не только для себя, но и для оставшегося в Москве семидесятивосьмилетнего митрополита Алексия. По-другому просто и быть не могло. Привезенных из дома денег на все не хватило. Потому-то осенью того же года Дмитрий приехал из Орды «съ многими длъжники, и бышеть от него по городомъ тягость даннаа велика людемъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 98). Той же осенью удельный князь кашинский Михаил Васильевич заключил мир с Москвой, сложив крестное целование Михаилу Тверскому.

В конце октября 1371 г., после окончания срока второго перемирия с Ольгердом, в Москву прибыли литовские послы. За два месяца были подготовлены условия для свадьбы Владимира Серпуховского с Еленой и подписание мира с Литвой. Наконец эти мероприятия состоялись. Торжество великого князя Дмитрия дополнилось рождением 30 декабря 1371 г. его наследника Василия (первенец великого князя Даниил умер вскоре после рождения). Той же зимой Дмитрий, войдя в соглашение с Владимиром Пронским, собрал войско и отпустил его под командованием Д.М.Боброка Волынского на Олега Рязанского. Армия Олега была разгромлена, рязанским великим князем стал Владимир Пронский (ПСРЛ, 1922, стб. 98, 99).

Брак Владимира Серпуховского с литовской княжной оказался на редкость удачным, что немало способствовало укреплению московского княжеского дома. Много лет спустя внук Дмитрия женился на внучке Владимира. От их брака родился мальчик Иван, ставший впоследствии общепризнанным героем «стояния на Угре».

В первой половине 1372 г. Михаил Тверской в союзе с Литвой активизировал свою антимосковскую политику. В апреле он захватил и разорил город Дмитров в Московском княжестве, а литовские войска под командованием брата-соправителя Ольгерда Кейстута и старшего сына литовского великого князя Андрея Полоцкого осаждали Переяславль на землях Владимирского княжества. После этого объединенные рати Твери и Литвы обрушились на Кашинский уезд. С Кашина

был взят выкуп – контрибуция, и Михаил «въ всю свою волю введе брата своего князя Михаила Васильевича» (ПСРЛ, 1922, стб. 99, 100). В июне Михаил в сражении под Торжком разгромил объединенные силы новгородцев и новоторжцев, город спалил дотла и увел в Тверь множество пленных (ПСРЛ, 1922, стб. 101, 102). Той же весной Олег Рязанский совершил неожиданный набег на Рязань, согнал с престола Владимира Пронского и сам сел в Рязани на великое княжение (ПСРЛ, 1922, стб. 100).

Летом 1372 г. Михаил Тверской вновь привлек на свою сторону Ольгерда. В июле тверская и литовская рати встретились и объединили свои силы у южной границы Московского княжества под городом Любутском. Вскоре туда же подошло войско Дмитрия. Однако до вооруженного столкновения дело не дошло. После нескольких дней противостояния стороны заключили мир и разошлись по домам. Однако Дмитрий на этом не успокоился и, возвратившись в Москву, направил своих килечеев в Орду «со многымъ сребромъ», за которое «выпосулить» у Мамаю находившегося у того в заложниках сына Михаила Ивана. В середине ноября 1372 г. Иван был привезен в Москву, «и начаша его держати выстоме». К концу декабря того же года Михаил Кашинский сложил целование Михаилу Тверскому и, не дожидаясь репрессий со стороны Твери, отправился через Москву в Орду. К неудаче Дмитрия Московского относилась смерть его союзника и претендента на рязанский престол Владимира Пронского, которая случилась той же зимой (ПСРЛ, 1922, стб. 103, 104).

С конца марта до конца июля 1373 г. в Великом Новгороде находился Владимир Серпуховский, посланный туда великим князем. Видимо, следствием его деятельности явилось осуществление подкопа и побега из заключения в Твери ряда пленных новгородских военачальников. Это случилось 20 апреля. Летом того же года Михаил Кашинский вернулся из Орды с ярлыком Бюлека на Кашинский удел. Тем же летом Мамай совершил карательный набег на владения Олега Рязанского, «грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побиша». В ту пору Дмитрий Московский и Владимир Серпуховский блокировали войсками великого княжения границы Рязанского княжества с севера. 20 декабря 1373 г. Михаил Кашинский скончался. Его сын Василий «з бояры съ Кашиньскими приехалъ въ Тферь къ князю къ великому Михаилу съ челобитием и вдашася въ его волю» (ПСРЛ, 1922, стб. 104, 105; Новгородская, 1950, с. 372).

Как выяснилось, начиная с 1367 г. Мамай и находившиеся под его рукой последние ханы-батуиды Абдулла и Бюлек были единственными-

ми верховными правителями территории правого крыла Золотой Орды и ее центра – Нового Сарая на Ахтубе. Население громадных просторов левого крыла жило в то время своей жизнью, история которой нуждается в более тщательном и всестороннем изучении. Некоторые моменты этой истории представляются в настоящее время в таком виде. До середины XIV в. воля ханов Сарая и Нового Сарая довлела над всеми улусами потомков Джучи. Высвобождение последних из-под контроля и диктата центра, естественно, началось с восточных, наиболее отдаленных окраин левого крыла – с улуса Орды. Именно там начиная с 20-х годов XIV в. отчетливо проявилось стремление местных правителей к формальному отмежеванию от центра. Теперь нам известно, что в 1360–1367 гг. царевичи-ордуиды попеременно захватывали Новый Сарай. Не располагая собственной экономической базой и стабильными людскими ресурсами, они могли какое-то время продержаться на всеордынском троне лишь как фактические ставленники одной из противоборствующих группировок родовых князей правого крыла. Как только группировку Моголбуги и его наследников одолел Мамай, именно он от лица подставных ханов-батуидов стал подлинным владыкой над всей территорией правого крыла.

Между тем усиление улуса Орды, центр которого уже давно переместился в Сыгнак, продолжалось. Не ранее лета 1371 г. престол в Сыгнаке занял ордуид Урус (Григорьев, 1985б, с. 168). Прежде автор этих строк полагал, что Урус принадлежал к роду Тука-Тимура (Григорьев, 1985, с. 165). Теперь он разделяет мнение Муин-ад-Дина Натанзи о том, что Урус являлся сыном ордуида Чимтая (Сборник, 1941, с. 131). Еще при жизни отца Урус пытался склонить его к походу на Новый Сарай. Сев на трон в Сыгнаке, Урус получил реальную возможность лично овладеть общеордынской столицей.

На многодневном пути из улуса Орды в Новый Сарай лежали владения Хорезмского тюмена (Григорьев, Фролова, 1999, с. 67–79), резиденция которого Ургенч (Куня-Ургенч) являлась экономическим центром всего левого крыла Золотой Орды. Последовательно владевшие Хорезмским тюменом после 1361 г. потомки вождя рода кунграт Нангудая братья Ак-Суфи, Хусейн-Суфи и Юсуф-Суфи правили им самовластно, не признавая сюзеренитета ханов Нового Сарая. К 1370 г. в Мавераннахре с центром в Самарканде сложилось государство Тимура, который, как и Мамай, формально управлял от имени подставных ханов-чинггисидов. Только происходили они из рода не Джучи, а другого сына Чингис-хана – Чагатая. Первые военные походы Тимура были направлены на завоевание Хорезма. Их описание содержится в «Книге

побед» персоязычного автора Низам-ад-Дина Шами (Материалы, 1939, с. 514–519).

Первый поход Тимура на Хорезм состоялся весной 1372 г. Вначале его войска овладели прежней столицей Хорезма крепостью Кят, а затем устремились к Ургенчу. Тогдашний правитель Хорезма Хусейн-Суфи встретил Тимура на подступах к городу. Завязавшееся сражение выиграл Тимур. Хусейн-Суфи укрылся за стенами Ургенча. После нескольких дней осады города выяснилось, что Хусейн-Суфи умер, и правителем Хорезма стал его брат Юсуф-Суфи. Тимур пошел с ним на мирные переговоры. Договор между обеими сторонами был скреплен обещанием Юсуфа-Суфи выдать дочь своего покойного старшего брата Ак-Суфи по имени Союнбек, приходившуюся внучкой ордынскому хану Узбеку, за старшего сына Тимура Джехангира (ум. 1376). Тимур отвел войска в Самарканд. Однако после того, как Юсуф-Суфи попытался отвоевать Кят, Тимур весной 1373 г. организовал второй поход на Ургенч, в результате которого Юсуф-Суфи «раскаялся в содеянном зле», запросил мира и занялся приготовлениями к свадьбе Союнбек с Джехангиром.

Только после замирения Юсуфа-Суфи с Тимуром Урус мог позволить себе весной 1374 г. собрать войско и, покинув Сыгнак, выступить в дальний поход на Новый Сарай. Наш анализ рассказа о событиях того времени, приведенного арабским историком Ибн Халдуном, позволяет утверждать, что армия Уруса, совершив переход, скорее всего, в обход владений Хорезма с севера, остановилась на подступах к Поволжью возле города Сарайчика на Яике, которым владел Эльбек (Григорьев, 1985б, с. 166–171). Только произошло это, как теперь представляется, не весной, а летом 1374 г. Эльбек являлся потомком пятого сына Джучи Шибана. Возглавляемый им улус кочевал на северо-западе территории левого крыла Золотой Орды. После того как в 1367 г. Мамай захватил Новый Сарай у ордуидов, Эльбек укрепился в Сарайчике, намереваясь воспользоваться им в качестве плацдарма для отвоевания общеордынской столицы у Мамай и превращения ее в собственную резиденцию.

В сражении между Урусом и Эльбеком за Сарайчик летом 1374 г. последний, видимо, погиб. Его наследники отступили в районы своих постоянных кочевий, а воины Уруса получили возможность не позднее осени 1374 г. овладеть Новым Сараем, изгнав из него представителей Бюлека. Урус провозгласил себя общеордынским ханом. Однако очень скоро он почувствовал невозможность удержаться на престоле в Новом Сарае сколько-нибудь продолжительное время и был вынуж-

ден вернуться в родной улус на берега Сырдарьи. По всей вероятности, Урус был выбит из общеордынской столицы армией Мамаю уже осенью 1375 г. и в конце того же года вернулся в Сыгнак. В 1376 г. Урусу неоднократно приходилось посылать войска на войну с сыном правителя Мангышлака тука-тимуридом Токтамышем, которому всемерно помогал Тимур. Осенью 1376 г. сам Тимур двинул армию против Уруса. Войска провели в бесплодном противостоянии под Отрапом несколько месяцев и в начале 1377 г. разошлись по домам. Весной того же года Тимур вновь собрался в поход на Уруса, но получил известие о его смерти (Материалы, 1939, с. 517, 518; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 199–201).

После того как летом 1371 г. Дмитрий Московский получил ярлык Бюлека на владимирское великое княжение, он до начала 1374 г. пользовался неизменным расположением Орды. Попытки Михаила Тверского, заручившись помощью Ольгерда, силой вернуть себе владимирский престол никак не удавались. Зимой 1373/74 г. Михаил в очередной раз заключил с Дмитрием мир. Его сын Иван был отпущен великим князем из Москвы в Тверь. Тверской князь свел оставшихся на территории великого княжения своих наместников в Торжке и Угличе. В начале марта 1374 г. восьмидесятилетний митрополит Алексий приезжал в Тверь, где поставил нового епископа Евфимия. Незадолго до того, 19 февраля, Алексий поставил епископом Суздаля, Нижнему Новгороду и Городцу Дионисия, с именем которого нам еще предстоит встретиться (ПСРЛ, 1922, стб. 105, 106).

Далее, под 1374 г. летописец сообщает: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышесть розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 106). Хронологически это «розмирие» приходится на осень 1374 г., т.е. на время, когда ордуид Урус овладел Новым Сараем и провозгласил себя всеордынским ханом. Первым из княжеств, составлявших великое княжество Владимирское, с представителями администрации нового хана познакомилось Нижегородское княжество. Управлявший им тесть Дмитрия Московского Дмитрий Константинович был поставлен перед выбором – физическое уничтожение или принятие присяги на верность Урусу. Нижегородский князь выбрал последнее. Надо полагать, что ему пришлось съездить на поклон к Урусу и в качестве залога своей верности записать на личную службу хану младшего сына Семена, который потом до самой смерти (21 декабря 1402 г.) служил в названном качестве и еще трем ханам. Видимо, Урус предложил Дмитрию Нижегородскому уговорить и других русских князей, в первую очередь великого князя владимирского, при-

нять его сторону и объединить усилия в борьбе с Мамаем. Нижегородский князь согласился на эту роль.

Дмитрий Константинович оставил за себя в Нижнем Новгороде старшего сына Василия Кирдяпу, а сам с супругой, братьями, детьми, боярами и слугами отправился в Переяславль Залесский, где договорился встретиться с великим князем. Всем другим русским князьям были также разосланы приглашения собраться на съезд в Переяславле. Случилось так, что еще 17 сентября 1374 г. в Москве скончался тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов (ПСРЛ, 1922, стб. 108). Посоветовавшись с митрополитом Алексием, Дмитрий решил, что этот тысяцкий будет в Москве последним. После его смерти старшим в роду бояр Вельяминовых остался третий брат Василия Тимофей, который числился при московском дворе окольничим. Еще до того, как отправляться из Москвы на съезд в Переяславль, двадцатичетырехлетний великий князь, как и его советник и сторонник престарелый митрополит Алексий, должны были решить каждый для себя жизненно важный вопрос – чью сторону выбрать в противостоянии Мамаю и Урусу. Они предпочли Урусу. Мосты были сожжены. Перед лицом смертельной опасности Дмитрий составил свою первую духовную грамоту, которая была написана после смерти московского тысяцкого и до начала съезда в Переяславле, т.е. в сентябре-октябре 1374 г. (а не летом 1373 г.) (Зимин, 1958, с. 285, 286). Завещательный акт был скреплен в Москве печатями Дмитрия и митрополита Алексия. Свидетелями при том выступали окольничий Тимофей Васильевич Вельяминов, Иван Родионович Квашня, Иван Федорович Воронцов-Вельяминов, Федор Андреевич Свибл (Духовные, 1950, с. 24, 25, № 8).

На съезд в Переяславль к великому князю Дмитрию собрались князья Дмитрий Нижегородский, Борис Городецкий, Дмитрий Ноготь Суздальский, служилый князь Уруса Семен Дмитриевич, Александр, Василий и Андрей Ростовские, Василий и Роман Ярославские, Федор Белозерский, Василий Кашинский (только что отказавшийся от службы Михаилу Тверскому), Федор Можайский, Андрей Стародубский и, возможно, некоторые князья, владения которых формально не входили во Владимирское великое княжество (ПСРЛ, 1922, стб. 110, 111). Названных князей сопровождали их военные отряды. Как и его тесть, Дмитрий Нижегородский, Дмитрий Московский прибыл в Переяславль всей семьей. Там 26 ноября 1374 г. родился его сын Юрий, которого крестил игумен Сергей, поскольку митрополит Алексий остался в Москве. Подступы к столице охранял Владимир Серпуховский, который незадолго до этого приказал обнести Серпухов дубовыми сте-

нами (ПСРЛ, 1922, стб. 106, 107). Перед выездом великого князя в Переяславль, в сентябре-октябре 1374 г. (а не весной 1371 г.) (Зимин, 1958, с. 283–285), остававшийся в Москве с митрополитом Владимир Серпуховский подписал с Дмитрием свою вторую договорную грамоту (Духовные, 1950, с. 234, № 7).

Уже после отъезда из Нижнего Новгорода в Переяславль Дмитрия Константиновича, осенью 1374 г., Мамай направил к нему представительную делегацию во главе с Сарайкой и в сопровождении ордынского отряда. Оставленный в Нижнем Новгороде за отца Василий Кирдяпа захватил и разоружил посланцев Мамая. Сообщение о случившемся он послал в Переяславль, а до получения ответа приказал держать ордынскую делегацию под стражей (ПСРЛ, 1922, стб. 106). Ответ из Переяславля был получен в конце марта 1375 г. Василий распорядился отделить послов от их охраны. Ордынцы взбунтовались и все были перебиты (ПСРЛ, 1922, стб. 108, 109). В качестве ответной меры ордынские отряды Мамая захватили на юге Нижегородского княжества волости Кишь и Запьянье, «все пограбиша и пусто сотвориша и людей посекоша, а иных въ полонъ поведоша» (ПСРЛ, 1922, стб. 109).

Весной того же 1375 г. из Москвы в Тверь на службу к Михаилу бежали сын последнего тысяцкого Иван Васильевич и Некомат Сурожанин. Они принесли точные сведения о переходе Дмитрия и многих князей великого княжения на сторону Уруса. С сообщением об этом Михаил послал того и другого к Мамаю в Орду на Днепре, а сам отправился на переговоры в Литву. Вскоре он вернулся в Тверь, видимо, заручившись обещаниями помощи против Дмитрия. 13 июля туда же возвратился из Орды Некомат в сопровождении посланца от Бюлека Хаджи-ходжи, который имел на руках ярлык на великое владимирское княжение на имя Михаила Тверского. Последний тут же послал к Дмитрию свое отречение от крестного целования и вновь направил своих наместников и военные гарнизоны в Торжок и Углич (ПСРЛ, 1922, стб. 109, 110). Естественно, тверичи «надеялись помочи отъ Литвы и отъ Татаръ» (ПСРЛ, 1922, стб. 112). Однако ни с той, ни с другой стороны помощь тогда не пришла. Дмитрий двинул против Твери армию, в состав которой входили, кроме отрядов князей, принимавших участие на съезде в Переяславле, полки князей Владимира Серпуховского, Ивана Смоленского, Романа Брянского, Романа Новосильского, Семена Оболенского и Ивана Тарусского (ПСРЛ, 1922, стб. 110, 111).

Уже 1 августа 1375 г. Дмитрий захватил Микулин, а 8 августа приступил к планомерной осаде Твери. Михаил, «виде многую силу

отъвсюду грядущу нань, паче же свое изнеможение видя, и посылаше послы своя [к великому князю Дмитрию] съ покорениемъ и съ поклонениемъ» (ПСРЛ, 1922, стб. 111, 112). 1 сентября между обеими сторонами был подписан мирный договор. Михаил признал себя по отношению к Дмитрию «братом младшим», обещая ему «добра... хотети во всем, везде, без хитрости». Он поклялся «всего великого княжения, и Новгорода Великого... не искати, и до живота». Согласился на московскую формулировку: «А пойдут на нас татарове (имелись в виду ордынцы Мамай. – А.Г.) или на тебе, битися нам и тебе с одинова всем противу их». Все недвижимое имущество предателей Ивана Васильевича и Некомата отходило великому князю. Стороны договорились, что третейским судьей между ними по всем порубежным делам будет выступать Олег Рязанский (Духовные, 1950, с. 25–26, № 9). Последнее обстоятельство говорило за то, что великий князь рязанский, как и Дмитрий, перешел на сторону Уруса и находился тогда в союзе с Москвой. После заключения мира с Михаилом под Тверью, 3 сентября 1375 г., полки сводной армии Дмитрия разошлись по домам (ПСРЛ, 1922, стб. 112).

Летом 1375 г. Мамай обещал, конечно, Михаилу Тверскому свою всемерную поддержку в деле посажения его на владимирский престол. На самом же деле он и не собирался выполнять свое обещание. Ему нужно было столкнуть сводную армию Дмитрия с тверскими силами и тем на время обеспечить себе тылы в главном деле – штурме Нового Сарая, захваченного Урусом. Тем же летом отряды Мамай неожиданным набегом вторично повоевали нижегородские южные волости и побили заставу Нижнего Новгорода (ПСРЛ, 1922, стб. 112, 113). Свои основные силы Мамай обрушил на Уруса и, видимо, в начале сентября 1375 г. вынудил его покинуть Новый Сарай и уйти в Сыгнал. Той же осенью литовские войска Ольгерда совершили набег на Смоленское княжество. Перед Николиным днем (6 декабря) посланные Мамаем ордынцы захватили город Новосиль. В начале 1376 г. Михаил Тверской наладил отношения с Литвой. 9 февраля в Тверь привезли из Литвы дочь Кейстута Марию, которую тверской епископ Бефимий вначале окрестил, а затем обвенчал с сыном Михаила Иваном (ПСРЛ, 1922, стб. 113).

Настало время краткого знакомства еще с одним из героев нашего исследования – митрополитом Михаилом. От той поры сохранился литературный источник, сочиненный идеологическими противниками митрополита и великого князя. Это небольшой летописный рассказ, за которым закрепилось название «Повесть о Митяе» (Прохоров, 1978, с. 125–

187). В Рогожском летописце «Повесть» помещается в качестве приложения к рассказу «О Алексее митрополите» (ПСРЛ, 1922, стб. 124–132). Анализ текста и реконструкция содержания «Повести» позволяют говорить о том, что кличка Митяй была не именем, а уничижительным прозвищем будущего нареченного митрополита и получателя ярлыка Бюлека. Звали его Дмитрием и был он коломенским священником. При особе своего родовитого тезки Дмитрий состоял много лет. Коломна являлась наследственным владением великого князя, так что познакомиться со своим будущим духовником он мог еще в раннем детстве.

Когда осенью 1362 г. двенадцатилетний Дмитрий Московский впервые получил ханский ярлык на великое княжение, возникла необходимость, чтобы при нем неотлучно находился советник и наставник, который терпеливо и неукоснительно проводил бы политическую линию митрополита Алексия. Такого человека обрели в лице коломенского священника, который был уже зрелого возраста, высоким и осанистым, с благообразным лицом и большой окладистой бородой. Притом он был «словесы речистъ, гласъ имея доброгласень износящъ, грамоте гораздъ, пети гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ, всеми дела поповьскими изясченъ и по всему нарочить» (ПСРЛ, 1922, стб. 125). Митрополит позаботился о том, чтобы Дмитрий сделался духовным отцом не только великому князю, но и всем его старейшим боярам. Одновременно духовник великого князя выполнял и роль его печатника, постояннонося при себе великокняжескую печать и в необходимых случаях отгискивая ее на документах государственной канцелярии. Бок о бок с этим человеком великий князь провел многие годы.

2 декабря 1375 г. в далеком Константинополе патриарх Филофей, стремясь добиться церковного единства православной Руси, рукоположил болгарина Киприана в митрополита киевского, русского и литовского. Предполагалось, что после смерти престарелого Алексия, который был оставлен пожизненно митрополитом Великой Руси, Киприан получит всю Русь и будет единственным митрополитом всея Руси. В Москву эту сенсационную новость привезли зимой 1375/76 г., скорее всего уже в марте 1376 г., два церковных сановника, посланные константинопольским патриархом к митрополиту Алексию, Георгий Пердика и Иоанн Докиан. Узнав о содержании патриаршего послания, великий князь во гневе назвал патриарха, вселенский собор и византийского императора «литвинами». Москве требовался свой претендент на русский митрополичий престол. Выбор пал на духовника и печатника великого князя Дмитрия. 16 апреля 1376 г. тот был спешно по-

стрижен в монахи, наречен Михаилом и назначен архимандритом московского Спасского монастыря. Киприан же 9 июня 1376 г. приехал в Киев и стал там жить под защитой киевского князя Владимира (Олелько), сына Ольгерда (Прохоров, 1978, с. 47–50).

После того как осенью 1375 г. Мамаю удалось отвоевать Новый Сарай и прогнать из Поволжья Уруса, представители хана Бюлека недолго продержались во всеордынской столице. Уже зимой 1375/76 г. с востока к Новому Сарая подошли войска сына шибанида Эльбека, которого звали Каганбек. Ордынцы Мамаю не смогли сдержать их наступательный порыв. В результате Новый Сарай оказался в руках Каганбека. Армия Мамаю откатилась на запад. Началась краткая эпоха правления на золотоордынском престоле шибанидов (Григорьев, 1985б, с. 172–176). Опять великий князь владимирский оказался между двух огней. Дмитрий вновь избрал себе в союзники держателя Нового Сарая. Хан-победитель требовал немедленной материальной и военной поддержки. Приходилось оказывать ее, не особенно афишируя свои действия. Под 1376 г. летописец коротко сообщает: «Того же лета князь великий Дмитрии Московский ходилъ за Оку ратию, стерегася (Мамаевой. – *А.Г.*) рати тотарское» (ПСРЛ, 1922, стб. 116). Эта по существу пассивная сторожевая служба вскоре сменилась активной военной помощью Каганбеку.

Значительно севернее Нового Сарая, недалеко от впадения в Волгу Камы, лежал богатейший город Булгар. В 1370 г. по повелению Бюлека Дмитрий Нижегородский посылал войска под командованием своего брата и старшего сына на болгарского родового князя Хасана с тем, чтобы посадить к нему на кормление ханского родственника Мухаммеда. Экспедиция тогда прошла успешно, без пролития крови с обеих сторон. Теперь Каганбек вознамерился полностью подчинить Булгар себе, ликвидировав фактическую независимость Хасана от центра за счет принятия в город ханского наместника – даруги и сборщика торговой пошлины в пользу хана – таможенника. На этот раз добровольного согласия со стороны Хасана не ожидалось. Каганбек провел основательную дипломатическую подготовку к этой акции. Ханское повеление было направлено не только к Дмитрию Нижегородскому (путь от Нижнего Новгорода до Булгара был вдвое короче расстояния от Нового Сарая до Булгара), но и к великому князю владимирскому. В итоге Дмитрий Нижегородский, согласовав свои действия с великим князем, направил к Булгару войско под началом своих старших сыновей Василия и Ивана. Дмитрий Московский послал на Булгар полки от городов великого княжения под общим руководством

князя Д.М.Боброка Волынского. Поход проходил в зимних условиях. Русские рати подошли к Булгару 16 марта 1377 г. Под городом состоялось ожесточенное сражение, в результате которого победа оказалась на стороне нападающих. Русские воеводы обложили Хасана и Мухаммеда крупной денежной контрибуцией, посадили в Булгар ханских даругу и таможенника и вернулись по домам, «ссуды и села и зимници пожгоша, а люди посекоша» (ПСРЛ, 1922, стб. 116, 117).

Оставшиеся в Булгаре Хасан и Мухаммед, а также представлявшие там Каганбека даруга и начальник таможни немедленно сообщили в Новый Сарай подробности исполнения ханского повеления. В дополнение к ним булгарские купцы представили хану жалобу на неправомерные действия русских воевод. Каганбек объявил о своем намерении примерно наказать русскую сторону за превышение полномочий, грабежи и насилия по отношению к своим новым подданным. Его войско возглавил двоюродный брат и, видимо, калга-соправитель Арабшах. Дмитрий Константинович получил сообщение о том, что Арабшах переправился через Волгу и движется к Нижнему Новгороду. Нижегородский князь срочно передал эту весть великому князю. Тот лично возглавил ополчения из Владимира, Переяславля, Юрьева, Муромы и Ярославля и направился с ними к Нижнему Новгороду. Однако слухи о подходе Арабшаха не подтвердились. Великий князь передал руководство войсками своим воеводам и вернулся в Москву. Дмитрий Нижегородский усилил великокняжескую рать отрядами под командованием своего второго сына Ивана. В конце июля 1377 г. объединенное войско двинулось к южным рубежам княжества.

Русские полки переправились через реку Пьяну. Здесь их командиры получили вести о нахождении армии Арабшаха неимоверно далеко на западе – на реке Волчьей (впадающей в Северский Донец в его верховьях) (Книга, 1950, с. 66). Воеводы повели себя крайне беспечно. Это дало возможность отрядам ордынцев Мамай, имевших проводников из местной мордвы, тайно сосредоточиться в тылу у русских и 2 августа 1377 г. неожиданно напасть на них с тыла. Русское ополчение потерпело сокрушительное поражение. Сын нижегородского князя утонул в реке. Развивая свой успех, ордынцы, оставив захваченное имущество и полон на месте под охраной, совершили стремительный конный рейд на север и уже 5 августа оказались под стенами Нижнего Новгорода. Дмитрий Нижегородский бежал в Суздаль. Без боя взяв и разграбив город, 7 августа ордынцы покинули его, «волоости Новгородския воюючи, а села жгучи и множество людей посекоша, а жены и дети и девицы въ полон бесчисла поведоша». В довершение всего к

юго-восточной границе Нижегородского княжества подошли отряды Арабшаха. Возможно, они преследовали ордынцев Мамаю. По отношению к нижегородской территории Арабшах ограничился тем, что «пограби за-Сурие и огнем пожже» (ПСРЛ, 1922, стб. 118, 119).

Только в конце августа 1377 г. вернулось оставшееся в живых население Нижнего Новгорода в разоренный и сожженный город. Осенью того же года мордовские князья организовали грабительский набег на южные пределы княжества. Их отбил у реки Пьяны Борис Городецкий. К тому времени Каганбека на новосарайском престоле сменил Арабшах. Возможно, это с его стороны пришло повеление нижегородскому князю послать войска на земли мордовских князей, союзных с Мамаем. Дмитрий Константинович обратился за помощью к великому князю. Тот прислал рать под командованием московского воеводы Федора Андреевича Свибла. К ней примкнули отряды Бориса Городецкого и служилого князя Арабшаха, Семена Дмитриевича. Поход против мордвы был проведен зимой 1377/78 г. Русские войска «всю землю ихъ пусту сотвориша» (ПСРЛ, 1922, стб. 120).

12 февраля 1378 г. в Москве на 85-м году жизни скончался митрополит Алексей. Как проницательно отметил В.А.Кучкин: «Трудно решить, был ли он твердым сторонником политики Дмитрия, или великий князь последовательно проводил в жизнь политику митрополита. Но ясно одно: в разного рода политических акциях Дмитрий и Алексей действовали с редким единодушием» (Кучкин, 1995, с. 73–74). Не подлежит сомнению, что настоятель придворного Спасского монастыря в Кремле Михаил был общим кандидатом в митрополиты как Алексия, так и Дмитрия. Алексей дал на это официальное согласие, о чем было послано извещение и константинопольскому патриарху. После смерти Алексия Михаил «на дворъ митрополичь взыде и ту живяше... по всей митрополии съ поповъ дань сбираше... готовляшеся на митрополию и тцашеся и наряжашеся ити къ Царюгороду на поставление» (ПСРЛ, 1922, стб. 126).

В летописи сохранился короткий рассказ о том, как в конце апреля 1378 г. на Нижний Новгород приходили «татарове изгономъ». О каких «татарах» шла речь, летописец не уточняет. Это умолчание само по себе служит указанием на то, что имелись в виду не ордынцы Мамаю, с которым у великого князя было «розмирие». Тогда чьи же воины совершили неожиданный набег на Нижний Новгород? Остается предположить, что это был карательный отряд новосарайского хана Арабшаха, который еще в конце лета 1377 г. пограбил и пожег нижегородское Засурье в отместку за чрезмерное усердие русских воинов

при захвате ими города Булгара весной того же года. В апреле 1378 г. Арабшах повелел разорить Нижний Новгород в наказание за опустошение нижегородцами зимой 1377/78 г. земель мордовских князей, которые теперь стали подданными владыки Нового Сарая. Каратели не застали в Нижнем Новгороде Дмитрия Константиновича, находившегося в Городце. Жители города также разбежались кто куда. В то время к оккупированному неприятелем городу прибыл из Городца нижегородский князь и предложил захватчикам выкуп. Однако те не пошли на переговоры. 2 мая город был ими сожжен. Назавтра каратели отошли к югу от Нижнего Новгорода и повоевали Березовое поле (земли по обоим берегам реки Кудьмы) (ПСРЛ, 1922, стб. 133, 134).

После того, как в феврале-марте 1378 г. Михаил «по великого князя слову» перешел на жительство в московский митрополичий двор и все свое время посвятил подготовке к поездке в Константинополь, резко активизировалась деятельность его соперника Киприана, проживавшего в Киеве, где он уже почти два года исполнял функции митрополита киевского, русского и литовского. Предшествующие исследователи отмечали хронологическое несоответствие приезда из Константинополя в Москву патриаршего посольства (в начале весны 1376 г.) и прибытия из той же отправной точки в Киев митрополита Киприана (в начале лета 1376 г.). Казалось бы, Москва была удалена от патриаршей резиденции значительно больше, чем Киев, а Киприан добрался до Киева на 3 месяца позднее, чем патриаршие послы доехали до Москвы. Высказывалось предположение, что Киприан задержался у себя на родине в Болгарии (Прохоров, 1978, с. 49). Такое объяснение представляется малоубедительным, ибо Киприан прекрасно отдавал себе отчет о возможной реакции Москвы на свое поставление и должен был стремиться как можно быстрее достичь Киева, утвердиться там и поставить великого князя Дмитрия перед свершившимся фактом. Этого не произошло. Почему?

Видимо, в начале 1376 г. Киприан был задержан Мамаем в резиденции Бюлека на Днепре. Основания для задержания новопоставленного митрополита у Мамаи имелись. Русская православная церковь традиционно пользовалась полным податным иммунитетом, который фиксировался в ханских ярлыках русским митрополитам. Последний такого рода ярлык был предоставлен летом 1371 г. Бюлеком на имя митрополита Алексия, как полагает автор этих строк, одновременно с получением ярлыка от того же хана Дмитрием на великое княжение владимирское. И вот всю весну 1376 г. Киприану пришлось объяснять в Орде законность своего поставления на литовскую часть русской

митрополии при еще живом Алексии. В конце концов ордынцы обязали Киприана выкупить ярлык Бюлека на свою часть митрополии, что тот и сделал, неизбежно прибегнув при этом к финансовой помощи великого князя литовского Ольгерда. В 1377 г. Ольгерд умер. Преемником Ольгерда стал его сын Ягайло (1377–1392). Когда зимой 1378 г. в Москве скончался митрополит Алексей, перед Киприаном открылась перспектива на законном основании сделаться митрополитом всея Руси. И свой шанс он упускать не собирался.

В ту пору среди церковных иерархов великого княжества Владимирского были люди, которые приветствовали приход Киприана на митрополию всея Руси. В подоплеке их симпатий лежало убеждение в том, что целостная, в масштабах всея Руси, церковная организация дала бы возможность получать доходы с гораздо большего числа верующих, чем это планировалось после утверждения Михаила на митрополичьем престоле во Владимире (Кучкин, 1995, с. 73, 74). Оппоненты Михаила группировались вокруг настоятелей монастырей Сергия Радонежского и его племянника Феодора Симоновского. Киприан лично знал того и другого и уже два года поддерживал с ними переписку, которую последние скрывали от великого князя. Теперь Киприан решил на прямой контакт с Дмитрием. К маю 1378 г. он завершил подготовку к своему путешествию из Киева в Москву. В Орде о предстоящей поездке Киприана, несомненно, знали заранее. Скрыть обширный митрополичий караван было вообще невозможно. Надо полагать, что Киприан получил на это путешествие официальное разрешение Мама и Бюлека. Уже с дороги, из пограничного города Любутска, Киприан специальным посланием от 3 июня 1378 г. предупредил о своем подходе Сергия Радонежского и Феодора Симоновского. Те послали с ответом Киприану своих людей, но эти вестники были перехвачены людьми великого князя. Киприану все же удалось окольными путями, минуя московские сторожевые заставы, добраться до города. В Москве митрополит и его свита были задержаны и изолированы от встреч со своими сторонниками. Киприан провел ночь под стражей в холодной избе, а наутро его вместе со спутниками вывели за городские ворота и отправили восвояси.

По пути в Киев Киприан написал и отослал Сергию и Феодору свое второе послание от 23 июня 1378 г. В нем митрополит заявлял об отлучении им от церкви и предании анафеме великого князя, его бояр и их временщика Михаила. Своим адресатам Киприан наказывал хранить, переписывать и распространять это его послание. В конце митрополит сообщал о своем намерении незамедлительно отправиться в

Константинополь, «оборонитися богом и святым патриархом и великим сбором» (Прохоров, 1978, с. 54–60). Однако наказание обидчикам Киприана пришло значительно раньше и совсем с другой стороны.

Летом того же года, убедившись в полном провале миссии Киприана, Мамай направил против великого князя Дмитрия карательную экспедицию под началом родового князя Бегича. Похоже на то, что в качестве консультанта «по русским делам», готовившего маршрут следования Бегича, выступал сын последнего московского тысяцкого Иван Васильевич, который с лета 1375 г. находился в Орде при дворе Бюлека. Известно, что позднее в составе обоза Бегича был обнаружен «некий поп» из приближенных Ивана Васильевича, который, возможно, выполнял в войске роль проводника. В начале августа 1378 г. ордынцы глубоко вторглись на территорию Рязанского княжества, обходя Переяславль Рязанский с северо-запада и стремясь выйти к Коломне, откуда открывался путь на Москву. Дмитрий был вовремя оповещен об ордынском набеге своим союзником Олегом Рязанским. Войска великого князя перешли Оку в районе Коломны и преградили путь Бегичу у реки Вожи, впадавшей в Оку к северу от Переяславля. На помощь Дмитрию подоспел рязанский полк под командованием князя Даниила Пронского, родственника Владимира Пронского, умершего зимой 1372 г.

Несколько дней противники простояли на разных берегах Вожи. Наконец 11 августа 1378 г. Бегич на глазах у неприятеля переправился на левый берег Вожи, Ордынцы с ходу бросились в бой и попали в клещи русских полков. В центре рубились воины Дмитрия, слева от него сражался полк Тимофея Вельяминова, справа – отряд Даниила Пронского. Ордынцы были сокрушены этим тройным ударом и повернули своих коней обратно к реке. Русские воины бросились за ними, «бьючи ихъ, секучи и колючи и убиваша ихъ множество, а инии въ рече истопаша». Наступившая ночь помешала преследованию бежавшего в панике врага. Победа Дмитрия была несомненной и полной (ПСРЛ, 1922, стб. 134–136).

В научных кругах бытует мнение, что в битве при Воже пало пять ордынских князей. Это «свидетельствует как о значительных размерах войска Бегича, так и о масштабе нанесенного ему Дмитрием поражения» (Кучкин, 1995, с. 74). Относительно размеров воинства Бегича летописец кратко говорит – «воя многы». Что же касается пяти «павших» в битве ордынских князей, то здесь налицо явное недоразумение. Дело в том, что в русской летописи действительно перечисляются имена пятерых ордынских князей, но не «павших», а «избытых»

(ПСРЛ, 1922, стб. 134). Старый русский глагол «избыти» означал «остаться, сохраниться, спастись, уцелеть, уберечься» (Словарь, 1979, с. 104; Словарь, 1990, с. 460). Названные в летописи пять князей переплыли на правый берег реки и тем спасли себя от неминуемой гибели. Контекст летописного рассказа подтверждает именно такое понимание его текста. Сразу после приведения списка имен уцелевших ордынских князей летописец живописует обстановку, которая помогла им спастись: «...и наста ночь и бысть тма и нелзе быше гнаться *за ними* (курсив мой. – А.Г.) за реку» (ПСРЛ, 1922, стб. 134). Последнее имя в списке ордынских князей читается Бегичка. Его можно расчленить на Бегич + ка. Бегич является уже знакомым нам именем предводителя ордынского войска. *Ка* – тюркский словообразовательный аффикс со значением уменьшительности (Серебряков, Гаджиева, 1986, с. 101). Уменьшительные имена у тюрков были широко распространены, что нисколько не принижало достоинства их носителей. Вспомним главу представительной делегации Мамай Сарайку, погибшего в Нижнем Новгороде весной 1375 г. Правителем Азовского тюмена в 1359 г. стал Джанука (Григорьевы, 2002, с. 214, 215).

Битва при Воже явилась кульминацией обозначившегося в 1374 г. «розмирия» Дмитрия с Мамаем. В XIV в. она была первым открытым военным столкновением между Ордой и Русью, о конкретных предпосылках и последствиях которого сохранившиеся источники хранят почти полное молчание. Крохи дошедших до нас письменных свидетельств об этом событии все еще нуждаются в обстоятельном и непредубежденном осмыслении.

Теперь обратим взгляд на территорию левого крыла Золотой Орды, где весной 1377 г. в своей резиденции Сыгнаке скончался хан Урус. Низам-ад-Дин Шахи сообщает, что в том же году, после кровопролитных сражений с наследниками Уруса и в результате постоянной материальной и военной поддержки Тимура, на престоле в Сыгнаке утвердился тука-тимурид Токтамыш. Зимой 1377/78 г. Токтамыш провел в своей ставке, а с наступлением весны он двинул прекрасно подготовленное войско в поход на Новый Сарай, намереваясь воссоединить под своей властью оба крыла Золотой Орды (Сборник, 1941, с. 108, 109). Надо полагать, что летом 1378 г. армия Токтамыша уже подошла к Сарайчику, захватила его, а затем устремилась к низовьям Волги и вверх по ее рукаву Ахтубе – на Новый Сарай. Видимо, новому претенденту на общеордынский трон противостоял шибанид Арабшах. Последний не сдержал наступательного порыва Токтамыша. Он был убит или бежал, а Новый Сарай, возможно, уже осенью 1378 г.

достался победителю. Такому развитию событий не противоречит дошедший до нас монетный материал. Обнаруженная на одном из новосарайских дирхемов Арабшаха дата 782 г.х. (1380/81 г.), скорее всего, является результатом ошибки резчика монетного штемпеля (Григорьев, 1983, с. 46). В 1378 г. закончилось время пребывания шибанидов на золотоордынском троне.

Если летом 1378 г. Мамай мог еще ничего не знать о приближении к Новому Сараю армии Токтамыша, то уже вскоре после сражения на Воже он узнал о победе Токтамыша над Арабшахом как о свершившемся факте. Мамай как выдающийся государственный деятель той эпохи отчетливо понимал, что только немедленные радикальные действия с его стороны способны еще нейтрализовать громадную потенциальную мощь русских княжеств, руководителям которых было в общем-то безразлично, чью сторону в этой большой политической игре ордынских властителей им принимать – Мамая или Токтамыша. Для русских князей в ту пору важнее было не прогадать и принять сторону сильнейшего. В связи с этим Мамай «тое же осени собравъ останочную силу свою и совокупивъ воя многы, поиде ратию вборзе без вести изгономъ на Рязанскую землю» (ПСРЛ, 1922, стб. 135). Далее летописец рассказывает о том, как воины Мамая захватили и «огнемъ пожгоша» Переяславль Рязанский, затем «волости и села повоеваша, а люди много посекоша, а иные въ полонъ поведоша и возвратишася во страну свою, много зла сотворивше» (ПСРЛ, 1922, стб. 135).

Получалось так, что Мамай взял реванш за летнее поражение при Воже и спокойно вернулся домой. На самом деле не все было так просто. Тот же летописец поведал нам и о том, что застигнутые врасплох Олег Рязанский и его соратники «выбежали изъ своея земли... и перебежа за Оку» (ПСРЛ, 1922, стб. 135). А там находилась территория союзника Олега, Дмитрия Московского. Мамай ни в коем случае не мог позволить себе просто уйти в Орду на Днепре, оставив в своем тылу объединенные московско-рязанские силы, которые буквально еще вчера громили ордынцев при Воже. Поскольку элемент внезапности все еще сохранялся и работал на ордынцев, Мамай должен был перейти Оку и вторгнуться во владения Дмитрия. А вот вторгся ли? Летописец об этом умалчивает. Может быть, специально. Как, например, умолчали московские летописи о кратковременном пребывании Михаила Тверского на владимирском великокняжеском престоле в 1359 г., или как позднее московские редакторы изъяли описание этого события из Тверской летописи. Поэтому, вероятнее всего, прежде, чем отвести свои войска в Орду, Мамай на плечах отступавшего Олега перепра-

вился через Оку в районе Коломны и оказался в какой-нибудь сотне километров от Москвы.

Неготовый тогда к немедленным военным действиям, Дмитрий вместе с Олегом Рязанским вступили с ордынской стороной в переговоры. Они согласились на все условия Мамай, главным из которых, вероятно, являлось обязательство великого князя обеспечить безопасность границ ордынских владений со стороны Литвы на северо-востоке. Это давало Мамаю возможность основные свои силы и средства бросить на борьбу с Токтамышем на юго-востоке. Русский летописец сообщает о том, что уже к началу зимы 1378 г. Дмитрию удалось собрать «воя многы». 9 декабря русские полки под командованием князей Владимира Серпуховского, Андрея Полоцкого (сына Ольгерда, недавно перешедшего на службу к Дмитрию) и Дмитрия Боброка Волынского двинулись «ратию на Литовския города и волости воевати» (ПСРЛ, 1922, стб. 138). Поход этот оказался для московской стороны успешным. Были захвачены «многы страны и волости и села», а также города Трубчевск и Стародуб. Трубчевский князь Дмитрий Ольгердович не оказал вооруженного сопротивления. Вместе с семьей и приближенными боярами он переехал на службу в Москву, за что получил от великого князя город Переяславль Залесский «со всеми его пошлинами». Видимо, одним из условий соглашения Дмитрия с Мамаем было и беспрепятственное принятие великим князем из Орды в Москву сына бывшего московского тысяцкого Ивана Васильевича, и возвращение ему родовых владений отца.

Последней точкой, поставленной ордынской стороной на былом московско-ордынском «розмирии», явилась выдача ярлыка Бюлека нареченному митрополиту Михаилу, которая состоялась в Орде на Днепре в феврале 1379 г.

Предваряя реконструкцию содержания ярлыка, следует отметить, что в 1966 г. была посмертно опубликована небольшая статья А.К.Боровкова (Боровков, 1966), в которой подводился краткий итог многолетнему изучению «тарханных ярлыков золотоордынской эпохи» и производился анализ некоторых фрагментов перевода ярлыка Бюлека по тексту А.А.Зими́на (Ярлыки, 1955, с. 465, 466). Рассматривая имя жалователя ярлыка, которое в русском тексте читалось Тюляк, А.К.Боровков отверг догадку И.Н.Березина, принимавшуюся А.А.Зиминим как бесспорную, о том, что подлинное имя хана звучало Тулунбек (Березин, 1852, с. 3). А.К.Боровков полагал, что догадка И.Н.Березина недостаточно обоснована по существу, а с лингвистической стороны — тем более. С точки зрения тюрколога-лингвиста, А.К.Боровков пред-

лагал видеть в имени Тюляк болгарское произношение имени хана Абдуллы. Поскольку в таком случае ярлык мог быть выдан только в 1367 г., ученый допускал, что в 1379 г. ханом-жалователем мог быть и Бюлек. В последнем случае в арабографическом подлиннике ярлыка была допущена вполне возможная описка и первая буква имени хана из «Б» превратилась в «Т».

Добавим от себя, что первым востоковедом, предположившим, что Тулунбек был «Тюлюбяком или Тюляком наших летописей», являлся не И.Н.Березин, а Х.М.Френ (Френ, 1832, с. 22, № 179). Теперь мы уже знаем, что имя Тулунбек (правильнее – Тоглунбек), сохранившееся на легендах медных монет, чеканенных в 1380/81–1381/82 гг. в Новом Сарае и Мокше, принадлежало жене Токтамыша, убитой им в 1386 г. (Григорьев, 1983, с. 43; Григорьев, 1985б, с. 173, 174). В наши дни имя жалователя ярлыка предложено воспринимать в форме Тюлякбек. Предложение исходит от А.И.Плигузова. Оно опубликовано им в качестве расшифровки имени Тюляк в заголовке к публикации древнейшего списка русского перевода ярлыка Бюлека (Древнейший, 1987, с. 585). Откуда взялось имя Тюлякбек?

Предыстория появления этого имени в трудах отечественных историков вкратце выглядит так. Списки русских летописей, освещавших события интересующего нас периода, которые датировались бы XIV в., до нас не дошли. Летописные сборники XV в., содержащие рассказ о Куликовской битве 1380 г., единодушно подают это событие как карательный поход на русские земли, осуществленный под командованием одного лишь ордынского князя Мамай. При этом правящим царем Мамай нигде не называется. Только в тексте Новгородской IV летописи, видимо случайно сохранился фрагмент рассказа о начале сражения, в котором можно прочесть: «Преже бо начата ся съездати сторожевым полки и рускии с тотарьскими, сам же великий князь (Дмитрий. – *А.Г.*) наеха наперед в сторожевых полцех на поганого царя Теляка, на реченаго плотнаго дьявола Мамай» (ПСРЛ, 1915, с. 319). Иными словами, только в этом случае в летописи XV в. проглядывает изначальный текст рассказа XIV в., из которого явствует, что главнокомандующим в этой битве был царь Теляк», а «названный дьявол во плоти» князь Мамай формально был ему подчинен (Григорьев, 1983, с. 46, 47). Кстати, именно в упомянутой Новгородской IV летописи в самом начале рассказа о подготовке ордынцев к сражению говорится: «Окаанныи же Мамай разгордевся, мнєвь себе аки царя» (ПСРЛ, 1915, с. 311).

Почему позднейшие русские летописи активно старались скрыть факт участия в Куликовской битве ордынского хана? Четкий ответ на

этот вопрос содержится в тех же летописях. В 1382 г., когда на русские земли пошел набегом хан Токтамыш, великий князь Дмитрий, «слышавъ, что самъ царь идеть на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому» (ПСРЛ, 1922, стб. 143–144). Дело было в том, что князь, пусть даже великий, не имел формального права выступать с оружием в руках против своего царя. Таким был закон. В 1380 г. Дмитрий этот закон нарушил. Тому имелись свои объяснения, которые еще предстоит предъявить отечественным историкам. В XVI в. рассказ о начале Куликовской битвы претерпел дальнейшее развитие в русских летописях. Никоновская летопись, повествуя о возросшем авторитете Мамае перед 1380 г., представляет дело так, что тот «и самого царя своего уби», и объявил царем себя. Так что, отправляясь на Куликово поле, бывший ордынский темник «отъ всехъ сущихъ его нарицашеся великий царь Мамай» (ПСРЛ, 1897, с. 46–47). Таким образом, возможные обвинения потомков в цареубийстве в отношении великого князя Дмитрия полностью снимались. Русский историк XVIII в. В.Н.Татищев расцвел рассказ Никоновской летописи еще более фантастическими подробностями. В его изложении получалось, что Мамай за свою карьеру перебил «многих ханов». Перед Куликовской битвой он убил «и самого хана своего», которому было тогда 18 лет. Со времени Куликовского сражения его подданные «начата Мамай ханом имяновати, и же не бысть хан, ни отродия ханска» (Татищев, 1996, с. 138–139).

Такова была предыстория появления имени Тюлякбек в трудах отечественных историков XIX–XX вв. В сохранившихся летописных рассказах XV в. лишь однажды, как отзвук былого, промелькнуло имя командовавшего на Куликовом поле ордынской армией хана Теляка. В русском переводе ярлыка Бюлека, древнейший из сохранившихся списков которого датировался второй половиной 60-х годов XV в., имя хана-жалователя писалось Тюляк. Оба имени являлись русскими вариантами написания хорошо известного в средние века тюркского имени Тюлек (Tüläk) (Древнетюркский, 1969, с. 596). Столь же обычным для ордынцев являлось и тюркское имя Бюлек (Григорьев, 1983, с. 42), которое легко рифмовалось с именем Тюлек. Отечественные историки хорошо знали оба имени по трудам нумизматов. Имя Бюлек они признавали за ханом, в 1370 г. сменившим в Мамаевой Орде Абдуллу. Согласно летописному рассказу XIV в., Мамай перед Куликовской битвой убил своего подставного хана, т.е. Бюлека. Однако нумизматы вдруг обнаружили монеты, датированные 782 г.х. (1380/81 г.). На их арабографичных легендах значилось имя, которое можно было

читать и Бюлек, и Тюлек, ибо там отсутствовала диакритика, позволявшая отличить букву «Б» от «Т».

Выход из затруднительного положения историки нашли не в отказе от легендарной версии русского летописца XVI в., а в том, что они немного подправили эту версию. Теперь считалось, что Мамай перед сражением все-таки убил Бюлека, но на его место тут же посадил Тюлека. Последней точкой в этой истории была находка в 1954 г. в Татарстане Мало-Атрясинского клада ордынских монет, в котором оказались и 16 монет 782 г.х. с именем, читавшимся в арабском написании Бюлек или Тюлек. В отличие от такого рода монет, известных еще Х.М.Френу, на этих экземплярах ниже имени хана отчетливо читалось слово «бек». А.Г.Мухамадиев счел это дополнение к имени достаточным основанием для утверждения, что наконец-то найдены монеты Тюлекбека (Тулякбека) – преемника Бюлека (Мухамадиев, 1983, с. 97). Вот отсюда в публикации А.И.Плигузова и появилось имя жалователя ярлыка – Тюлякбек.

Позиция автора этих строк определена. Для понимания событий, предшествовавших Куликовской битве, фантастическую версию летописного рассказа XVI в. вообще не следует принимать в расчет. Хан Бюлек в сражении участвовал. Попытки позднейших летописцев скрыть этот факт служат лишь указанием на то, что Бюлек в той битве погиб. Что касается имени, обозначенного на 16 монетах Мало-Атрясинского клада, то его надлежит читать Бюлек-бек. Совместимы ли имена Бюлек и Бюлекбек? Да, вполне совместимы. Тому есть примеры и в ордынской нумизматике. Они давно опубликованы. Возьмем, например, описания Х.М.Френом ордынских монет из собрания Азиатского музея в Санкт-Петербурге (Fraehn, 1829, р. 106–396) и их коллекции при Казанском университете (Френ, 1832, с. 1–35). В правление хана Токты его имя на монетах изображалось уйгурскими буквами в форме Токтогу (Fraehn, 1829, р. 198, 199; Френ, 1832, с. 5, № 27, 28) и параллельно чеканились монеты, где то же имя вырезалось арабицей в форме Токтубек (Fraehn, 1829, р. 203, 204; Френ, 1832, с. 5, 6, № 29). Имя хана Навруза чеканилось в форме не только Навруз (Fraehn, 1829, р. 263, № 2, 3; Френ, 1832, с. 15, № 123, 124), но и Наврузбек (Fraehn, 1829, р. 263, 264; Френ, 1832, с. 15, № 121, 122). Остается признать Бюлека вторым и последним ханом Мамаевой Орды.

Текст ярлыка Бюлека дошел до нас в составе сборника старинных русских переводов ханских ярлыков русским митрополитам. Для реконструкции содержания его изначального текста здесь используются публикация критического текста сборника, осуществленная А.А.Зими-

ным (Ярлыки, 1955, с. 463–491), и публикация самого старого из сохранившихся списка собрания ярлыков, которую подготовил А.И.Плигузов (Древнейший, 1987, с. 571–594). В случаях разночтений предпочтение будет отдаваться тому изданию текста ярлыка Бюлека, которое точнее отражает содержание его восточного оригинала (Ярлыки, 1955, с. 465, 466; Древнейший, 1987, с. 585–587). Реконструкцию содержания ярлыка начнем с того, что расчленим его текст, руководствуясь содержанием русского перевода, на статьи: *обращение, объявление о пожаловании, условия пожалования, предостережение и удостоверение*. Проводим последовательную реконструкцию содержания каждой из названных статей, руководствуясь при этом результатами реконструкции содержания статей ярлыка Бердибека от 1357 г. митрополиту Алексию (Григорьев, 2004, с. 72–115).

Статья *обращение*: «Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию татарским улусным и ратным князем и волостным самым дорогам и князем писцем тамощиком побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людям и ко всем».

Сравнение текста статьи в публикации А.А.Зиминой с публикацией А.И.Плигузова выявляет лишь отдельные буквенные разночтения (Ярлыки, 1955, с. 465; Древнейший, 1987, с. 585). Формальные показатели статьи практически совпадают с таковыми же в аналогичной статье ярлыка Бердибека (Григорьев, 2004, с. 92).

Казалось бы, остается только воспользоваться результатами же проведенной реконструкции содержания этой статьи в ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 92–98), заменив в ней личные имена, и работа над первой статьей закончена. Такому простому решению мешает наше знакомство с ярлыком Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова, из реконструированного содержания первой статьи которого явствует, что со второго года правления Бердибека ярлыки, составлявшиеся в государственной канцелярии от имени хана, перестали писать уйгурицей по-монгольски, сохранив традиционные монгольские тексты только на металлических пайцзах. Теперь их писали по-прежнему уйгурицей, но не по-монгольски, а по-тюркски. Значит, изменилось и содержание первой статьи (Григорьевы, 2002, с. 32–39). Наличие в первой статье ярлыка Бюлека мотивировки («Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед») объясняется позднейшей работой составителя сборника ханских ярлыков русским митрополитам над унификацией их текстов. Именно русский составитель сборника

сравнил переводы ярлыков Бердибека и Бюлека, заметил их текстуальную близость и взаимно «дополнил» их тексты. В частности, он приписал мотивировку из ярлыка Бердибека к обращению в ярлыке Бюлека, ибо в последнем эта мотивировка отсутствовала.

Так что исключаем мотивировку из текста статьи *обращение* в ярлыке Бюлека и реконструируем содержание статьи по составляющим ее оборотам и элементам. На оборот указ остается русский текст «Тюляково слово», который практически (различаются только имена ханов) одинаков с тем же оборотом во втором ярлыке Бердибека (Григорьевы, 2002, с. 33, 34). Таким же практически одинаковым будет и его реконструированное содержание: «Мое, Бюлека, слово».

Содержание более пространного второго оборота статьи *обращение – адресата* – реконструируем по составляющим его элементам.

Элемент «Мамаевою дядиною мыслию», судя по первому ярлыку Бердибека (Григорьев, 2004, с. 94), является на самом деле не первым, а только составной частью второго элемента. На первое место выдвигаем элемент «татарским улусным», реконструированное содержание которого, как и в обоих ярлыках Бердибека (Григорьев, 2004, с. 92; Григорьевы, 2002, с. 34), будет: «Монгольского государства».

Второй элемент – «и ратным князем Мамаевою дядиною мыслию» – по форме аналогичен второму элементу в первом ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 94).

Специального комментария заслуживает слово, находящееся в составе этого элемента в качестве приложения к имени Мамаю, – «дядиною». Отечественные историки обычно принимали концепцию русского составителя сборника ханских ярлыков и считали это слово русским – «дядя». Такое его объяснение вряд ли приемлемо. Теоретически допустимо, что Мамай приходился Бюлеку дядей с материнской стороны. Однако маловероятно, чтобы хан заявлял об этом в официальном документе. Такое еще мог себе позволить в своей духовной грамоте по отношению к московскому тысяцкому русский великий князь Семен Гордый (Духовные, 1950, с. 13, № 3). Бюлек, представитель по мужской линии «золотого рода» Чингис-хана, на деле будучи даже во всем зависимым от Мамаю его ставленником, в анализируемом акте формально приказывал всесильному родовому князю повиноваться ханскому повелению под угрозой смерти. Поэтому автор этих строк одно время, вслед за В.Д.Смирновым, видел в слове «дядин» (в другом написании, принятом в Троицком I списке, – «дятин») обозначение должности – титула Мамаю – «тудун» и считал этот титул эквивалентом термина «беклербек» (Григорьев, 1980б, с. 172, 173).

Теперь представляется возможность высказать о слове «дятин» более обоснованное суждение. В Лаврентьевской летописи под 1262 г. сохранилось известие о посылке на Русь ханом Берке своего чрезвычайного посланца, название должности которого (воспринятое писцом и последующими отечественными историками в качестве личного имени) писалось «титям» или «титяк» (ПСРЛ, 1927, стб. 476). Русские исследователи всегда предпочитали второе написание. Между тем слово «титям» очень близко по форме к старинному тюркскому слову «тетим» (Древентюркский, 1969, с. 556), образованному от глагола *tet-tit* – «противиться, сопротивляться». «Тетим» можно перевести как «упорный, стойкий, решительный» (Севортян, 1980, с. 218), т.е. «упорно отстаивающий интересы хана». Если обычно ханский посланец назывался в ордынских документах по-монгольски и по-тюркски словом «эльчи», которое передавалось русскими летописями термином «посол» и обозначало человека, уполномоченного верховной властью выполнять определенные поручения, то «тетим» являлся ханским доверенным лицом, выполнявшим особые поручения и наделенным чрезвычайными полномочиями. Термин «тетим» применительно к данному случаю можно было бы передать одним сложным словом «особоуполномоченный».

Генетическая связь термина «титям» Лаврентьевской летописи с термином «дятин» русского перевода ярлыка Бюлека представляется автору этих строк очевидной. Оба термина восходят к ордынскому термину «тетим». Однако при этом возникает новый вопрос. Если допустить бытование термина «тетим» в русской канцелярской практике за более чем столетний период, то чем в таком случае объяснить его полное отсутствие в текстах массы сохранившихся русских летописей в промежуток времени между 1262 и 1379 гг. Объяснение этого феномена, надо полагать, заключается в том, что исчезновение термина «тетим» в материалах русских летописей за указанный срок как раз и происходит вследствие его довольно частого употребления. Иными словами, термин стали переводить на русский язык. Страницы летописей пестрят упоминаниями о приходе на Русь ордынских послов. Иногда это упоминание о «после» («эльчи») и его личном имени. В других случаях слово «посол» сопровождается определениями «силен» или «лют». В словосочетаниях «посол силен» или «посол лют» следует видеть русское толкование ордынского термина «тетим» («особоуполномоченный»).

Возвращаясь к реконструкции содержания второго элемента оборота адресат статьи *обращение* ярлыка Бюлека, вновь обращаем вни-

мание на такой же элемент во втором ярлыке Бердибека (Григорьевы, 2002, с. 34) и видим, что содержание его отличается от содержания аналогичного элемента в первом ярлыке (Григорьев, 2004, с. 94, 95). Именно реконструированное содержание элемента во втором ярлыке Бердибека служит образцом для реконструкции содержания второго элемента в ярлыке Бюлека: «князьям тюменов, под началом с особоуполномоченным Мамаем, тысяч, сотен и десятков».

Содержание элементов «волостным самым дорогам и князем писцем таможенным побережником» реконструируем в соответствии с аналогичными элементами в первом ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 95): «даругам-князьям тюменов и городов, служащим государственной канцелярии, таможенным и весовщикам».

Элементы «и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодейщиком или кто на каково дело ни поидеть многим людем», как выяснилось при реконструкции их содержания в первом ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 95, 96), включает в себе две равнозначные формулы: 1) «и мимохожим послом» («проезжающим посланцам»); 2) «или кто на каково дело ни поидеть многим людем» («многим людям, идущим по какому-нибудь делу»). Первая из формул по своему происхождению в ордынских ярлыках является монгольской, а вторая – тюркской. Реконструируя содержание статьи *обращение* в первом ярлыке Бердибека, мы оставили в окончательном ее тексте только первую формулу (Григорьев, 2004, с. 96). Занимаясь реконструкцией содержания той же статьи во втором ярлыке Бердибека, мы убедились в том, что тюркский текст статьи вполне мог содержать в переводе и монгольскую по происхождению формулу (Григорьевы, 2002, с. 36). Теперь, видя перед собой в русском переводе ярлыка Бюлека первую формулу в неразрывном сочетании со второй, остается признать возможность их совместного бытования. Реконструкция содержания их сочетания: «проезжающим посланцам – сокольникам, звериным ловцам, караульщикам, заставщикам и лодейщикам, а также многим другим людям, идущим по какому-нибудь делу».

Элемент «и ко всем» в обоих ярлыках Бердибека, начертанных по-монгольски и по-тюркски, обозначал всех подданных ордынского хана (Григорьев, 2004, с. 96; Григорьевы, 2002, с. 37). Реконструкция его содержания: «ко всем подданным».

Реконструкция содержания статьи *обращение* ярлыка Бюлека в полном объеме: «Мое, Бюлека, слово ко всем подданным Монгольского государства: князьям тюменов, под началом и с особоуполномочен-

ным Мамаем, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям тюменов и городов, служащим государственной канцелярии, таможникам и весовщикам, проезжающим посланцам – сокольникам, звериным ловцам, караульщикам, заставщикам и лодейщикам, а также многим другим людям, идущим по какому-нибудь делу».

Статья *объявление о пожаловании*: «Пред Чингис царь а опосле того цари Азиз и Бердебек и за тех молились молебники и весь чин поповьскый ино какова дань ни будеть или коя пошлина ино тем того ни видети не надобе чтобы во упокой бога молили и молитву въздавали да не ли иное что кто ни будеть вси отведав ярлыки подавали. И нынеча паки пръвых ярлыков не изыначив одумав и мы по тому же сего Михаила митрополита пожаловали есмы».

Как и в случае с первой статьей ярлыка, тексты этой статьи в публикациях А.А.Зими́на и А.И.Плигузова (Ярлыки, 1955, с. 465; Древнейший, 1987, с. 585, 586) разнятся незначительно и на уровне нашего исследования не нуждаются во взаимных корректировках. Другое дело, что аналогичная статья в первом ярлыке Бердибека была вычленена нами из текста ярлыка не совсем правильно, ибо текст ее концовки, начинавшийся словами «и как сед в Володимере», целиком относится по содержанию к статье *условия пожалования* (Григорьев, 2004, с. 98). Эта ошибка исправляется при реконструкции содержания ярлыка Бюлека. Текст статьи *объявление о пожаловании* расчленяется на два разных по величине предложения, которые соответствуют обороту прецедент пожалования и одноименному со статьей обороту *объявление о пожаловании*.

Приступая к реконструкции содержания оборота прецедент пожалования, расчленим его текст на элементы, применительно к тем фрагментам, на которые членился текст оборота в первом ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 98).

Содержание первого элемента «Пред Чингис царь а опосле того цари Азиз и Бердебек», в соответствии с интерпретацией содержания подобного элемента в ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 98, 99), реконструируется в такой форме: «Чингис-хана и последующих ханов – наших предшественников Азиза и Бердибека». Здесь речь идет о ярлыках-пожалованиях преемственной цепочки ханов-чингисидов, начиная от их родоначальника Чингис-хана и кончая последними, наиболее авторитетными в глазах Бюлека, его потомками, т.е. ордынскими ханами Азизом и Бердибеком. Что касается двух последних имен, то бросаются в глаза по крайней мере два неразрешимых противоречия. Во-первых, нарушение очередности правлений ханов. Азиз-шейх, как

выясняется выше, величался правосудным ханом в 1364–1367 гг., а Бердибек – в 1357–1359 гг., т.е. на первое место следовало поставить имя Бердибека. Во-вторых, Мамай по женской линии являлся родственником батуида Бердибека и потому зависимый от Мамаю батуид Бюлек мог чтить память только Бердибека. Азиз-шейх был ордуидом, пришлым захватчиком, смертельным врагом Мамаю, а значит, и Бюлека.

Следовательно, слово «азиз» в тексте анализируемого элемента не могло быть именем. Повторяем свое прежнее наблюдение: слово «азиз», заимствованное тюрками у арабов в значении «ценный, дорогой», является здесь синонимом монгольского слова «саин» («добрый») в значении «покойный» (Григорьев, 1985а, с. 120, 121). Тогда реконструированное содержание элемента можно передать словами: «Чингисхана и последующих ханов – наших родственников, включая покойного Бердибека». Однако и в таком случае остается некоторое хронологическое несоответствие. Из «законных», в глазах Мамаю, а потому и Бюлека, ордынских ханов Бюлеку предшествовал не Бердибек, а Абдулла. Мало того, по аргументированному предположению автора этих строк, после получения ярлыка, освобождавшего русскую церковь от налогов и повинностей, от Бердибека (осенью 1357 г.) митрополит Алексей получал аналогичные ярлыки от Абдуллы (осенью 1363 г.) и от самого Бюлека (осенью 1371 г.). Видимо, выдавая ярлык митрополиту Михаилу, Бюлек (или стоявший за ним Мамай) счел нужным назвать после Чингис-хана наиболее авторитетное для него имя своего покойного родственника – Бердибека, ибо два последующих ярлыка целиком повторяли основной текст ярлыка Бердибека.

Реконструкция содержания оставшейся части оборота – «и за тех молились молебники и весь чин поповьскыи ино какова дань ни будеть или коя пошлина ино тем того ни видети не надобе чтобы во упокой бога молили и молитву въздавали да не ли иное что кто ни будеть вси отведав ярлыки подавали» – уже производилась применительно к первому ярлыку Бердибека (Григорьев, 2004, с. 99). Так что реконструированное содержание оборота в целом: «В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов – наших родственников, включая покойного Бердибека, было сказано, чтобы христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и повинностей, молились за них богу и возносили им благопожелания».

На оборот *объявление о пожаловании* остается текст: «И нынеца паки пръвых ярлыков не изыначив одумав и мы по тому же сего Михаила митрополита пожаловали есмы». Сообразуясь с реконструкцией содержания того же текста в ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 99,

100), но не забывая о том, что там концовка оборота была неправомерно увеличена за счет текста следующей статьи, интерпретируем оборот в его настоящем виде: «И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, на тех же условиях пожаловали этого митрополита Михаила». Примечательно, что в этом обороте, как и в статье в целом, отсутствует упоминание о прошении грамотчика, на основании которого и после его благожелательного рассмотрения ханом совершалось пожалование и выдавался ярлык. В этом заключалось формальное отличие ханских жалованных грамот представителям различных конфессий. Во всех других иммунитетных грамотах, в их числе и во втором ярлыке Бердибека (Григорьевы, 2002, с. 39–47), указание на прошение грамотчика и благоприятное рассмотрение его жалователем ярлыка было обязательным.

Реконструкция содержания статьи *объявление о пожаловании* в полном объеме выглядит так: «В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов – наших предшественников, включая покойного Бердибека, было сказано, чтобы христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и повинностей, молились за них богу и возносили им благопожелания. И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, на тех же условиях пожаловали этого митрополита Михаила».

После переосмысления объема и содержания статьи *объявление о пожаловании* приходится по-новому взглянуть на объем и содержание статьи *условия пожалования*. Теперь в восприятии текста названной статьи автором этих строк происходит качественное изменение, и он видит то, чего прежде, анализируя аналогичные тексты в хронологическом отношении более ранних ярлыков сборника, не замечал. Оказывается, объем статьи *условия пожалования* совсем не тот, каким он виделся нам изначально, еще прежде, чем мы приступили к интерпретации содержания статей в актах сборников ханских ярлыков русским митрополитам, т.е. тогда, когда мы анализировали тексты жалованных грамот храмам и монастырям, выданных в XIII–XIV вв. монгольскими великими ханами (Григорьев, 1978, с. 71–106).

В настоящее время объем статьи *условия пожалования* в ярлыке Бюлека представляется нам в следующем виде: «И как сед в Володимери богу молиться за нас и за племя наше в род и род и молитву въздасть тако есмы възмолвили ино никакова дань ни которая пошли на ни подвода ни корм ни питье ни запрос ни даров не дадут ни почестья не въздают никакова». Весь последующий текст, включав-

шийся нами прежде в состав этой статьи, относится к статье *предостережение*.

Текст статьи в публикации А.А.Зиминой существенно разнится с таковым в публикации А.И.Плигузова только в одном случае (Ярлыки, 1955, с. 465, 466; Древнейший, 1987, с. 586). В самом его начале, после слов «и как», в публикации А.И.Плигузова пропущены слова «сед в». Наличие этого пропуска затрудняет понимание статьи. Он обязательно должен быть восполнен на основании других списков сборника.

Прежде чем мы приступим к реконструкции содержания статьи *условия пожалования*, важнейшей статьи этого ордынского ярлыка, изначально составленного по-тюркски, привлечем для большей убедительности наших выводов сохранившиеся тюркские тексты ярлыков Токтамыша от 1381 г., Тимур-Кутлука от 1398 г. и Улуг-Мухаммеда от 1420 г., уже подвергавшиеся нашей интерпретации (Григорьев, 1981а; Григорьев, 1981б; Григорьев, 1984).

Содержание первого элемента статьи – «И как сед в Володимери» – реконструируется довольно просто. Здесь речь идет о времени, когда Михаил утвердился в кафедральном соборе города Владимира, тем самым возглавив Русскую православную церковь. Поскольку слово «митрополия» исстари обозначало, в частности, «кафедральный собор» (Словарь, 1982, с. 181), реконструируем содержание элемента в таком виде: «После того, как он, воссев в митрополии города Владимира».

Элемент «богу молиться за нас и за племя наше в род и род и молитву въздаеть» в деталях понимается сложнее. Если в монгольском тексте первого ярлыка Бердибека выражения «богу молиться» и «благопожелания возносить» являлись калькой с монгольского и потому практически в неизменном виде перешли в реконструированное содержание соответствующего элемента (Григорьев, 2004, с. 100), то для того, чтобы разобраться в русском переводе ярлыка Бюлека, требуется привлечь тюркские тексты ярлыков Токтамыша, Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда. Аналогичный интересующему нас элемент обнаруживается в ярлыке Тимур-Кутлука: «пусть постоянно возносят за нас и наш род родов молитвы и благопожелания» (Григорьев, 1981б, с. 127). Слово сочетание «за наш род родов» переводчик ярлыка Бюлека, стремясь к его дословной передаче по-русски, довольно неуклюже изобразил в виде «за племя наше в род и род». Реконструкция содержания элемента: «постоянно возносит за нас и наш род родов молитвы и благопожелания».

Элемент «тако есмы възмолвили» передается в ярлыках Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда в несколько сокращенном виде: «мы по-

велели» (Григорьев, 1981б, с. 125; Григорьев, 1984, с. 127). В ярлыке Токтамыша он представлен в полном виде: «мы повелели так»

Содержание группы элементов «ино никакова дань ни которая пошлина ни подвода ни корм ни питье ни запрос ни даров не дадут ни почестья не въздають никакова» в целом понятно. Анализируя первый ярлык Бердибека, мы разнесли аналогичный фрагмент по частям в разные статьи, чего делать не следовало (Григорьев, 2004, с. 100, 101). Реконструируя теперь содержание того фрагмента в ярлыке Бюлека, исправляем и нашу прошлую ошибку. Общий смысл статьи *условия пожалования* уже сейчас не вызывает сомнений. Митрополит Михаил выступает здесь в качестве гаранта, который от лица всего русского православного духовенства обеспечивает постоянное вознесение молитв и благопожеланий особе хана и его роду. За это хан полностью освобождает русское духовенство от уплаты налогов и несения повинностей в пользу хана и его представителей.

Практически всю группу элементов связывает один глагол «не дадут». Издревле по-тюркски инфинитивная форма глагола, выражавшего значения «давать, платить», звучала «бермек» (Древнетюркский, 1969, с. 95). В интересующей нас форме этот глагол в тюркских текстах сохранившихся ярлыков не представлен. На современный русский язык форму «не дадут» лучше передать в виде «пусть они не дают». Пара русских терминов «дань» и «пошлина», под которыми понимались общепринятые налоги и традиционные сборы, соответствовала паре терминов ордынских ярлыков – тюркскому «салык» и арабскому, издревле воспринятому тюрками, «кысмет» (Григорьев, 1981а, с. 128). Пара русских терминов «подвода» и «корм», которые обонячали повинности гужевую и кормовую, была однозначна паре терминов ордынских ярлыков – тюрко-монгольским «улаг» и «шусун» (Григорьев, 1981а, с. 127). Термин «питье» являлся исключительно русским (Словарь, 1989, с. 62, 63). Он обозначал преимущественно хмельные напитки. Будучи механически приписан здесь в пару к русскому термину «корм», он не имел отношения к подлинному тексту ярлыка. Пара русских терминов «запрос» и «дар», означавших чрезвычайные налоги и сборы по случаю (Словарь, 1977, с. 171; Словарь, 1978, с. 280), могли быть калькой пары терминов ордынских ярлыков – персидского по происхождению «аварезат» (Григорьев, 1981б, с. 126) и тюркского «тузгу» (Древнетюркский, 1969, с. 594).

Элемент «ни почестья не въздають никакова» является по существу отдельным предложением, по мнению автора этих строк, произвольно приписанным к статье *условия пожалования*. И прежде (Гри-

горьев, 2004, с. 101, 102), и теперь мы не учитываем его при реконструкции содержания статьи.

Реконструированное содержание статьи *условия пожалования*: «После того, как он, воссев в митрополии города Владимира, возносит за нас и наш род молитвы и благопожелания, мы повелели так: «Пусть они не дают никаких общепринятых налогов и сборов, подвод и кормов, а также чрезвычайных налогов и сборов».

Статья *предостережение*: «Или что церковные дома воды земли огорода винограды мелницы и в то ся у них не вступает никто ни насильства не творять им никакова а кто что будеть взял или что вземлет и он отдасть назад а в церковных домех кто ни будеть чтобы не ставились ни рушили их».

Тексты этой статьи в публикациях А.А.Зими́на и А.И.Плигузова практически равнозначны (Ярлыки, 1955, с. 466; Древнейший, 1987, с. 586). Другое дело, что содержание статьи разительно изменилось по сравнению с тем, которое мы определили для статьи *предостережение*, например, в первом ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 101, 102). Бывшую концовку статьи *условия пожалования* мы назвали теперь *предостережение* и предлагаем рассматривать ее отдельно от статьи *условия пожалования*.

Основанием для этого служат следующие соображения. Статья *условия пожалования* в ее новом прочтении провозглашает освобождение Русской православной церкви, в лице ее священников, монахов и возглавляющего их митрополита, от всех налогов и повинностей. В статье *предостережение*, обращенной исключительно к возможным нарушителям ханского повеления – представителям адресата, возбраняется нарушать границы разного вида недвижимой собственности грамотчиков, чинить им всякого рода притеснения и неудобства. Для тех немногих из числа не только представителей адресата, но и грамотчиков, кто посмел бы нарушить предписания и смысл статей *предостережение*, *объявление о пожаловании* и *условия пожалования*, предназначалась статья *устрашение*, которую прежде мы называли *предостережение*.

Расчленим текст статьи *предостережение* на предложения-фрагменты и последовательно рассматриваем их.

Фрагмент «Или что церковные дома воды земли огорода винограды мелницы и в то ся у них не вступает никто ни насильства не творять им никакова а кто что будеть взял ил что вземлет и он отдасть назад» слишком сложен для прямой реконструкции его содержания. Проанализируем его по элементам.

Элемент «Или что церковныя дома», как мы выяснили на примере рассмотрения первого ярлыка Бердибека (Григорьев, 2004, с. 102, 103), отнюдь не однозначен. Слово «дома» здесь домыслено редактором русского текста ярлыка. На самом деле элемент переводится: «В принадлежащие их храмам». Поскольку слово «храмы» выступает тут в широком значении всякого рода недвижимости, то, реконструируя содержание элемента, на наш взгляд, нужно дополнить слово «храмам» словами «и монастырям». В таком случае элемент будет точнее отражать тогдашнюю русскую действительность: «В принадлежащие их храмам и монастырям».

Порядок слов в элементе «воды земли», обозначавшем основные виды недвижимости, в тюркских текстах ярлыков был обратным: «земли и воды» (Григорьев, 1981б, с. 125). В таком же порядке расположены эти слова и в более ранних ярлыках сборника, начиная с ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г. (Григорьев, 2004, с. 38, 58). Восстанавливаем их правильный порядок: «земли и воды».

Элемент «огороди винограды мельницы» являет собой пару объектов недвижимости «сады и мельницы», которая впервые появилась в чингисидских ярлыках только в начале XIV в. Мы встречаем ее в китайских переводах ярлыков от 1311–1314 гг. монгольского великого хана Аюрбаригады (Зограф, 1984, с. 97, 99, 101, 106, 107) и в монгольских текстах его ярлыков от 1314 г. (Поппе, 1941, с. 65, 69). Поэтому пара «сады и мельницы» была вписана редактором сборника в русский перевод ярлыка Менгу-Тимура неправомерно (Григорьев, 2004, с. 38). В первом ярлыке Бердибека эта пара была совершенно законной (Григорьев, 2004, с. 103). В ярлыке Бюлека, поскольку его текст изначально писался по-тюркски, та же пара перестала быть парой. Для тюркских текстов всегда были характерны парные синонимы. В ярлыке Бюлека к слову «баг» («сад») приписали его синоним — багче. Во множественном числе словосочетание выглядело «баг багчелер» (Григорьев, 1981б, с. 125) и обозначало «всякого рода плодовые насаждения». В условиях Северо-Восточной Руси XIV в. реально это были «сады и огороды» а не «сады и виноградники» старинного русского перевода (Григорьев, 1992). Так, словосочетание «сады и огороды» в ярлыке Бюлека давало одну пару, а бывший парный термин «мельницы» «повисал в воздухе».

Оказывается, в тюркских текстах ярлыков нашелся если и не синоним, то новый традиционный парный термин к слову «мельницы». Им стал термин «бани», который помещался перед словом «мельницы». В паре это словосочетание выглядело как «бани и мельницы»

(Григорьев. 1981б, с. 125). Возможно, их «сроднило» местоположение возле источника воды. Надо полагать, что слово «бани» присутствовало и в оригинале ярлыка Бюлека, и в его синхронном русском переводе. Почему же мы не находим этого слова ни в древнейшем из сохранившихся списке перевода ярлыка, ни в более поздних его списках? Видимо, слово «бани» было изъято из текста перевода ярлыка по цензурным соображениям. Само по себе это слово исстари было на Руси в свободном обращении (Словарь, 1975, с. 70, 71). Однако в обиходе русские мужчины частенько мылись в банях вместе с женщинами, что по церковным канонам не поощрялось. Уже в Ефремовской кормчей книге XII в. можно было прочесть: «...не подобаеъ священникомъ или кририкомъ [так!] или постъникомъ в бани мытися съ женами ни всякому хръстяноу или простъцю» (Словарь, 1988, с. 105). Возьмем на себя смелость восстановить историческую справедливость. Содержание элемента «огороди винограды мельници» реконструируется в виде «сады и огороды, бани и мельницы».

Элемент «и в то ся у них» отражает принадлежность всего выше-названного «им». Это те «они», которые в статье *условия пожалования* освобождаются от всех налогов и повинностей. В статье *объявление о поюаловании* «они» расшифровываются как «христианские митрополиты, священники и монахи». Вспомним, что содержание этого элемента уже интерпретировано нами в словах «в принадлежащие их», помещенных в самом начале реконструированного содержания фрагмента.

Элемент «не вступает никто», отвергнутый за неимением прецедента при реконструкции содержания этой статьи в первом ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 102), обнаруживается в китайских переводах ярлыков монгольских великих ханов (ярлык Есюн-Темюра от 1324 г.) (Зограф, 1984, с. 105). В тюркских текстах ордынских ярлыков выражение типа «кто бы то ни было пусть не вступают» передавалось с помощью парных глаголов: «кто бы то ни было пусть не посягают и не вступают» (Григорьев, 1984, с. 126). В качестве реконструированного содержания элемента оставляем несколько сокращенный вариант: «кто бы то ни было пусть не вступают».

Элемент «ни насильства не творять им никакова» в том же обороте первого ярлыка Бердибека звучит примерно так же (Григорьев, 2004, с. 103). В жалованной грамоте Тайдулы от 1351 г., оригинал которой, как мы теперь считаем, составлялся сразу на тюркском языке, тот же элемент в русском переводе читался: «ни силы ни истомы не творять им никакие» (Григорьев, 2004, с. 62). Тюркский парный синоним «сила и принуждение», конечно, существовал, но в дошед-

ших до нас тюркских текстах ордынских ярлыков он не просматривается. Там везде слово «кюч» («сила, насилие») употребляется отдельно (Григорьев, 1981а, с. 129; Григорьев, 1981б, с. 125; Григорьев, 1984, с. 127). Реконструкция содержания элемента: «какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют».

Элемент «А кто что будеть взял или что вземлет и он отдасть назад» прежде, как не имеющий себе соответствия в текстах ярлыков монгольских великих ханов, считался редакторским дополнением к русскому тексту предыдущего элемента (Григорьев, 2004, с. 102). Теперь автор этих строк пришел к другому пониманию элемента. Отыскался прецедент в ярлыках монгольских великих ханов. В китайском переводе ярлыка Хубилая от 1280 г. говорится о том, что принадлежавшие одному из монастырей незаконно захваченные земли и воды должны быть возвращены (Зограф, 1984, с. 95). Так что наш элемент не являлся для ярлыка Бюлека полностью инородным. В русском переводе ярлыка Менгу-Тимура элемент предстает в таком виде: «да не заимають их и яже будуть поймали и они да въздадут назад» (Григорьев, 2004, с. 38–39). В жалованной грамоте Тайдулы от 1351 г. читаем: «кто ни будеть не заимають их... не отнимають у них ничего» (Григорьев, 2004, с. 62). В первом ярлыке Бердибека элемент опять двусоставный: «и того у них не емлют... а кто будеть что взял или кто возьмет и тот да отдасть назад» (Григорьев, 2004, с. 102–103).

Варианты обслуживания парными глаголами первой части элемента в тюркских текстах ордынских ярлыков: 1) «пусть не домогаются и не забирают» (Григорьев, 1981а, с. 128); 2) «несправедливым образом что бы то ни было пусть не тащат и не забирают» (Григорьев, 1981б, с. 125–126). Примеры, которые бы соответствовали второй части рассматриваемого элемента, в сохранившихся тюркских текстах не обнаруживаются. Кажется, что их и вообще не было, а редактор русских текстов ярлыков, выдавая желаемое за действительное, просто дополнил первую, оригинальную, часть элемента второй – своей собственной. Реконструкция содержания элемента: «что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают».

Реконструированное содержание фрагмента в целом: «В принадлежащие их храмам и монастырям земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы кто бы то ни было пусть не вступают, какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют, что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают».

Фрагмент: «А в церковных домах кто ни будеть чтобы не ставились ни рушили их».

Прежде мы уже выяснили, что находящееся здесь русское словосочетание «церковные дома» в тюркском тексте ярлыка Бюлека представляло собой два рядом стоящих и не имеющих морфологических показателей связи существительных – «храмы» и «жилища». Такое словосочетание обычно воспринималось как определение и определяемое, т.е. «храмовые жилища», или «церковные дома». Однако в данном конкретном случае словосочетание воспринимается именно в значении «храмы и жилища» (Григорьев, 2004, с. 103). Выражение «кто ни будет чтобы не ставились» понимается однозначно. Другое дело, что в тюркских текстах ордынских ярлыков русскому выражению «чтобы не ставились» соответствовало тюркское – «на ночлег и на постой пусть не останавливаются» (Григорьев, 1981б, с. 126). Выражение «ни рушили их» не находит соответствия в тюркских текстах ярлыков и воспринимается нами как произвольное дополнение русского редактора сборника ханских ярлыков.

Реконструированное содержание фрагмента: «В их храмах, монастырях и жилищах кто бы то ни было на ночлег и на постой пусть не останавливаются».

Реконструкция содержания статьи *предостережение* в полном объеме: «В принадлежащие их храмам и монастырям земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы кто бы то ни было пусть не вступают, какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют, что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают. В их храмах, монастырях и жилищах кто бы то ни было на ночлег и на постой пусть не останавливаются».

По своей направленности и логической завершенности статья *предостережение* имеет право на существование. В то же время грань, разделяющая ее и статью *условия пожалования*, довольно зыбкая и условная, ибо православные священники и монахи, возглавляемые митрополитом, получив полный налоговый и бережельный от повинностей иммунитет в статье *условия пожалования*, оберегаются в статье *предостережение* от любого посягательства со стороны ханских подданных на свою недвижимость и свою личность, приобретая тем самым новые иммунитетные привилегии.

В итоге ханское повеление завершается статьей *устрашение*, в которой четко и недвусмысленно повествуется о том, что ждет его ослушников из числа как представителей адресата, так и держателей ярлыка. В ярлыках монгольских великих ханов статья *устрашение* в ее законченном виде сохранилась лишь в ярлыке Хубилая от 1280 г. (Зюграф, 1984, с. 95, 96). В более поздних их актах статья полностью

утрачивает свой первый оборот, адресованный возможным слушателям из числа представителей адресата, и сохраняет только обращение к нерадивым грамотчикам (Зограф, 1984, с. 97, 99, 101, 105, 109; Поппе, 1941, с. 65, 69). В ярлыках ордынских ханов наблюдается другая картина. Содержание первого оборота статьи *устрашение* в его наиболее полном виде можно видеть в старейшем из сохранившихся ордынских актов – русском переводе ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г. (Григорьев, 2004, с. 42). Почти в столь же полном виде, лишь с несколько видоизмененной формулой устрашения, первый оборот статьи наблюдается в сохранившихся тюркских текстах ярлыков Токтамышша от 1381 г. и Улуг-Мухаммеда от 1420 г. (Григорьев, 1981а, с. 128; Григорьев, 1984, с. 127), т.е. первый оборот в статье *устрашение* не исчезает в ордынских ярлыках XIV–XV вв.

Статья *устрашение* в ярлыке Бюлека: «А кто ся иметь в церковных домах ставити или рушити их и те люди в гресех будут да умеруть смертию. А ты Михаило митрополит възмолвишь что тако есми пожалован да тем домом церковным или землям или водам и в огородах и в виноградах или над людьми церковными что чрез пошлину учинишь ино то на тебе или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь каков ответ богу вздаси а за нас богу молитву вздавай занеже ты прежде а мы о том ничего же не мльвим».

Текст статьи в публикации А.И.Плигузова разнится от публикации его А.А.Зиминым по существу одной буквой в одном слове. Наличие или отсутствие этой буквы меняет смысл сообщаемого в статье. В паре «ив огородах и в виноградах» в слове «огородах» в публикации А.И.Плигузова пропущена первая буква «о». Восстанавливаем ее в соответствии с другими списками сборника (Ярлыки, 1955, с. 466; Древнейший, 1987, с. 586).

Статья отчетливо делится на два оборота, сгруппированных нами в два предложения. Обороты можно назвать *устрашение представителей адресата* и *устрашение грамотчика*.

Оборот *устрашение представителей адресата*: «А кто ся иметь в церковных домах ставити или рушити их и те люди в гресех будут да умеруть смертию».

Обращает на себя внимание первая часть оборота: «А кто ся иметь в церковных домах ставити или рушити их». Она почти дословно воспроизводит последнюю фразу из статьи *предостережение*. Эта фраза обращена к представителям адресата, но составляет она лишь небольшую и отнюдь не главную часть статьи *предостережение*. Так что

вряд ли только за эти предполагаемые грехи ослушники из числа представителей адресата во второй части оборота рассматриваемой сейчас статьи устрашаются неминуемой смертью. Положение кардинально меняется, если фрагмент из второго оборота этой же статьи «тем домом церковным или землям или водам и в огородах и в виноградах или» изъять и поместить его сразу после начальных слов первого оборота: «А кто ся иметь». Тогда первый оборот приобретает значительно более законченный вид.

Если в образовавшуюся словесную конструкцию добавить, руководствуясь содержанием оборота, после слова «виноградах» всего два слова («насильства творить»), то оборот устрашение представителей адресата будет выглядеть так: «А кто ся иметь тем домом церковным или землям или водам и в огородах и в виноградах насильства творить или в церковных домах ставити или рушити их и те люди в гресех будут да умеруть смертию».

Реконструкция содержания установленной выше словесной формы оборота нам уже известна. Выражение «те люди» понимается как «те из наших подданных». Формула «в гресех будут да умеруть смертию» знакома из реконструкции содержания второго ярлыка Бердибека: «да будут обвинены и умерут!» Законченный вариант этой формулы сохранил ярлык Менгу-Тимура от 1267 г.: «да будут обвинены на основании положений Великой ясы и умерут!» (Григорьевы, 2001, с. 55–56). Ссылка на положения Великой Ясы Чингис-хана во второй половине XIV в. уже не афишировалась ордынскими ханами-мусульманами.

Реконструированное содержание оборота *устрашение представителей адресата*: «Те из наших подданных, кто будут творить притеснения в принадлежащих их храмам и монастырям землях и водах, садах и огородах, банях и мельницах, а также те, кто будут останавливаться на ночлег и на постой в их храмах, монастырях и жилищах, – да будут обвинены и умерут!»

На оборот *устрашение грамотчика* остается текст: «А ты Михаиле митрополит възмолвишь что тако еси пожалован да над людми церковными что чрез пошлину учинишь ино то на тебе. Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь каков ответ богу vzdаси. А за нас богу молитву vzdваи занеже ты прежде а мы о том ничего же не мльвим».

В самом начале оборота находится логически завершенное предложение: «А ты Михаиле митрополит възмолвишь что тако еси по-

жалован да над людьми церковными что чрез пошлину учинишь ино то на тебе».

Рассмотрев форму и содержание одноименного оборота в тюркских текстах ордынских ярлыков (Григорьев, 1981а, с. 129; Григорьев, 1984, с. 127), легко убедиться, что первая половина приведенной выше фразы из ярлыка Бюлека ложится в означенную форму без малейшего отклонения. На современном русском языке начало фразы читается: «И ты, митрополит Михаил, говоря: «Я так пожалован!»» Выражение: «да над людьми церковными что чрез пошлину учинишь» – интерпретируется в соответствии с первым ярлыком Бердибека (Григорьев, 2004, с. 104) таким образом: «если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какие бы то ни было противозаконные действия». Концовка «ино то на тебе» (представляющая собой сокращенную форму известного русского выражения «тогда то прегрешение бог на тебе взыщет») не устраивает в качестве реконструкции содержания исследователя-востоковеда. Такая концовка перекладывает воздаяние за возможное прегрешение митрополита на бога, а не на ханскую администрацию. Поэтому здесь уместнее поместить формулу, зафиксированную в ярлыке Токтамыша: «тогда тебе также хорошо не будет!» (Григорьев, 1981а, с. 129).

В итоге все предложение в начале оборота читается: «И ты, митрополит Михаил, говоря: «Я так пожалован!» – если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какое бы то ни было противозаконное действие, тогда тебе также хорошо не будет!»

Следующее предложение оборота – «Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь каков ответ богу vzdasi» – было детально рассмотрено при реконструкции содержания первого ярлыка Бердибека (Григорьев, 2004, с. 105, 106). Выяснилось, что в этом предложении декларируется якобы пожалованное ордынским ханом русскому митрополиту право по своему усмотрению решать вопросы, связанные с осуществлением в своей епархии судопроизводства за преступления такого рода, как разбойное нападение, кража со взломом или злостный обман. Самый старый из сохранившихся списков сборника ханских ярлыков датируется второй половиной 60-х годов XV в. Именно в то время центральная власть фактически лишила духовных владык права суда и получения ими судебных пошлин. Тогда руководителям церкви и потребовались дополнительные аргументы и «доказательства» того, что еще во времена стародавние даже «безбожные» ордынские ханы не лишали

православных владык права судопроизводства, «опричь душегубства». Так что для подлинного текста ярлыка Бюлека рассмотренное предложение является инородным включением.

Предложение: «А за нас богу молитву издавай занеже ты прежде а мы о том ничего же не мльввим» также рассматривалось при реконструкции содержания первого ярлыка Бердибека (Григорьев, 2004, с. 107, 108). Оказалось, что и этот довольно эклектичный фрагмент не имеет отношения к обороту *устрашение грамотчика*. Так что только то предложение, которое зафиксировано нами в первых строках русского текста оборота, является текстом оборота *устрашение* в ярлыке Бюлека.

Поскольку содержание обоих оборотов статьи *устрашение* выше уже реконструировано, ее целостное восприятие получается таким: «Те из наших подданных, кто будут творить притеснения в принадлежащих их храмам и монастырям землях и водах, садах и огородах, банях и мельницах, а также те, кто будут останавливаться на ночлег и на постой в их храмах, монастырях и жилищах, – да будут обвинены и умрут! И ты, митрополит Михаил, говоря: «Я так пожалован!» – если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какое бы то ни было противозаконное действие, тогда тебе также хорошо не будет!»

Далее в переводе ярлыка Бюлека стоят слова «тако рекши». Как прежде (Григорьев. 2004, с. 108), так и теперь мы рассматриваем их как русскую передачу тюркской деепричастной формы от глагола «говорить». Эта связка между полным текстом ярлыка («словом» хана) и его удостоверением (констатацией факта выдачи ярлыка и его оформительскими регалиями) являлась обязательным элементом во всех ордынских ярлыках, составленных по-тюркски (Григорьев. 1981a, с. 129; Григорьев, 1981b, с. 127; Григорьев, 1984, с. 127). Формально связка передается по-русски словом «говоря», которое в тюркских текстах обычно венчает прямую речь. Однако поскольку здесь нас интересует реконструкция не столько формы, сколько содержания ярлыка, попытаемся воспроизвести по-русски ее содержание в более широком смысле. В первом обороте следующей статьи говорится о том, что ярлык в целом был выдан. Произошло это после того, как было провозглашено слово хана, обращенное к своим подданным. Так что фактически все содержание ярлыка воспринимается как одно сложное предложение, которое начинается словом (речью) хана и заканчивается сообщением о выдаче его ярлыка. В таком контексте

связка «говоря» может быть передана словами «после того, как было провозглашено».

Передавая не форму, а точное содержание изначального текста ярлыка, можно отделить всю речь хана от констатации факта выдачи его ярлыка. Выделяем эту констатацию в самостоятельное предложение, составляющее первый оборот статьи *удостоверение*. В этом случае связку «говоря» позволительно передать по-русски: «было провозглашено». Для облегчения восприятия текста ярлыка в целом следует переместить найденные слова из конца «слова» в его начало. Тогда русская передача содержания ярлыка будет начинаться словами: «Было провозглашено мое, Бюлека, слово...»

Теперь вспомним, что далее в ханском «слове» появляются такие речения, как «мы пожаловали» и «мы повелели». На этом фоне выражение «мое, Бюлека, слово» вступает в определенный диссонанс с «нашими» пожалованием и повелением. На протяжении всего времени существования Золотой Орды ее тюркоязычное население этого диссонанса просто не замечало. В русской передаче он бросается в глаза. Поэтому несколько видоизменяем начальную строку в реконструированном содержании ярлыка Бюлека: «Было провозглашено наше, Бюлека, слово...»

Остальной текст русского перевода ярлыка относится к традиционной трисоставной статье *удостоверение*: «На утверждение с алою тамгою ярлыки дали есмы. Овечья лета дарыка семьсот осмое лето сылгата месяца в десятый нова на Веколузе на речном орда кочевала написано».

Сравнение публикаций А.А.Зими́на и А.И.Плигу́зова (Ярлыки, 1955, с. 466; Древнейший, 1987, с. 586, 587) показывает, что только в одном случае в текст публикации А.А.Зими́на следует внести незначительное исправление по тексту публикации А.И.Плигу́зова. Речь идет о слове «лето» в словосочетании «осмое лето». В тексте, опубликованном А.А.Зими́ным, стоит слово «леть». Не нужно забывать, что здесь и выше речь идет не о качестве названных публикаций, а о том, что самый древний из сохранившихся списков текстов русского перевода ханских ярлыков в целом и ярлыка Бюлека в частности выполнен менее качественно, нежели, например, тот более поздний список, который в публикации А.А.Зими́на назван Троицким I. В интересующем нас сейчас фрагменте из ярлыка Бюлека в публикации А.И.Плигу́зова наблюдаются такие грубые ошибки переписчика, которые совершенно искажают смысл перевода. Например, там читается бессмысленное

словосочетание «отвеличия леты» (вместо «овечья лета»), «восемсот» (вместо «семьсот»), «но Веколузе» (вместо «на Веколузе»).

Уже сравнительно давно автор этих строк реконструировал не только содержание, но и форму статьи *удостоверение* ярлыка Бюлека в ее изначальном тюркском варианте (Григорьев, 1980а, с. 22–26, 35–38). Выяснилось, что русский перевод сохранил лишь два первых из обязательных трех оборотов статьи: *удостоверительные знаки, время и место написания, представление*.

Оборот *удостоверительные знаки*: «На утверждение с алою там-гою ярлыки дали есмы». Его содержание реконструируется словами: «Для постоянного хранения был выдан алотамговый ярлык».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, в отличие, например, от первого из двух ярлыков Бердибека (Григорьев, 2004, с. 108, 109; Григорьевы, 2001, с. 59, 60), в обороте *удостоверительные знаки* отсутствует указание на выдачу митрополиту Михаилу обязательного металлического удостоверения к ярлыку – «золотой» пайцзы. Та же недостача отмечалась и при анализе содержания ярлыка Джанибека от 1347 г. (Григорьевы, 2001, с. 112, 113). Она объяснялась тем, что в 1342 г. Джанибек уже выдавал тем же грамотчикам аналогичный ярлык и пайцзу. Поскольку на драгоценной пайцзе (выполненной из полукилограммовой серебряной, обильно позолоченной пластины) не вырезалось имя грамотчика, а только хана-жалователя, то она считалась действительной на все время правления данного хана, составляя законный комплект с аналогичными по содержанию его последующими ярлыками. Логично допустить, что ярлык Бюлека, предположительно выданный им еще осенью 1371 г. митрополиту Алексию, был снабжен его пайцзой. Эта пайцза хранилась в митрополичьей ризнице. Когда в 1378 г. функции русского митрополита стал осуществлять Михаил, пайцза перешла в его руки. Дополнительной ее выдачи Бюлеком в 1379 г. уже не требовалось.

Оборот *время и место написания*: «Овечья лета дарыка семьсот осмое лето сылгата месяца в десятый нова на Веколузе на речном орда кочевала написано». Его реконструированное содержание передается так: «Написан в год овцы, по хиджре семьсот восьмидесятый, месяца зу-ль-каада в десятый день прибывающей Луны [28 февраля 1379 г.], когда ставка находилась в месте, называемом Великий Луг».

Оборот *представление* в переводе ярлыка Бюлека отсутствует, что крайне печально, ибо в нем перечислялись имена ходатаев за представление ханского ярлыка Русской православной церкви, возглавлявшейся нареченным митрополитом Михаилом. По аналогии с пред-

ставлением в первом ярлыке Бердибека (Григорьев, 2004, с. 111, 112) можно предположить, что в представлении ярлыка Бюлека назывались имена первых лиц в правительстве хана, т.е. беклербека (Мамай), везира (?), главы Крымского тюмена (Кутлугбуга) и, возможно, еще одного или двух влиятельных сановников (?).

В итоге реконструкция содержания ярлыка Бюлека в целом получает такой вид: «Было провозглашено наше, Бюлека, слово ко всем подданным Монгольского государства: князьям тюменов, под началом с особоуполномоченным Мамаем, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям тюменов и городов, служащим государственной канцелярии, таможникам и весовщикам, проезжающим посланцам – сокольникам, звериным ловцам, караульщикам, заставщикам и лодейщикам, а также многим другим людям, идущим по какому-нибудь делу.

В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов – наших предшественников, включая покойного Бердибека, было сказано, чтобы христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и повинностей, молились за них богу и возносили им благопожелания. И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, на тех же условиях пожаловали этого митрополита Михаила.

После того, как он, воссев в митрополии города Владимира, возносит за нас и наш род родов молитвы и благопожелания, мы повелели так: «Пусть они не дают никаких общепринятых налогов и сборов, подвод и кормов, а также чрезвычайных налогов и сборов».

В принадлежащие их храмам и монастырям земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы кто бы то ни было пусть не вступают, какое бы то ни было насилие им пусть не причиняют, что бы то ни было у них пусть не тащат и не забирают. В их храмах, монастырях и жилищах кто бы то ни было на ночлег и на постой пусть не останавливаются.

Те из наших подданных, кто будут творить притеснения в принадлежащих их храмам и монастырям землях и водах, садах и огородах, банях и мельницах, а также те, кто будут останавливаться на ночлег и на постой в их храмах, монастырях и жилищах, – да будут обвинены и умрут! И ты, митрополит Михаил, говоря: «Я так пожалован!» – если совершишь в отношении людей, подведомственных храмам и монастырям, какое бы то ни было противозаконное действие, тогда тебе также хорошо не будет!

Для постоянного хранения был выдан алотамговый ярлык. Написан в год овцы, по хиджре семьсот восьмидесятый, месяца зу-ль-каада в десятый день прибывающей Луны [28 февраля 1379 г.], когда ставка находилась в месте, называемом Великий Луг».

Таким было содержание ярлыка Бюлека и таким был его индивидуальный формуляр. После того, как текст ярлыка, на основании его содержания, был расчленен на логически завершённые статьи, оказалось, что их не пять, а шесть. Шестая статья, названная здесь *устрашение*, не является чем-то новым, в прежних ярлыках невиданным. Она легко отмежеввалась от статьи *предостережение*, как только был пересмотрен и расширен объем последней за счет статьи *условия пожалования*. Предварительным условием такой операции явился пересмотр объема и содержания статей *объявление о пожаловании* и *условия пожалования*. Иными словами, объем и содержание статей ярлыка Бюлека были радикально пересмотрены. Теперь стало очевидным, что формуляр данной группы ордынских актов, предоставлявших права и привилегии Русской православной церкви, т.е. их конкретный формуляр, членился на шесть статей: *обращение*, *объявление о пожаловании*, *условия пожалования*, *предостережение*, *устрашение* и *удостоверение*. Обязательная для формуляров позднейших ордынских ярлыков первая статья – *богословие* в ярлыке Бюлека отсутствовала по причине того, что он писался по-тюркски не арабицей, а уйгурицей.

Вернемся к событиям русской истории конца февраля 1379 г., когда Мамай через своего подставного хана Бюлека выдал в Орде на Днепре нареченному митрополиту Михаилу ярлык, освобождавший русскую церковь от налогов и повинностей, в обмен на организацию постоянных молитв во здравие ордынского хана и его рода во всех православных храмах на территории Руси. В летописях об этой поездке в Орду митрополита Михаила нет ни слова, что, как мы уже не раз имели случай убедиться, совсем не исключало возможности ее осуществления на деле.

Только узнав о переговорах Михаила в Орде, литовский митрополит Киприан поспешил в Константинополь, чтобы организовать противодействие поставлению Михаила в митрополиты всея Руси от руки византийского патриарха. Михаил, конечно, не мог воспрепятствовать этой поездке Киприана. Весна и половина лета 1379 г. были потрачены им на сборы для следования в Византию. Когда яростный противник Михаила нижегородский епископ Дионисий, заручившийся поддержкой Сергия Радонежского, попытался отправиться в Константинополь раньше Михаила и там противоборствовать поставлению великокняжеского ставленника в союзе с Киприаном, Михаил обратился за помощью к Дмитрию. Дионисий был задержан в Москве. К середине июля 1379 г. все сборы были закончены, и митрополичий караван торжественно двинулся из Москвы в Коломну.

До Коломны «проводиша его честно самъ князь великий съ бояры съ старейшими тако же и епископи и архимандриты и игумени, попове, диакони, черньци и множество народа» (ПСРЛ, 1922, стб. 128). 26 июля 1379 г. Михаил переправился через Оку. Далее его путь лежал на Рязань, а оттуда – в Орду на Днепре. Задержавшись там на несколько дней у Мамаю, Михаил беспрепятственно продолжил путь на юг до Кафы, лежавшей на юго-восточном берегу Крыма. Там митрополит и его свита погрузились на корабль и взяли курс через Черное море на Константинополь. Должно быть, в конце августа 1379 г. их корабль пересек море с северо-востока на юго-запад и вошел в пролив Босфор. С корабля путники уже видели вдали купола храмов и крепостные башни Константинополя. И тут нареченный митрополит Михаил почувствовал себя плохо и скорострительно скончался. Тело его перевезли на лодке в генуэзскую Галату, располагавшуюся на северном берегу Золотого Рога, и там похоронили (ПСРЛ, 1922, стб. 129).

Так судьба распорядилась с предпринятой великим князем Дмитрием и его заинтересованным сподвижником Михаилом попыткой поставить митрополитом всея Руси верного продолжателя дела митрополита Алексия, с которым, как мы видели, у Дмитрия никогда и ни в чем не было размолвок и противоречий. Далеко не все русские иерархи выступали против планов великого князя и нареченного митрополита. Противники Михаила группировались около митрополита Киприана, продолжительная жизнь которого складывалась трудно и противоречиво. Весной 1381 г. он был вызван из Киева в Москву самим Дмитрием в качестве митрополита всея Руси, но уже осенью 1382 г. изгнан оттуда великим князем и заменен Пименом. Незадолго до последнего события сам Киприан, талантливый писатель, редактор и переводчик, стараясь предостеречь Дмитрия от решения сменить его на посту митрополита, придал вид учительного риторического «слова» летописной Повести о Митяе-Михаиле (Прохоров, 1988б, с. 464–467). Литературный дар Киприана надолго изменил отношение современников и потомков к делам и чаяниям человека, за год до Куликовской битвы получившего фактически из рук Мамаю рассмотренный выше документ.

В итоге рассмотрения в этом исследовании положения внутри Золотой Орды в 50-70-е годы XIV в. уточнилось наше представление о калейдоскопической смене ордынских ханов на престоле в Новом Сарае. Хронологически это чередование сменявших один другого на троне представителей рода Джучи выглядело следующим образом: Джанибек (1342–1357), Бердибек (1357–1359), Кулпа (лето-осень 1359),

Навруз (осень 1359 – лето 1360), Хызр (лето 1360 – лето 1361), Халифа (две недели лета 1361), Орда-шейх (один месяц лета 1361), Тимур-ходжа (лето – осень 1361), Кельдибек (самозванец, осень 1361 – лето 1362), Абдулла (лето – осень 1362), Мюрид (осень 1362 – начало 1363), Мир-Пулад (начало 1363 – осень 1364), Азиз-шейх (осень 1364 – лето 1367), Абдулла (второй раз, лето 1367 – весна 1370), Мухаммед Бюлек (весна 1370 – осень 1374), Урус (осень 1374 – осень 1375), Каганбек (осень 1375 – осень 1377), Арабшах (осень 1377 – осень 1378), Токтамыш (осень 1378–1395).

Представленный список, ценный сам по себе и все еще нуждающийся в уточнении, не дает представления о принадлежности того или иного хана к роду боровшихся за верховную власть потомков сыновей Джучи – Бату, Орды, Шибана и Тука-Тимура. Батуидами в этом списке были последние формально всеордынские ханы от Джанибека до Навруза включительно, т.е. четыре сарайских хана 50-х годов XIV в. Следующие четыре хана, от Хызра до Тимур-ходжи, которые сменили друг друга за время от лета 1360 г. до осени 1361 г., были ордуидами – выходцами из далекой Синей Орды. Проживавшие к западу от нижнего течения Волги родовые князья правого крыла совершили отчаянную попытку противопоставить натиску джучидов с востока своих ставленников из угасавшего рода батуидов. В промежуток времени от осени 1361 г. до осени 1362 г. им удалось посадить на сарайский трон Кельдибека (самозванца) и Абдуллу. Ордуиды Мюрид, Мир-Пулад и Азиз-шейх, воспользовавшись своей базой в Укеке и расколом блока князей правого крыла, восстановили свою власть в Новом Сараях от осени 1362 г. до лета 1367 г.

Только родовой князь правого крыла Мамай, в начале 1363 г. создавший мощное объединение родовых князей с центром в Орде на Днепре – Мамаеву Орду, летом 1367 г. смог выдворить ордуидов из Нового Сарая. Его ставленники Абдулла и Мухаммед Бюлек удерживали всеордынскую столицу от лета 1367 г. до осени 1374 г. Властитель Синей Орды с центром в Сыгнаке Урус (1371–1377) на короткое время (осень 1374 – осень 1375) вернул Новый Сарай роду Орды.

Сын правителя Белой Орды Эльбека, до 1374 г. возглавлявшего род шибанидов в Сарайчике на Яике, Каганбек изгнал Уруса из Нового Сарая и занимал трон от осени 1375 г. до осени 1377 г. Затем до осени 1378 г. новосарайским ханом был его двоюродный брат Арабшах. Выдворить шибанидов из Нового Сарая смог тука-тимурид Токтамыш. Предварительно, опираясь на всемерную поддержку Тимура, он овладел троном ордуидов в Сыгнаке. Весной 1378 г. армия Токта-

мышья выступила из Сыгнака на завоевание Нового Сарая. Свой замысел Токтамыш осуществил осенью 1378 г. Теперь для воссоединения под своей рукой Золотой Орды в ее исторических границах новому владыке Сарая предстояло выполнить одну главную задачу – сокрушить военную мощь Мамаевой Орды.

Березин, 1852 – Березин И.Н. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству. Оттиск из «Казанских губернских ведомостей». 1852. № 22.

Боровков, 1966 – Боровков А.К. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 25. Вып. 1. – М., 1966.

Веселовский, 1969 – Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969.

Гафуров, 1987 – Гафуров А.Г. Имя и история. Об именах арабов, персов и турков. Словарь. – М., 1987.

Григорьев, 1972 – Григорьев А.П. Использование древнемонгольского института «эджен» в практике наследования отцовского юрта // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1972. № 7.

Григорьев, 1978 – Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. Чингизидские жалованные грамоты. – Л., 1978.

Григорьев, 1980а – Григорьев А.П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 5. – Л., 1980.

Григорьев, 1980б – Григорьев А.П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. Востоковедение. Вып. 7. – Л., 1980.

Григорьев, 1981а – Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение. Вып. 8. – Л., 1981.

Григорьев, 1981б – Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение. Вып. 9. – Л., 1981.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. – Л., 1983.

Григорьев, 1984 – Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение. Вып. 10. – Л., 1984.

Григорьев, 1985а – Григорьев А.П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 8. – Л., 1985.

Григорьев, 1985б – Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. Вып. 11. – Л., 1985.

Григорьев, 1987 – Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. – Л., 1987.

Григорьев, 1990 – Григорьев А.П. Золотоордынский город Орда // Востоковедение. Вып. 16. – Л., 1990.

Григорьев, 1992 – Григорьев А.П. «Огороды виногради» в ханских ярлыках русским митрополитам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. – СПб., 1992.

Григорьев, 1994 – Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – СПб., 1994. Вып. 2.

Григорьевы, 2002 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. – СПб., 2002.

Григорьев, 2004 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб., 2004.

Григорьев, Фролова, 1999 – Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 18. – СПб., 1999.

Древнетюркский, 1969 – Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Духовные, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л., 1950.

Егоров, 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.

Зимин, 1958 – Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Сб. 6. – М., 1958.

Зограф, 1984 – Зограф И.Т. Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае. – М., 1984.

Клюг, 1994 – Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). – Тверь, 1994.

Кляшторный, Султанов, 1992 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата, 1992.

Кляшторный, Султанов, 2000 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб., 2000.

Книга, 1950 – Книга Большому Чертежу. Подгот. к печ. и ред. К.Н.Сербиной. – М.; Л., 1950.

Кононов, 1978 – Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. – Л., 1978.

Кривошеев, 1995 – Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности: К постановке вопроса. – СПб., 1995.

Кучкин, 1979 – Кучкин В.А. Сподвижники Дмитрия Донского // Вопросы истории. 1979. № 8.

Кучкин, 1980 – Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8.

Кучкин, 1984 – Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984.

Кучкин, 1990 – Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М., 1990.

Кучкин, 1992 – Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.

Кучкин, 1995 – Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6.

Материалы, 1939 – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. – М.; Л., 1939.

Мухамадиев, 1983 – Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983.

Новгородская, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.

Поппе, 1941 – Поппе Н.Н. Квадратная письменность. – М.; Л., 1941.

Приселков, 1950 – Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – М.; Л., 1950.

Прохоров, 1978 – Прохоров Г.М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. – Л., 1978.

Прохоров, 1988а – Прохоров Г.М. Алексей (Алексий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIX–XVI вв. Ч. 1. – Л., 1988.

Прохоров, 1988б – Прохоров Г.М. Киприан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIX–XVI вв. Ч. 1. – Л., 1988.

ПСРЛ, 1863 – Полное собрание русских летописей. Т. XV. – СПб., 1863

ПСРЛ, 1897 – Полное собрание русских летописей. Т. XI. – СПб., 1897.

ПСРЛ, 1910 – Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. – СПб., 1910.

ПСРЛ, 1913 – Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. – СПб., 1913.

ПСРЛ, 1915 – Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. – Пг., 1915.

ПСРЛ, 1922 – Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. – Пг., 1927.

ПСРЛ, 1927 – Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 2. – Л., 1922.

Сборник, 1884 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. – СПб., 1884.

Сборник, 1941 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. – М.; Л., 1941.

Севортян, 1980 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». – М., 1980.

Серебряков, Гаджиева, 1986 – Серебряков Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1986.

Словарь, 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. – М., 1975.

Словарь, 1977 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. – М., 1977.

Словарь, 1978 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. – М., 1978.

Словарь, 1979 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. – М., 1979.

Словарь, 1982 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. – М., 1982.

- Словарь, 1988 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. – М., 1988.
- Словарь, 1989 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. – М., 1989.
- Словарь, 1990 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. – М., 1990.
- Султанов, 1975 – Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник, 1973. – М., 1975.
- Султанов, 1976 – Султанов Т.И. К истории Казахстана 70-х годов XIV в. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. – Алма-Ата, 1976. № 5.
- Татищев, 1996 – Татищев В.Н. История Российская // Татищев В.Н. Собр. соч. Т. 5. – М., 1996.
- Трепавлов, 1993 – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. – М., 1993.
- Френ, 1832 – Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. – СПб., 1832.
- Ярлыки, 1955 – Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. Краткое собрание // Памятники русского права. Вып. 3. – М., 1955.
- Fraehn, 1896 – Fraehn Ch.M. Numi muhammedani, qui in Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo Asiatico asservantur. Т. 1. Petropoli, 1826.

Загадка крепостных стен Старого Крыма*

Известно, что собственно золотоордынские города не имели крепостных стен. Их были лишены такие, например, золотоордынские центры, как Сарай, Хаджитархан, Укек, Сарайчук и Гюлистан. О точном месте нахождения последнего лишь в 1997 г. оповестил научный мир волгоградский ученый И.В.Евстратов (см.: Григорьев, 2003, с. 214–227).

Золотоордынский город Крым (ныне Старый Крым) на Крымском полуострове первоначально, т.е. от 40-х годов XIII в. до середины XIV в., также не был обнесен крепостными стенами. Во второй половине XIV в., когда Крым являлся центром Крымского тюмена Золотой Орды, каменные стены вокруг города все-таки были возведены. Петербургский ученый М.Г.Крамаровский, многие годы посвятивший организации и проведению археологических раскопок на территории Старого Крыма, создал план-схему города в XIV–XV вв., на котором уверенно прослеживается опоясывающая Крым линия крепостных стен (Крамаровский, 1989, с. 152).

Утверждение некоторых историков о том, что само название «Крым» означает по-монгольски «крепостная стена, крепость», ныне признается заблуждением. Тюркский топоним «Кырым», произносимый нетюрками «Крым», переводится «яма, ров». Еще в эллинистической древности громадным рвом был перекопан перешеек, соединявший Таврический полуостров с материком. Следы этого перекопа сохранились до наших дней. Для коней кочевников-тюрков, в частности, половцев, от середины XI до начала XIII в. безраздельно владевших степями и предгорьями полуострова, ров служил ощутимым препятствием. Этот ров (греч. *χαυτάκι*), поражавший воображение степняков, и послужил основанием для названия всего полуострова Крым. То же наименование перешло и на золотоордынский экономический и политический центр полуострова и всего Северного Причерноморья (Григорьев, 1995).

Более или менее точное время возведения каменных крепостных стен вокруг г. Крым, конкретные обстоятельства, побудившие тогдашнее ордынское руководство предпринять и завершить строительство

---

* Опубликовано: Вестник СПбГУ. Сер. 2, 2003, вып. 4 (№ 26). – С. 22–29.

этого достаточно крупного и в высшей степени затратного сооружения, так же как имя человека, отдавшего приказ на превращение города в крепость и проследившего за неукоснительным исполнением этого предприятия, до настоящего времени продолжают оставаться исторической загадкой. Полагаю, что настало время эту загадку разрешить.

После того как летом 1359 г. в Орде при невыясненных обстоятельствах скончался хан Бердибек (1357–1359), там начался, по словам русских летописцев, период «великой замятии», который захлестнул всю территорию Золотоордынской державы и закончился не ранее окончательного утверждения на сарайском престоле хана Токтамыша (1378–1395), что произошло лишь в конце 1380 г. (Григорьев, 2003, с. 133–177). Лихолетье великой замятии выдвинуло на историческую арену страны личность, во многих отношениях замечательную, в восприятии значительной части населения Орды харизматическую, и по сей день для историков загадочную. Этого человека звали Мамай.

Имя Мамаея неотделимо вросло в историю России, где, как мне представляется, и сегодня трудно найти человека, который не слышал бы хоть «краем уха» это имя в самом неожиданном контексте. Оно вошло в русский фольклор, стало нарицательным. Нередко можно встретить русскую фамилию Мамаев. Каждому русскому понятны словосочетания «Мамаево нашествие» и «Мамаев погром». При всем том даже среди отечественных специалистов-историков до сих пор нет человека, который отчетливо представлял бы себе родственные связи Мамаея и конкретные обстоятельства, способствовавшие стремительному взлету и непрерываемому авторитету в ордынской среде этого безусловно выдающегося государственного деятеля Золотой Орды.

При анализе содержания так называемой «Платежной ведомости Тайдулы», дошедшей до нас в составе коллекции, включавшей в себя десять золотоордынских документов, сохранившихся в архивах Венеции, я выдвинул ряд доводов, которые косвенно свидетельствовали о принадлежности Мамаея к роду супруги хана Узбека (1313–1341) Тайдулы, бывшей матерью хана Джанибека (1342–1357) и бабкой Бердибека. Получалось так, что Мамай, зафиксированный в «Платежной ведомости Тайдулы» под именем Кичиг-Мухаммед, являлся старшим сыном Кутлугбуги, который в 1351–1357 гг. был беклербеком в правительстве Джанибека, а в конце 1358 или начале 1359 г. при содействии своей родственницы Тайдулы стал правителем Крымского тюмена (Григорьевы, 2002, с. 204–217).

До последнего времени мне была неведома племенная принадлежность Мамаея. В современные ему официальные восточные хроногра-

фы эта деталь не вошла по причине своей общеизвестности, а русских летописцев она, естественно, не интересовала. Недавно я познакомился с незаслуженно забытым отечественными востоковедами сочинением по истории Золотой Орды под названием «Чингиз-наме» («Книга о Чингисидах»). Оно написано по-тюркски на материале исторических преданий неким Утемишем-хаджи по поручению шибанида Ишсултана, всего год (1557–1558) правившего Хорезмом. С конца XIX в. выявлен только один неполный список «Чингиз-наме», хранящийся в Узбекистане. Он датируется XVIII – началом XIX в. Востоковед В.П.Юдин (1928–1983) выполнил перевод текста «Чингиз-наме» с тюркского языка на русский, подготовил к изданию его транскрипцию и факсимиле. В 1992 г. издание памятника осуществила в Казахстане Ю.Г.Баранова (Утемиш-хаджи, 1992). Утемиш-хаджи неоднократно отмечал, что Мамай происходил из племени кия (Утемиш-хаджи, с. XXX, XXXVIII, XLVII (текст); 108, 113, 118 (пер.)). У меня нет основания не доверять автору «Чингиз-наме».

Наиболее авторитетный специалист по вопросам о происхождении и о составе монгольских и тюркских племен в средние века Абул-Фадл Рашид-ад-Дин (1247–1318) в своем персоязычном сочинении «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») сообщал, что монгольское племя кият берет свое начало от прадеда Чингис-хана Кабул-хана. Киятами стали называть его детей и внуков. Так что киятами были сын Кабула Бартан-бахадур, дед Чингис-хана, и сын Бартана Есугэй-бахадур, отец Чингис-хана (Рашид ад-Дин, 1952, с. 32, 46, 48). Ко времени жизни Мамай в преобладающей по численности тюркоязычной среде Золотой Орды представители племени кият уже утратили монгольский язык и стали говорить по-тюркски, хотя, конечно, все они еще прекрасно осознавали древность и знатность своего происхождения. Помнили об этом все слои золотоордынского общества. Это помогло возвыситься в Орде как самому Мамаю, так до него его отцу Кутлугбуге и их не менее знаменитой соплеменнице Тайдуле. Позднее, в XV–XVII вв., племя кият полностью влилось в состав других тюркских племен Центральной Азии (Султанов, 1982, с. 15, 30, 41, 48).

События, случившиеся в Орде после кончины Бердибека летом 1359 г., Мамай встретил в Сарая. Он жил при ханском дворе и был женат на сестре Бердибека. При жизни последнего Мамай в качестве ханского зятя завоевал себе право заботиться о безопасности державной семьи – женах, детях и других кровных родственниках хана. После смерти Бердибека он полностью взял на себя и до своей кончины оставался хранителем ханской ставки (орды), т.е. прежде всего семьи

и личной казны Бердибека. Мамай в этом своем качестве устраивал всех «законных» Джучидов, бившихся между собой за «высокое место» (улуг-орун) – ханский трон. Кроме того, в развернувшейся после смерти Бердибека вакханалии кровавых разборок между Джучидами-претендентами на сарайский престол каждый из них остро нуждался в материальной и людской поддержке со стороны местных племенных вождей. Мамай, представлявший в Сарае своего отца, правителя Крымского тюмена и предводителя всех князей правого (западного) крыла Золотой Орды, возглавлявшего мощный племенной союз, и в этой ипостаси был нужен каждому претенденту. Поэтому Мамай сравнительно спокойно продолжал жить в Сарае при дворах, последовательно сменявших друг друга, Кулпы, Навруза, Хызра, Халифы, Орды-шейха и Тимура-ходжи (Григорьев, 2003, с. 134–144).

Осенью 1361 г. на Сарай нагрянул самозванец Кельдибек, объявивший себя сыном Джанибека. Самозванца поддерживали племенные вожди, составлявшие оппозицию предводителю князей правого крыла Кутлугбуге. Оппозицию возглавлял родовой князь Яглыбай, сын Тоглубая, для которого Кельдибек служил знаменем, призванным объединить вокруг своей особы всех не довольных приходом к власти в Сарае «чужих» Джучидов, пришедших с Востока и не принадлежавших к роду «своих» Джучидов-Батуидов.

Прежде, опираясь на неосновательные допущения, я предполагал, что Яглыбай был вождем племени бахрин, состоявшим в родстве с кунгратами (Григорьев, 1994, с. 31). Теперь, ознакомившись с сочинением Утемиша-хаджи, который четко определял принадлежность отца Яглыбая к старинному тюркскому племени канглы (Утемиш-хаджи, 1992, с. XXX (текст); 108 (пер.)), зафиксированному еще Рашид ад-Дином и более поздними авторами (Рашид ад-Дин, 1952, с. 201, 221; Султанов, 1982, с. 30, 41), я изменил свое мнение и принял точку зрения Утемиша-хаджи. Таким образом установлено, что Яглыбай являлся вождем изначально тюркского племени канглы, в период великой замятии в Орде противопоставлявшего себя властным устремлениям монгольского по происхождению племени кият, руководимого отцом Мамаем Кутлугбугой. Родовым гнездом служил Яглыбаю портовый г. Янгишехр, располагавшийся на юго-востоке Крымского полуострова, в районе бухты Двужкорной, к югу от Кафы (Феодосии). Венецианцы называли этот порт Провато (Григорьев, 1994, с. 28–36).

Вначале Яглыбай, ставший улугбеком в правительстве Кельдибека, получил тайную материальную поддержку от венецианского консула в Азаке (Азове), собрал и вооружил армию. Затем, под лозунгом

возвращения трона Джучидам-Батуидам, двинул войска на Сарай. В сентябре-октябре 1361 г. Яглыбай выбил из ордынской столицы Тимура-ходжу, который вскоре был убит. После этого Яглыбай посадил Кельдибека на трон в Сарае, где последний продержался до лета 1362 г. В этот промежуток времени Кельдибек и стоявший за ним Яглыбай преуспели в деле физического устранения ордынской княжеской элиты, состоявшей из вождей племен правого и левого крыла. Погибли «старые» князья: старший брат Кутлугбуги Могулбуга, Сарай-Тимур, Нангудай и др. (Григорьев, 2003, с. 144, 145).

После нападения на Сарай Кельдибека Мамай, предвидя скорый захват города, участь своего родного дяди Могулбуги и свою собственную, вместе с бывшей ставкой Бердибека, его женами, детьми и остатками ханской казны перебрался на правый берег Волги, а затем проследовал до резиденции Кутлугбуги в Крыму. Там он провозгласил законным наследником ордынского престола одного из ближайших родственников Бердибека (скорее всего сына) по имени Абдулла. Потом, при содействии отца и финансовой помощи генуэзцев Кафы, которая располагалась в границах Крымского тюмена, Мамай снарядил войско и весной 1362 г. двинул его в поход на засевшего в Сарае Кельдибека. Летом того же года противники встретились в решающем сражении. Кельдибек был разбит и бежал вместе с Яглыбаем, оставив Сарай победителю. Мамай посадил Абдуллу на общеордынский трон, а сам стал улугбеком в его правительстве. Началась чеканка сарайской монеты с именем Абдуллы. Однако долго продержаться в Сарае новый хан и правивший за него Мамай не смогли. Уже осенью 1362 г. они были изгнаны из столицы младшим братом Хызра Мюридом, который еще при жизни старшего брата обосновался в Гюлистане, приблизил к себе местную родовую знать и в 1361 г. объявил себя ордынским ханом (Григорьев, 2003, с. 145–147).

Мамай, осенью 1362 г. изгнанный Мюридом из Сарая, опять вернулся в отцовский тюмен. Он довольно быстро осознал бесперспективность стремления большинства претендентов на ордынский престол к немедленному захвату традиционной столицы. В те бурные годы, когда число претендентов просто не поддавалось учету, а политическая ситуация в стране непредсказуемо изменялась практически ежедневно, легче было неожиданным наскоком овладеть столицей, чем удержаться в ней сколько-нибудь продолжительное время. Пример Мюрида показал Мамаю, что прежде следует капитально обосноваться в другом, более спокойном месте. Нужно было подготовить для себя прочный тыл, предельно расширить и укрепить свою материаль-

ную и людскую базу, реальными достижениями внушить своим сторонникам спокойную уверенность в будущем, а потом уже решительно и неотвратимо выступить против внешних противников и овладеть Сараем.

Вначале Мамай решил обеспечить безопасность ханской ставки покойного Бердибека, совместив ее с недавно образованной ставкой Абдуллы. Далеко к северу от Крыма, в излучине Днепра, в пределах бескрайнего Великого Луга (Улуг Чаир), было подыскано место, идеально подходившее для постоянного убежища потомков Бердибека. Оно было скрыто в днепровских плавнях среди речных протоков, озер и болот. Ныне там находятся развалины золотоордынского города площадью около 10 га. Городище было обнаружено в 1953 г. в урочище Великие Кучугуры в 30 км к югу от г. Запорожье (Украина). В городе-убежище в спешном порядке возвели минимум самых необходимых монументальных кирпичных зданий, в числе которых был и монетный двор. Крепостных стен не строили. Город получил официальное название Орда (Орду). С начала 1363 г. здесь регулярно чеканили серебряные дирхемы и медные пулы от имени Абдуллы (1363–1370) и сменившего его Мухаммеда Бюлека (1370–1380) (Григорьев, 1983, с. 50, 51; Григорьев, 1990, с. 152–158).

Что касается самого Мамаея, являвшегося не номинальным, а подлинным владыкой на территории правого крыла Золотой Орды, то он задумал обосноваться в резиденции правителя Крымского тюмена – г. Крым, имевшим давние и хорошо отлаженные многосторонние связи со всеми регионами правого крыла и далеко за его пределами. Сам по себе город, будучи расположенным в широкой, открытой ложине, не имел, как и все собственно ордынские поселения, крепостных стен. Для кочевников-степняков, составлявших основную массу населения Золотой Орды, такое положение было обыденно-привычным. Неприемлемым оно показалось лишь такому прирожденному лидеру и стратегу, каким являлся Мамай. Для него не прошли бесследно два с половиной года, с лета 1359 до осени 1361 г., проведенные в Сарае, когда столицу целых шесть раз одним махом захватывали очередные претенденты на всеордынский престол, когда он сам еще летом 1362 г. торжествовал победу над Кельдибеком в Сарае, а осенью того же года познал горечь поражения и бегства из возжеленной столицы, сметенный ударом конницы Мюрида и перешедшего на его сторону двоюродного брата Мамаея Ильяса. Оперативно найдя решение проблемы организации дальнего убежища для ханской ставки в Орде на Днепре, Мамай, выбрав удобное время, столь же энергично и совершенно не-

традиционно для ордынцев, решил и проблему укрепления собственной резиденции на Крымском полуострове – он обнес г. Крым каменными стенами.

Живым примером пользы и необходимости каменных стен для Мамая являлась, конечно, генуэзская крепость Кафа, находившаяся в 26 км к востоку от резиденции правителя Крымского тюмена. Генуэзцы основали торговую факторию в Кафе с разрешения золотоордынского хана еще в 70-х годах XIII в. В 1340 г. они начали там строительство каменной крепости, которое закончилось в 1352 г. Реконструкция крепости, выполненная в 1998 г. С.Г.Бочаровым, показывает, что общая длина ее стен составляла около 1440 м, их средняя высота – 13 м, средняя высота башен – 20 м. Площадь городской территории, защищенная стенами – 11,3 га (Бочаров, 1998, с. 86).

Это была та самая крепость, которую тюркоязычное население полуострова называло Френк-хисар, т.е. Франкская крепость. Довольно подробное описание крепости, представлявшей собой в середине XVII в. старинную цитадель Кафы, содержится в «Книге путешествия» турецкого бытописателя Эвлии Челеби (Evliya Celebi, 1928, s. 672, 673). Не успели еще строители завершить возведение крепостных стен вокруг Кафы, как летом 1345 г. к городу подступило ордынское войско под командованием беклербека Могулбуги, не скрывавшего своего намерения овладеть главным оплотом генуэзцев в Северном Причерноморье. Однако в то время генуэзское руководство сумело предотвратить ордынскую угрозу (Григорьевы, 2002, с. 83, 84). После завершения строительства крепости в 1352 г. политическая обстановка в Золотой Орде накалялась с каждым годом. После смерти Бердибека в 1359 г. эта напряженность вылилась в великую замятию 60–70-х годов.

Насколько мне известно, до сих пор у историков-медиевистов не возникал вопрос относительно места добычи камня, из которого строились крепостные стены и башни Кафы. Хотелось бы также знать: кто занимался заготовкой и обработкой каменных блоков, кто и как транспортировал их к месту строительства, кто осуществлял кладку названных сооружений? Конечно, свои архитекторы и прорабы у генуэзцев были, но они были не в состоянии везти за тысячи миль из метрополии в Кафу собственную рабочую силу. Тогдашними коренными жителями Крымского полуострова, имевшими многовековой опыт обращения с камнем, были греки и армяне, составлявшие, кстати, преобладающую по численности долю населения и самой Кафы. Однако торговцы и городской плебс не могли составить армию строительных рабочих Кафы. Такое дело было по плечу лишь профессиональным ка-

менщикам, которые из поколения в поколение занимались каменным промыслом.

За века проживания на Крымском полуострове греческих и армянских колонистов в их городских центрах постоянно велось строительство всякого рода монументальных каменных сооружений. Строительный материал проще всего было добывать в каменоломнях гористого Южного берега. Последнее обстоятельство привело к созданию там целого ряда поселений, население которых было занято преимущественно добычей, обработкой и транспортировкой камня. Из рядов этих каменщиков вышли и квалифицированные строительные рабочие. Гористая и сильно пересеченная поверхность Южного Крыма не позволяла перевозить по ней массивные каменные блоки на сколь угодно значительное расстояние. Гораздо легче было переправлять камень вдоль морского берега по воде на плотам и специальных судах. Идеальным местом для появления поселений каменщиков на Южном берегу было побережье в районе Судакской бухты Черного моря. Там в небольшой, окруженной горами плодородной долине с III в. н.э. существовал город-порт Судак (аланск. Сугдак, греч. Сугдея, русск. Сурож, генуэзск. Солдайя). В XIII в. в Судаке основали свою торговую факторию венецианцы. Последние активно не занимались каменным строительством. Поэтому местное население, сосредоточенное по соседству с Судакком и традиционно занимавшееся каменным промыслом, свободно могло перевозить камень на запад и восток по морю, например, в Кафу, расположенную всего в 60 км к северо-востоку от Судака. За счет этого камня и руками этих строителей и была возведена первая каменная крепость в Кафе.

Сказанное выше приблизило нас к пониманию необходимости для Мамай использовать опыт генуэзцев в деле укрепления собственной резиденции на Крымском полуострове. Орда, скрытая в днепровских плавнях ставка-убежище для последних представителей рода Джучидов-Батидов, постоянно охраняемая и опекаемая Мамаем, с 1363 г. уже функционировала, а Крым (будущий Старый Крым) все еще не был защищен крепостными стенами. Тогда Мамай не был готов, ни морально, ни материально к тому, чтобы отдать приказ на возведение стен.

В начале 1363 г. очередной претендент на ордынский престол Пулад-ходжа овладел Сараем и вынудил Мюрида вернуться в Гюлистан, где последний чеканил от своего имени монету еще с 1360 г. Для русских князей Московского, Нижегородского и Тверского княжеств, постоянно соперничавших между собой в борьбе за великокняжеский престол во Владимире, с начала 60-х годов XIV в. реальное значение

представляли две политические и военные силы, персонифицированные в именах Мюрида и Мамая, от лица каждого из которых русским князьям попеременно доставлялись назначения-утверждения на пост великого князя Владимирского. В русских летописях того времени эти силы назывались Мюридова (Муротова) и Мамаева орды.

Между тем великая замятня в Золотой Орде продолжалась. Пулад-ходжа и его родственник Азиз-шейх продержались в Сарае до лета 1367 г. Затем, от 1367 до 1374 г., Батуиды Мамаевой орды Абдулла и Мухаммед Бюлек номинально числились сарайскими владыками, хотя фактически они лишь изредка покидали свою основную базу в Орде на Днепре. В Сарае их представляли в основном наместники и оставляемые там Мамаем военные гарнизоны. Муротова орда, после смерти ее создателя в начале 1364 г., довольно быстро сошла на нет. На окружающих ее землях активизировались местные родовые князья. Однако составить серьезную конкуренцию Мамаевой орде никто из князей правой руки уже не мог (Григорьев, 2003, с. 147–162).

В только что описанное время на Крымском полуострове случилось событие, которое для Мамая, вдали от Крыма занятого борьбой за общеордынский престол, вначале прошло незамеченным, но затем вдруг приобрело первостепенное значение. В 1365 г. генуэзцы Кафы овладели Судакским портом. Это дало им возможность, во-первых, потеснить своих извечных торговых соперников венецианцев, а во-вторых, обезопасить свою основную базу Кафу, резко увеличив поставку в нее строительного камня для устройства оборонительных сооружений. Одновременно генуэзцы принялись возводить к востоку от порта укрепление на горе, на месте крепостных сооружений прежних эпох. Эта Судакская крепость фрагментарно сохранилась до наших дней (Опочинская, 1986, с. 255–265; Баранов, 1989, с. 83, 84). Наиболее ранняя из генуэзских строительных плит датирована 1371 г. (Skrzinska, 1928, p. 107).

Между тем осенью 1374 г. подошедшая с востока армия Джучида Уруса через Сарайчук на Яике пробилась к Сараю. Там произошло сражение Уруса с войсками Мамая. Победу одержал Урус, вынудивший Мамаю отступить в Крым и провозгласивший себя общеордынским ханом (Григорьев, 2003, с. 162–167). Вернувшийся в Крым Мамай наконец-то в полном объеме осознал опасность, грозящую ему в связи с военным укреплением генуэзцев в Судакке и Кафе. Уже в начале 1375 г. Мамай радикально решил генуэзскую проблему. Он распорядился взять под свою руку 18 селений Судакской долины (Balard, 1978, p. 161). Поток строительного камня, перевозимого по морю из

Судака в Кафу, после этого не иссяк, а, наоборот, резко возрос. Только теперь этот камень, после доставки его в Кафинский порт, судакские каменотесы и строительные рабочие стали грузить на телеги и транспортировать далее на запад – в резиденцию Мамаю. Из судакского строительного камня и были возведены крепостные стены вокруг г. Крыма. Это строительство продолжалось с 1375 до осени 1380 г. – времени смерти Мамаю.

Откуда известно точное число селений Судакской долины, отписанных в 1375 г. в подчинение Мамаю? Это уже отдельная история, документально засвидетельствованная в двух ордыно-генуэзских соглашениях, подписанных на Крымском полуострове в 1380–1381 гг. Их тексты сохранились в старинных переводах на генуэзский диалект итальянского языка и неоднократно публиковались. Однако обстоятельное источниковедческое исследование названных актов по ряду причин до сих пор не проводилось. Поскольку пункт названных соглашений относительно 18 селений, приписанных к Судак, имеет непосредственное отношение к рассматриваемой мною теме, приведу здесь его полный текст и русский перевод:

Queli dixoto casay li quay eran sotemixi e rendenti a Sodaja quando lo [grande] comun preyse Sodaja po[ss]a Mamaj segn6 ge li leva per forza quel dixoto casay sean in la voluntay e bayria de lo [grande] comun e de lo consoro [de Caffa e de tuti li Zenoeyssi in lo Imperio de Gazaria] e seam franchi de lo Imperio [de Gazaria] (Desimoni, 1884, p. 163). Те восемнадцать селений, которые были подчинены и переданы Судак, когда Великая коммуна (Генуи) овладела Судак, и которые затем силой захватил Мамайбек, те восемнадцать селений будут находиться во власти и распоряжении Великой коммуны и консула Кафы и всех генуэзцев в империи Газарии и будут независимы от империи Газарии (т.е. Золотой Орды)¹.

Отдельные слова в итальянском тексте фрагмента ордыно-генуэзского соглашения, заключенные мною в квадратные скобки, не примыслены мною, а взяты из подобного рода словосочетаний, находящихся в начале текста того же соглашения.

Введем содержание переведенного фрагмента в хронологические рамки. В 1365 г. Генуя овладела Судак и приписала в подчинение Великой коммуне 18 селений Судакской долины. Прошло 10 лет, и в 1375 г. владыка Мамаевой орды вывел упомянутые 18 селений из под-

---

¹ Перевод данного фрагмента осуществлен при любезном содействии В.П.Григорьева.

чинения Генуе и представлявшему ее в Золотой Орде кафинскому консулу и взял под свою руку. Началось интенсивное сооружение крепостных стен вокруг резиденции Мама в Крыму, продолжавшееся до его смерти осенью 1380 г. Пришедший с востока Джучид из рода Тука-Тимура Токтамыш, овладевший Сараем еще в 1378 г., смог победить Мама лишь после того, как последний потерпел сокрушительное поражение 8 сентября 1380 г. от русских войск на Куликовом поле. Объединив под своей властью оба крыла Золотой Орды, Токтамыш, через своего представителя, главу Крымского тюмена, подписал 27 ноября 1380 г. в Крыму с уполномоченным дожа Генуи, кафинским консулом, договор, согласно одному из пунктов которого 18 селений Судакской долины возвращались под генуэзское управление. 24 февраля 1381 г. в связи со сменой главы Крымского тюмена вышеуказанное соглашение, по поручению Токтамыша, было продублировано. В цитированной мною публикации К.Десимони тексты обоих соглашений напечатаны в два параллельных столбца (Desimoni, 1884, p. 162–165).

Похоже на то, что местные ордынские чиновники не спешили выполнять условия интересующего нас пункта того и другого соглашений. Поэтому летом 1383 г., по предписанию очередного кафинского консула, оба подлинных текста соглашения, начертанные уйгурскими буквами по-тюркски, были извлечены из архива кафинской канцелярии и 28 июля того же года переведены на генуэзский диалект итальянского языка (Desimoni, 1884, p. 161, 162). Скорее всего, названные переводы были внимательно рассмотрены консулом Кафы и его советниками и отредактированы на предмет усиления доводов о необходимости скорейшего возвращения 18 судакских селений под генуэзское управление. Новое рассмотрение этого дела ордынской администрацией привело, наконец, к его подлинному разрешению в том же 1383 г. Судакский строительный камень и квалифицированные каменщики из злополучных 18 селений Судакской долины тотчас стали использоваться генуэзцами для ширококомасштабных работ по возведению внешнего оборонительного кольца вокруг цитадели Кафы (Бочаров, 1998, с. 82–166). В дошедшем до нас переводе на латынь ордыно-генуэзского соглашения от 1387 г. отсутствует всякое упоминание о проблеме 18 селений (Basso, 1991, p. 25, 26).

Баранов, 1989 – Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989.

Бочаров, 1998 – Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – вторая половина XV в. // Причерноморье в средние века. Вып. 3. – СПб., 1998.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. – Л., 1983.

Григорьев, 1990 – Григорьев А.П. Золотоордынский город Орда // Востокведение. Вып. 16. – Л., 1990.

Григорьев, 1994 – Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 1994. Сер.2. Вып. 2.

Григорьев, 1995 – Григорьев А.П. Прежние названия Чуфут-кале // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 1995. Сер. 2. Вып. 3.

Григорьев, 2003 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб., 2003.

Григорьевы, 2002 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб., 2002.

Крамаровский, 1989 – Крамаровский М.Г. Солхат – Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989.

Опочинская, 1986 – Опочинская А.И. Судакская крепость // Архитектурное наследство. Вып. 34. – М., 1986.

Рашид ад-Дин, 1952 – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. с перс. О.И.Смирновой. Т. 1. Кн. 2. – М.; Л., 1952.

Султанов, 1982 – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.: Вопросы этнической и социальной истории. – М., 1982.

Утемиш-хаджи, 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, текстологические примеч. В.П.Юдина. Подгот. к изд. Ю.Г.Барановой. Комм. и указ. М.Х.Абусейтовой. – Алма-Ата, 1992.

Balard, 1978 – Balard M. La Romanie Genoise (XIII – debut du XVe siecle). T. 1. Roma; Genova, 1978.

Basso, 1998 – Basso E. Il «bellum de Sorcati» ed i trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuesi. Nuova serie. Vol. 8 (1990). Genova, 1991.

Desimoni, 1884 – Desimoni C. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381, scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano. 4.^a Ser. T. 20. Firenze, 1884.

Evliya Celebi, 1928 – Evliya Celebi. Evliya Celebi seyahatnamesi. C. 7. Istanbul, 1928.

Skrzinska, 1928 – Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Vol. 56. Genova, 1928.

Ханы Мамаевой Орды*

В русских источниках, содержащих описание Куликовской битвы, имя главного противника Дмитрия Донского Мамаю нередко сопровождается титулом «царь». В самом популярном в древнерусской литературе произведении о Донской победе – Сказании о Мамаевом побоище, в различных его редакциях Мамай назван царем. В Основной редакции Сказания в грамоте, будто бы отправленной рязанским князем Олегом Мамаю, последний титулуется очень пышно: *«Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю – радоватися»*, *«нынѣ же, господине всесвѣтлый царю, приспѣ твое врѣмя»*, *«Меня же раба твоего, Олга Резанского, дрѣжава твоа пощадить, царю»* и т.п. (Сказания, 1982, с. 26). Можно думать, что в сочиненном для остроты сюжета послании Олега ордынскому предводителю автор Сказания умышленно прибег к высокой титулатуре Мамаю, чтобы таким образом оттенить раболепие рязанского князя перед Ордой и его враждебное отношение к Москве.

Однако и в другом, тоже придуманном автором Сказания, послании Олега Рязанского к Ольгерду Литовскому Мамай продолжал титуловаться царем: *«Нынѣ же, княже, приспѣ врѣмя наше, яко великий царь Мамай грядетъ на него и на землю его. Нынѣ же, княже, мы оба приложимся къ царю Мамаю, вѣм бо, яко царь даст тебѣ град Москву, да и иные грады...»* (Сказания, 1982, с. 26). Назван царем Мамай и в обращении к нему Ольгерда Литовского: *«Въсточному великому царю Мамаю!»* *«Господине царю вольный Мамаю! Да приидетъ дрѣжава твоего царства нынѣ до наших мѣст...»* (Сказания, 1982, с. 27). Впрочем, не только в различных грамотах, речах послов и военачальников, диалогах, которыми обмениваются между собой герои Сказания, Мамай титулуется царем. В многочисленных фрагментах авторского повествовательного текста Мамай – тоже царь: *«Слышавъ же то князь великий Дмитрей Ивановичъ, яко грядетъ на него безбожный царь Мамай...»* (Сказания, 1982, с. 28). Дмитрий Иванович шлет к Мамаю Захария Тютчева *«и посылаетъ с ним много злата к нечестивому царю Мамаю»* (Сказания, 1982, с. 29), *«Безбожный же царь Мамай, выѣхав на высоко мѣсто с трема князи, зряи челоуечьскаго кро-*

---

* Опубликовано: 90 лет Н.А.Баскакову. – М., 1996. – С. 115–123.

вопролитий» (Сказания, 1982, с. 43). Поскольку все приведенные случаи титулования Мамай царем в Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище есть в Летописной и распространенной редакциях памятника (Повести, 1959, с. 80, 81, 83, 84, 101; Сказания, 1982, с. 74, 75, 77, 78, 98), правда, иногда в перифразированном виде, очевидно, что такое определение Мамай восходит к авторскому тексту Сказания. А так как в Сказании царем назван и Батый (Повести, 1959, с. 79; Сказания, 1982, с. 25, 73)¹, ясно, что в глазах автора Сказания о Мамаевом побоище ордынский правитель XIV в. представляется ханом. Следует заметить, что автор памятника не был современником описываемых им событий, он работал в начале XVI в. (Кучкин, 1988, с. 190, 110), и его характеристика Мамай как хана могла быть неточна.

В большинстве списков более раннего произведения Куликовского цикла – Задонщины – Мамай также титулуется царем: «*царь Мамай пришел на Рускую землю*» (Слово, 1966, с. 535, 547, 550 (перифраз)), «*Мамай царь на реки на Мечи*» (Слово, 1966, с. 536, 551), «*И ты пришел на рускую землю, царь Мамай, со многими силами...*» (Слово, 1966, с. 540, 555). Однако в списке Историческом I Задонщины, а главное, в самом старшем списке памятника – Кирилло-Белозерском 80–90-х гг. XV в. – титул «царь» к имени Мамай не прилагается (Слово, 1966, с. 541–546, 548–550).

Если обратиться к самым ранним летописным описаниям Куликовской битвы, то в летописных памятниках Северо-Восточной Руси Мамай прямо назван князем: «*безбожный злочестивый ордынский князь Мамай поганый*» (ПСРЛ, 1913, с. 129; ПСРЛ, 1922, стб. 139), в дальнейшем рассказе он никогда не титулуется царем. В новгородском же летописании под 1380 г. дается прямое пояснение, кто такой был Мамай: «*Шкоему убо у них худу цесарююще, а все дѣющеу них князю Мамаю...*» (Новгородская, 1950, с. 376), т.е. Мамай был фактическим правителем Орды, ханом же было другое лицо. Об отсутствии у Мамай ханского титула говорят и более ранние свидетельства русских летописей, а также восточных, главным образом, арабских источников.

Согласно «Книге назидательных примеров» Ибн Халдуна, умершего в 1406 г., т.е. современника Мамай, последний был одним из старших монгольских эмиров. Он управлял всеми делами при хане Бердибеке (1357–1359 гг.), на дочери которого был женат (Сборник, 1884, с. 389). ВЛ.Егоров высказал мысль, что Мамай занимал при дво-

---

¹ В Распространенной и Летописной редакциях Сказания Батый назван «первым», т.е. первым царем, предшественником Мамай.

ре Бердибека самую высшую должность – беклербека, которому подчинялись верховный суд, армия, внешнеполитическое ведомство, самые крупные наместники в Орде (Егоров, 1980, с. 176, 185). Точка зрения В.Л.Егорова была принята в научной литературе (Сказания, 1982, с. 380). Однако арабские авторы нигде Мамай беклербеком не называют. Согласно ал-Муhibби, жившему в конце XIV в., послания египетского султана Мамаю заканчивались аламой «родитель его», в то время как подобные послания одному из четырех улусбеков завершались аламой «брат его» (Сборник, 1884, с. 350 (ср. с. 348)), что говорит о более высоком положении улусбека по сравнению с положением Мамаю. На это обстоятельство обратил внимание в своем примечании к сочинению ал-Муhibби секретарь каирского султана ал-Калкашанди, который отметил, что Мамай не мог быть старшим эмиром хана, потому что ему «писали с меньшим почетом, чем улусным эмирам» (Сборник, 1884, с. 350 (ср. с. 348)). В одной из арабских рукописей указывалось, что Мамай «был (сначала) обыкновенным эмиром, но (потом) усилился и сделался могущественным каном» (Сборник, 1884, с. 408, примеч. 1 (текст на с. 409)). Очевидно, Мамай был не беклербеком, а одним из знатных монгольских эмиров, благодаря личным качествам и родственным связям сумевшим возглавить одно из государств, на которые распалась Орда в 1361 г. Поскольку Мамай не был чингизидом, он не имел права занимать ханский стол. Кто же в таком случае был ханом в Мамаевой орде?

Историю Мамаю достаточно подробно излагает Ибн Халдун. По его словам, Мамай после смерти Бердибека в принадлежавшем ему Крыму возвел на ханский престол маленького сына хана Узбека Абдуллаха и вместе с ним двинулся на Сарай, которым и завладел. Вскоре его изгнал из Сарая правивший в астраханских пределах Хаджи-Черкес (Салчи-Черкес). Мамай ушел в Крым, но за ним остались земли «между Крымом и Сараем». В Крыму Мамай и пребывал, пока на него не напал Токтамыш, взявший перед этим Сарай. Мамай бежал от Токтамыша и вскоре погиб (Сборник, 1884, с. 389–391). Ибн Халдун ничего не сообщает о судьбе возведенного Мамаем на ханский престол Абдуллаха. Из его рассказа можно понять, что Абдуллах оставался с Мамаем вплоть до смерти последнего. Однако ал-Муhibби вспоминал, что в начале сентября 1374 г. ему было поручено написать письмо хану Мухаммеду, правившему в бывших владениях хана Узбека (Сборник, 1884, с. 343, 344). Далее ал-Муhibби отметил, что Мамай «при кане Мухаммеде, о котором было упомянуто выше», занимал весьма высокое положение (Сборник, 1884, с. 350). Хотя писавший

после ал-Муhibби ал-Калкашанди и сомневался в достоверности сообщения своего предшественника относительно хана Мухаммеда (Сборник, 1884, с. 406, 407), тем не менее, известие ал-Муhibби как непосредственного составителя султанского послания к ордынскому правителю нельзя заподозрить в недостоверности. Из приведенных свидетельств его и Ибн Халдуна следует, что у Мамай было по меньшей мере два хана: один Абдуллах, посаженный на ханский **стол** вскоре после смерти Бердибека (1359 г.), другой – Мухаммед, занимавший этот **стол** около 1374 г. Данные двух египетских историков получают подтверждение и уточнение в русских летописях.

Под 6869 годом в Рогожском летописце сообщается, что *Мамай князь Ор-дишский и осилѣл съ другую сторону Волги, царь бѣ у него именем Авдуля...*» (ПСРЛ, 1922, стб. 70). 6869 год летописи – мартовский². Следовательно, посажение Мамаем Абдуллаха имело место между 1 марта 1361 года и 28 февраля 1362 года. Хан Авдуля (Абдуллах) упоминается в летописи и далее. В 1363 г. от его имени московскому князю Дмитрию был привезен ярлык на великое княжение Владимирское (ПСРЛ, 1922, стб. 74). Далее под 6878 годом в Рогожском летописце помещено известие, согласно которому *«Мамай у себе в Ордѣ посадил царя другого Маматъ Солтанъ»* (ПСРЛ, 1922, стб. 92). Это первая запись указанной годовой статьи, датированной по мартовскому летоисчислению. Следовательно, смена Мамаем хана произошла около 1 марта 1370 года. Очевидно, что Мамат-салтан русского источника – это хан Мухаммед, которому в сентябре 1374 г. составлял послание ал-Муhibби.

Сделанные на основании письменных источников заключения конкретизируются нумизматическим материалом.

Известны монеты с надписью «Хан Абдулла» или «Султан-Абдуллах хан» (Савельев, 1858, с. 239, 244), чеканенные в 762 году хиджры в Сарай ал-Джедид (Федоров-Давыдов, 1960, с. 147, № 95), в 764 г.х. там же (Федоров-Давыдов, 1960, с. 136, № 35, с. 142, № 72) и в Азаке (Федоров-Давыдов, 1960, с. 149, № 101; Федоров-Давыдов, 1964, с. 211, № 580), в 765 г.х. в Азаке (Федоров-Давыдов, 1960, с. 142, № 72; Федоров-Давыдов, 1964, с. 149, № 448) и Янги Шехр (Федоров-Давыдов, 1960, с. 151, № 120, с. 156, № 138), в 766 г.х. в Азаке (Федоров-Давыдов, 1964, с. 203, № 203, № 474) и Шехр ал-Джедид (Федоров-Давыдов, 1960, с. 144, № 137) в 767 г.х.. в Орде (Федоров-Давыдов, 1960,

---

² Это определяется по изложению событий в смежных статьях Рогожского летописца, к сожалению, не имеющих полных дат.

с. 146, № 91; Федоров-Давыдов, 1964, с. 200, № 449), в 767 г.х.. в Сарае (Федоров-Давыдов, 1960, с. 156, № 138, с. 162, № 158а) и Азаке (Федоров-Давыдов, 1960, с. 144, № 77а), в 769 г.х.. в Азаке (Федоров-Давыдов, 1960, с. 144, № 77а) и Орде (Федоров-Давыдов, 1964, с. 204, № 495), в 770 г.х.. также в Азаке (Федоров-Давыдов, 1960, с. 161, № 155, с. 164, № 172; Федоров-Давыдов, 1964, с. 216, № 138) и Орде (Федоров-Давыдов, 1960, с. 144, № 77а, с. 151, № 120, с. 156, № 138, с. 161, № 155, с. 164, № 172; Федоров-Давыдов, 1964, с. 215, № 112а, с. 216, № 138), в 771 г.х.. в Орде (Федоров-Давыдов, 1960, с. 151, № 120). Начало чеканки монет Абдуллахом – 762 г.х., т.е. 11 ноября 1360 г. – 30 октября 1361 г. – в принципе совпадает с датой его посажения на ханский стол, указанной в Рогожском летописце: между 1 марта 1361 г. и 28 февраля 1362 г. Комбинируя свидетельства монет и письменного источника, можно заключить, что Абдуллах сел на ханский стол в марте – октябре 1361 г. А.П.Григорьев то уверенно, то предположительно временем возведения Абдуллаха на ханский престол считает август 1361 г., не приводя никаких доказательств в пользу того, что данное событие произошло именно в августе (Григорьев, 1983, с. 32, 37, ср. с. 54). Утверждение А.П.Григорьева вызывает сомнение и потому, что едва ли за 2–3 месяца пребывания в Сарае Абдуллах мог наладить там собственный чекан монет с датой 762 г.х. Достоверными являются широкие хронологические рамки провозглашения Абдуллаха ханом: март – октябрь 1361 г. Продержался Абдуллах на ханском троне, судя по чеканке монет с его именем, до 771 г.х., т.е. до времени между 5 августа 1369 г. – 25 июля 1370 г. Эта дата также совпадает с датой Рогожского летописца, по свидетельству которого Абдуллах оставил свой стол около 1 марта 1370 г.³

Многочисленны и монеты с именем хана Мухаммеда: «Султан правосудный Гаяс-Эддунья в-Эддин Мухаммед-хан» (Савельев, 1858, с. 252)⁴ или «Гаяс Эддин Мухаммед Булак хан» (Френ, 1832, с. 21). Они чеканились в 763 и 767 г.х.. в Сарае ал-Джедид (Федоров-Давыдов, 1964, с. 191, № 379), в 780 г.х.. в Орде (Федоров-Давыдов, 1960, с. 156, № 138), в 782 г.х.. в Хаджи-Тархане (Федоров-Давыдов, 1960, с. 155, № 137). Находки таких монет единичны. Несколько больше монет 770 г.х., чеканенных в Орде (Федоров-Давыдов, 1960, с. 151, № 120; Федоров-Давыдов, 1964, с. 211, № 580). Основная же масса монет

³ Это уточняет предложенную А.П.Григорьевым дату: не позднее июня 1370 г. (Григорьев, 1983, с. 38, 54).

⁴ Известны также монеты с подписью: «Султан правосудный Гаяс Эддин в-Эддунья Булек-хан» (Савельев, 1858, с. 255).

с именем Мухаммед-Булака чеканилась в Орде в 771–775 и 777 г.х. (Федоров-Давыдов, 1960, с. 146, № 91, с. 151, № 120, с. 155, № 138), причем в 774 г.х. выпускались монеты этого хана еще и в Маджаре ал-Джедид (Федоров-Давыдов, 1960, с. 146, № 91, с. 151, № 120, с. 155, № 137, с. 156, № 138; Федоров-Давыдов, 1964, с. 190, № 379, с. 198, № 445, с. 200, № 449, с. 203, № 479, с. 209, № 561, с. 217, № 186а), т.е. в городе Маджаре, самом крупном золотоордынском центре на Северном Кавказе (Егоров, 1985, с. 122). Начальная дата массового выпуска монет Мухаммед-Булака – 771 г.х., т.е. период с 5 августа 1369 г. по 25 июля 1370 г. – согласуется с уже приводившимся известием Рогожского летописца о возведении Мамаем около 1 марта 1370 г. на престол нового хана – Мамат-салтана. Конечная дата массовой чеканки монет Мухаммед-Булака может свидетельствовать о том, что после 777 г.х. (2 июня 1375 г. – 20 мая 1376 г.) Мухаммед-Булак уже не занимал ханского стола, хотя отсутствие массового выпуска монет с именем этого хана в 776 г.х. следует объяснять иными причинами. Дело в том, что летом 1374 г. московский князь Дмитрий Иванович разорвал отношения с Мамаем (ПСРЛ, 1922, стб. 106). Следствием этого был отказ от уплаты дани Орде (Кучкин, 1980, с. 96, 102, 103). Скорее всего, прекращение поступления русского серебра в Орду и объясняет отсутствие там массовой чеканки монет в период с 12 июня 1374 по 1 июня 1375 г.

Причина утраты Мухаммед-Булаком ханского стола выясняется из анализа сообщений русских летописных источников. Отметив под 1370 г. посажение Мамаем нового хана, Рогожский летописец почти сразу же сообщает, что летом того же года *«посол царевь именем Ачихожа»* вместе с полками нижегородских князей предпринял поход на болгарского князя Осана (Хасана) (ПСРЛ, 1922, стб. 92). Хасан без боя покорился Ачихоже и русским князьям, которые *«на княжении посадиша Салтанъ Бакова сына»* (ПСРЛ, 1922, стб. 92). Ачихожа служил Мамаю (ПСРЛ, 1922, стб. 110), следовательно, вся операция 1370 г. против болгарского князя Хасана была делом рук Мамаея. Посаженный в Булгаре ставленник Мамаея, судя по его имени, был или сыном Мухаммед-Булака (*«посадиша Салтанъ Б[ул]акова сына»*), или сам Мухаммед-Булак, если некий [А]бак был его отцом. Как бы там ни было, Булгар с 1370 г. стал частью владений Мамаея. Но когда в 1374 г. отношения русских князей с Мамаем резко обострились, угроза нападения на Русь Мамаевой орды не только с юга, но и с юго-востока, со средней Волги стала весьма реальной. Поэтому в начале 1377 г. московский великий князь послал свою рать под командованием Д.М.Боброка Волынского, к которой присоединились нижегородские князья, на

Булгар. 16 марта 1377 г. русские осадили город. Осада была успешной. *«И высла изъ города князь Болгарьскыи Осанъ и Махматъ Солтанъ и добиста челомъ князь великому и другому 2000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3000 рублевъ»* (ПСРЛ, 1922, стб. 116). Взяв контрибуцию и оставив в Булгаре свою администрацию, московские и нижегородские полки ушли домой. Показательно свидетельство русской летописи о лицах, правивших в Булгаре в начале 1377 г. Это уже знакомый нам по известию 1370 г. князь Хасан, а также «Махматъ Солтанъ», под которым следует разуместь хана Мухаммед-Булака. Описанные русским летописцем события 1377 года поясняют, почему Мухаммед-Булак лишился ханского трона. Очевидно, Мамай сместил его за капитуляцию перед враждебными ордынскому правителю Москвой и Нижним Новгородом. Произошло это не ранее второй половины марта 1377 г. Выпуск же монет Мухаммед-Булака прекратился почти за год до этого: до 21 мая 1376 г. Однако громадная сумма выкупа, полученная русскими с Хасана и Мухаммед-Булака (5000 рублей составляли пятилетнюю сумму дани, уплачивавшейся Орде с территории собственно Московского княжества), может свидетельствовать о том, что ставленникам Мамай пришлось отдать все серебро, в том числе и предназначавшееся для чеканки монет в 778 г.х. Если последнее соображение верно, тогда открывается возможность решить вопрос, до сих пор остававшийся без ответа: где находилась Орда, в которой чеканил свои монеты Мухаммед-Булак? (ср.: Федоров-Давыдов, 1960, с. 188; Григорьев, 1983, с. 35). Не располагалась ли она в Булгаре или в пределах прежней Волжской Булгарии?

Впрочем, как ни решать вопрос о локализации места чеканки монет в «Орде», свидетельство русской летописи, отчасти подкрепляемое нумизматическими данными, позволяет определить причину и время смещения Мамаем второго хана в своей орде: весна – лето 1377 г. Самому Мамаю оставалось жить три с половиной года. Возвел ли он на ханский стол нового хана-марионетку, или правил сам, уже не считаясь с древней традицией иметь во главе государства чингизида? В.Л.Егоров склонен думать, что после Мухаммед-Булака в орде Мамай хана-чингизида не было, ханом стал сам Мамай (Егоров, 1980, с. 207–209). Основанием такого мнения послужило для В.Л.Егорова то обстоятельство, что после 777 г.х. монеты в орде Мамай не выпускались. Причину этого В.Л.Егоров видит в том, что не было правителей, от имени которых могли бы чеканиться монеты (Егоров, 1980, с. 207). Но ведь нет монет и с именем Мамай. А это означает, что прекращение выпуска монет в орде Мамай в 1377–1380 гг. было связано не с

отсутствием в этом государстве верховного правителя, а скорее с отсутствием необходимого количества серебра, которое требовалось для выпуска монеты. Полагая, что у Мамаея после Мухаммед-Булака иных ханов не было, В.Л.Егоров, тем не менее, как объективный исследователь привел одно свидетельство Рогожского летописца, которое следует процитировать полностью: разбитые в 1378 г. на р. Воже ордынцы *«прибѣгоша въ Орду къ своему царю, паче же къ пославшему Мамаю, паче же царь ихъ, иже въ то врѣмя имѣяху оу себе, не владѣяше ничимъ же и не смѣаше ничто же сотворити предъ Мамаемъ, но всяко старейшинство сдрѣжаше и Мамаи и всѣми владѣаше въ Ордѣ»* (ПСРЛ, 1922, стб. 135; ср.: Егоров, 1985, с. 207). Достоверность этого известия В.Л.Егоров поставил под сомнение ввиду неизвестности монет с именем не названного в Рогожском летописце хана. Но поскольку прекращение монетного чекана в Орде Мамаея могло быть вызвано совсем иными причинами, приведенное свидетельство Рогожского летописца не может быть отвергнуто столь решительно. Каких-либо текстологических или исторических признаков, свидетельствующих о недостоверности сообщения летописца, не обнаруживается. Наоборот, четкое противопоставление фактического правителя Орды – Мамаея и номинального ее правителя – не названного по имени хана – показывает, что русский летописатель ясно представлял себе политическую ситуацию в Орде. Ситуация эта относится ко времени после поражения мамаева темника Бегича на р. Воже, т.е. после 12 августа 1378 г. (ПСРЛ, 1922, стб. 134, 135). Последнее означает, что после смещения Мухаммед-Булака Мамай возвел на ханский стол нового, по счету уже третьего, хана-марионетку. О существовании этого хана сообщает, как показано было в начале работы, и Новгородская первая летопись младшего извода, но уже не под 1378, а под 1380 г. (см. выше). Сообщение новгородского летописца, к сожалению, ускользнуло от внимания В.Л.Егорова.

Как же звали третьего хана Мамаевой орды? Имя его содержится в подтвердительном ярлыке, данном кандидату в митрополиты всея Руси Михаилу-Митяю. Ярлык этот начинается так: *«Бесмертного бога силою и величством из дед и прадед. Тюляково слово Мамаевоу дядиною мыслию...»* (Памятники, 1955, с. 465). Очевидно, что мамаева хана звали Тюляк. Михаил-Митяй получил ярлык в 1379 г. после 26 июля (ПСРЛ, 1922, стб. 128; Приселков, 1916, с. 67)⁵. Следовательно, по меньшей мере летом 1379 г. Тюляк ханствовал в орде Мамаея. Еще

---

⁵ Ярлык дан «овечия лѣта», которое приходилось на 1379 г.

одно упоминание Тюляка содержится в рассказе о Куликовской битве, читающемся в Софийской I и Новгородской IV летописях и восходящем к митрополичьему своду 1423 г.: «*Самъ же великий князь наѣха наперед в сторожевых полцѣх на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго дьявола Мамаа...*» (Сказания, 1982, с. 20). Анализируя эту фразу, В.Л.Егоров выразил мысль, что под царем Теляком здесь разумеется сам Мамай, а поскольку *Теляк* по-тюркски означает «заика, бормотун», фраза принимает саркастическую окраску: Дмитрий выехал биться с царем-заикой Мамаем (Егоров, 1980, с. 208, 209). Однако в рассматриваемом летописном рассказе Мамай нигде не титулуется царем. Он характеризуется как «*ордынський князь Мамай*», о нем сказано, что он «*разгордѣвся, мѣвъ себѣ аки царя*» (Сказания, 1982, с. 16), но он не царь. Царь же Теляк достаточно точно соответствует хану Тюляку⁶, от имени которого был выдан ярлык Михаилу-Митяю. Правда, нуждаются в комментарии слова «*нареченаго плотнаго дьявола Мамаа*», которые действительно позволяют ставить знак равенства между Теляком и Мамаем. В указанном месте рассказа Мамай ранее этой фразы не упоминается, поэтому ссылка на «нареченаго» (или «реченаго») «плотного дьявола» имеет в виду сказанное о Мамае в летописном повествовании значительно раньше. Очевидно, слова о Мамае представляют собой пояснение более позднего летописного редактора, не знавшего, кто такой хан Теляк, и принявшего его, исходя из общего содержания рассказа, за Мамаю. Но в том источнике, над которым работал редактор XV в., имя царя Теляка было названо совершенно точно. Эта деталь повествования о Куликовской битве в свode 1423 г. отразила реальность.

Таким образом, в годы существования Мамаевой орды ее номинально возглавляли три хана: со времени между 1 марта и 30 октября 1361 г. до времени около 1 марта 1370 г. хан Абдуллах, со времени

---

⁶ Имя *Tüläk* (в русской огласовке *Тюляк, Теляк*) известно тюркоязычным народам (см.: Саттаров, 1931, с. 187). Весьма неправдоподобную версию выдвинул А.П.Григорьев. Полагая, что Тюляк – одно и то же, что Бюляк, он посчитал, что в ярлыке 1379 г. и русском летописном известии 1380 г. речь идет все о том же хане Мухаммеде-Булаке (по чтению А.П.Григорьева – Мухаммеде-Бюлеке (см.: Григорьев, 1983, с. 41). Однако имена Тюляк и Бюляк, Бюлек – разные имена. К тому же А.П.Григорьев не объяснил, почему русские источники хана Мухаммеда называют то Мамат Салтаном, то Теляком. Никак не прокомментировал исследователь и известие 1377 г. о капитуляции Мамат Солтана перед русскими противниками Мамаю. Отсутствие в работе А.П.Григорьева разъяснений по указанным моментам не позволяет согласиться с его отождествлением хана Тюляка с ханом Мухаммед-Булаком.

около 1 марта 1370 г. до второй половины марта 1377 г. хан Мухаммед-Булак и со второй половины марта 1377 г. до падения Мамаевой орды осенью 1380 г. хан Тюляк.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. – Л., 1983.

Егоров, 1980 – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980.

Егоров, 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.

Кучкин, 1980 – Кучкин В.А. Русские земли и княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980.

Кучкин, 1988 – Кучкин В.А. О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. – М., 1988.

Новгородская, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Памятники, 1955 – Памятники русского права. Вып. 3. – М., 1955.

Повести, 1959 – Повести о Куликовской битве. – М., 1959.

Приселков, 1916 – Приселков М.Л. Ханские ярлыки русским митрополитам. – Пг., 1916.

ПСРЛ, 1913 – Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. – СПб., 1913.

ПСРЛ, 1922 – Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. I. – Пг., 1922.

Савельев, 1858 – Савельев П.С. Монеты джучидский, джагатайские, дже-лаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. 3. – СПб., 1858.

Саттаров, 1931 – Саттаров Г.Ф. Словарь татарских личных имен. – Казань. 1931 (на татар. языке).

Сборник, 1884 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб., 1884.

Сказания, 1982 – Сказания и повести о Куликовской битве. – Л., 1982.

Слово, 1966 – «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. – М.; Л., 1966.

Федоров-Давыдов, 1960 – Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. – М., 1960.

Федоров-Давыдов, 1964 – Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. – М., 1964.

Френ, 1832 – Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды. – СПб., 1832.

**Феномен Мамаева кургана.
Тюркские имена на карте Поволжья***

В период присоединения Нижнего Поволжья к России и начального пребывания этого края в составе Российского государства (XVI–XVII вв.) местные топонимы носили в основном тюркские названия. Объяснялось это многовековым заселением региона тюркоязычными народами – в частности, кипчаками и их историческими и этническими «наследниками»: татарами Золотой Орды, более поздних татарских ханств, а также ногаями. Последние образовали во второй половине XV в. мощное политическое объединение, Ногайскую Орду, в которое включались земли волжского левобережья от устья Камы (иногда Самары) до Астрахани. У власти в Ногайской Орде стоял тюрко-кипчакский клан мангытов. Мангытская знать (мирзы) во главе кочевых общин (улусов) ежегодно совершала сезонные перекочевки вдоль Волги с южных зимовий на северные летовья. Со временем ногаи стали осваивать пастбища и на правом берегу реки.

В степной зоне Евразии из-за редкой населенности, миграций и различных исторических коллизий формировалась довольно неустойчивая система географических названий. От средневековья до современности уцелели по большей части обозначения разве что крупных рек и хребтов. Более мелкие объекты (отдельные горы, урочища, речки, ручьи и т.д.) могли по несколько раз переименовываться (Конкашпаев, 1969, с. 308, 309); это продолжается и в наши дни. Лишь некоторым из них удалось удержать старые наименования.

Ногайская эпоха оставила след в виде имен мангытских аристократов, увековеченных в топонимике Поволжья. К таковым относятся Уракова гора (Ураков бугор, Ураков караул) на правом берегу Волги неподалеку от Камышина, речки Русская и Немецкая Ураковки, соединяющиеся у самой Волги и впадающие в нее у подножия Ураковой горы; Ураковский пережат между Казанью и Чебоксарами; Мамаевы городища и Мамаевы мары – древние могильники и руины, приписывавшиеся в XIX в. Мамаю; древний «канал Мамая», впадавший в Сахарное озеро близ Царева городища (развалин золотоордынской сто-

---

* Опубликовано: Историческая география России: новые подходы. Сборник статей посв. 70-летию В.М.Кабузана. – М., 2004. – С. 49–55.

лицы Сарай ал-Джедид) под Волгоградом (см. (Валиханов, 1904, с. 224; Валиханов, 1961, с. 121; Валиханов, 1968, с. 491, 492; Гарипова, 1980, с. 138, 139; Зайковский, 1914, с. 73–75; Минх, 1900, с. 550; Минх, 1901, с. 606, 1063, 1064)). Наконец, в тех же местах, в районе старой Переволокской переправы¹, находится известный всем Мамаев курган. В народных преданиях об этих местах порой фигурируют исторические деятели средневековья. В предлагаемых ниже заметках мы попробуем вкратце показать, какие сведения сохранились в фольклоре и в письменных источниках XVI в. относительно эпонимов указанных географических объектов.

Одна из легенд гласит, что Уракова гора была названа по некоему «татарскому князю», который погиб в этих местах в бою с казаками (Минх, 1901, с. 1063). По другой легенде, она получила имя в честь разбойника, предтечи Разина; у этого Урака Стенька якобы в молодости кашеварил (Волга, 1937, с. 12; Минх, 1901, с. 1063). Беллетрист В.Ян в романе «Батый» при описании нашествия монголов на Поволжье и на Русь в 1237 г. пересказал еще одну версию, по которой Урак – это древний (уже для XIII века) местный хан.

В известных мне источниках, отображающих средневековые события в этом крае, фигурирует несколько персонажей с таким именем. Самый заметный среди них – ногайский мирза Урак б. Алчагир (сын Алчагира), живший на волжских берегах в первой половине XVI в.

Мамаев, увековеченного в поволжских топонимах, обычно идентифицируют со знаменитым беклербеком (главным военачальником) Золотой Орды 1370-х годов. О том Мамае известно довольно мало. Приблизительно в конце 1350-х годов Мамай, бек из тюркского племени киятов, начал активно участвовать в политической жизни Золотой Орды. Под его непосредственным управлением находился Крымский вилайет (таврические и прилегающие к ним степи). На Волге же Мамай появлялся эпизодически, интригуя и воюя против сарайских ханов². В 1380 г. он был разгромлен сначала Дмитрием Донским на

---

¹ Переволока – место, где Волга более всего сближается с Доном. В 1589 г. там был основан г. Царицын (Волгоград).

² Тем не менее, однозначно считается, будто волгоградский Мамаев курган носит имя беклербека XIV в. В 2002 г. я присутствовал на экскурсии, где местный гид рассказывал о Сталинградской битве. Насчет кургана он сообщил слушателям, что Мамай имел ставку в этих местах в 1378 г. На мой вопрос, откуда почерпнута подобная информация, он ответил, что следует методической инструкции, разработанной для экскурсоводов. Однако топонимы с именем Мамаев на южной Украине в самом деле могут отражать па-

Куликовом поле, затем ханом Токтамышем на реке Калке и вскоре погиб (см. (Греков, Якубовский, 1998, с. 208 и сл.; Григорьев, 1983, с. 9–54; Егоров, 1980, с. 174–213; Сафаргалиев, 1996, с. 380 и сл.; Тизенгаузен, 1884, с. 389–391; Утемиш-хаджи, 1992, с. 108, 117, 118)). Возможно, с ним связаны названия в районе днепровских порогов: Мамаево урочище, местность Мамай-Гора и речка Мамай-Сурка (Ельников, 2004, с. 86; Сафаргалиев, 1996, с. 385).

Что же касается Поволжья, то думаю, что реальнее было бы усматривать эпонима тамошних названий в могущественном ногайском правителе этого края, мирзе Мамае б. Мусе, дяде Урака, кочевавшем в этих местах в 1520–1530-х годах.

Как в истории, так и в фольклоре Урак и Мамай оказались тесно связаны друг с другом.

В первый раз Мамай упомянут на страницах документов под 1509 г., когда посол привез от него в Москву грамоту к великому князю московскому Василию III (Посольские, 1995, с. 72). Урак же впервые появляется в крымско-русской дипломатической переписке, при описании событий лета и осени 1517 г., когда его отец, мирза Алчагир, потерпел поражение в борьбе со своим братом, Шейх-Мухаммедом, за власть в Ногайской Орде и прибыл, разгромленный, в Крымское ханство. Вместе с ним в Бахчисарай, столицу Крыма, явился и Урак (Сборник, 1895, с. 292, 297, 306).

Через несколько лет Мамай и Урак стали одними из наиболее заметных фигур в политической истории этой части Евразии. Они возглавляли победоносные ногайские походы, в результате которых были наголову разгромлены Крымское и Казахское ханства. Хан Крыма Мухаммед-Гирей I и его наследник-калга Бахадур-Гирей в 1523 г. были убиты Мамаем.

Во второй половине 1520 – начале 30-х годов Мамай фактически возглавлял Ногайскую Орду. Период 7031–7042 (1522/23–1532/33) гг. в русских посольских документах обозначен как время «при великом князе Василии Ивановиче, как был на Нагайской Орде во княжое место Мамай мурза» (Описи, 1960, с. 106). Очевидно, не все родичи и единоплеменники Мамае соглашались подчиняться ему. Не случайно в цитируемой описи царского архива сказано, что Мамай являлся не «князем», а лишь находился «во княжое место» – т.е. на месте верхов-

---

мать о киятском беке. Кроме того, в XIX в. украинцы называли каменные статуи на половецких курганах не «бабами», как обычно, а «мамаями» (Шенников, 1981, с. 11).

ного ногайского правителя-бия, не будучи таковым. Он не решился (или не сумел) организовать свое «вокняжение». Это был прежде всего военный лидер, полководец.

В конце жизни, в середине – второй половине 1530-х годов, Мамай кочевал по Волге, номинально подчиняясь бию Саид-Ахмеду, одному из своих более удачливых братьев. В раннегосударственной структуре Ногайской Орды того периода он, судя по всему, вынужден был довольствоваться пиететом «младших» мирз и третьим местом в иерархии мангытских аристократов. Мамай был окружен величайшим почетом, никто в Орде не осмеливался порицать его поступки или оспаривать его мнение. Автономия его проявлялась и в самостоятельных внешних сношениях³.

Мамаю посвящен целый дастан (сказание) в так называемом ногайском эпическом цикле о сорока богатырях, который распространен у многих тюркских народов. Дастан рассказывает, что после пресечения рода Чингисхана именно к этому мирзе перешло управление Поволжьем: Мамай, дескать, покорил волжские народы и Крым (Ананьев, 1900, с. 18; Ананьев, 1909, с. 13). Татарское шеджере тоже относит его к числу ногайских «ханов», утверждая при этом, будто он завоевал «множество русских крепостей и обложил налогом» (Ахметзянов, 1991, с. 84). По эпической версии, Мамай родился рано утром, когда загорелась заря и потому «он был человек светлого ума и добродетельный» (Ананьев, 1909, с. 13). Вообще о данном правителе у народа осталась довольно благожелательная память, хотя его и не идеализировали, не уравнивали с героями-богатырями. Эпический Мамай покровительствует слабым, правит разумно, враги при нем не решаются нападать на ногаев (Сикалиев, 1994, с. 71).

Покорив Поволжье, эпический Мамай якобы не удовлетворился этим и задумал завоевать Крым. Он пригласил к себе тамошнего государя Пельван-султана, которого при встрече убил Мамаев племянник Урак, вопреки воле хозяина. Крым был ногаями покорен, и Мамай возвратился с богатой добычей, оставив на полуострове своего наместника (Ананьев, 1900, с. 18, 19; Ананьев, 1909, с. 14). Как обычно, в фольклорном сюжете есть несоответствия историческим реалиям (к примеру, Пельван-султана не существовало вообще, но это имя может

---

³ Подробно о событиях первой половины XVI в. и об участии в них Мамае и Ураке см. (Трепавлов, 2001, указатель: Мамай б. Муса, Урак б. Алчагир).

быть переосмыслением личности и переводом имени Бахадур-Гирея – «Богатырь-салтана» русских источников⁴).

По «своему» одноименному дастану, Мамай дал ложную клятву крымскому хану, за что был поражен неизлечимым недугом и умер. Перед кончиной он будто бы сожалел, что ему не удалось преодолеть смуту и построить города, в которые съезжались бы купцы из разных стран. Осуществление этих задач он возложил на своего племянника Урака (Сикалиев, 1994, с. 71, 172).

Фольклорные сведения об Ураке тоже, как правило, красочны, но малодостоверны. Урак б. Алчагир, будучи еще ребенком, будто бы вызвал восхищение у своего дяди Мамаю. Тот выпросил его у Алчагира на воспитание и вырастил богатырем (Ананьев, 1909, с. 14)⁵. Татарское шеджере, как и ногайский эпос, утверждает, что «Айданле Урак» стал ханом после Мамаю (Ахметзянов, 1991, с. 84). В действительности же ни бием, ни тем более «ханом» Урак никогда не был.

В 1530-х годах районом кочевий «исторического» (а не эпического) Урака были волжские берега. Он сам писал в Москву, что его дяди Саид-Ахмед и Шейх-Мамай «придумали» ему «на Волге быти» (Посольские, 1995, с. 203). В середине 1550-х годов сын Урака Гази переселился из Ногайской Орды на Северный Кавказ и основал собственный улус, будущую Малую Ногайскую Орду. Впоследствии народная молва в преданиях связала это переселение с самим Ураком (см., например (Кужелева, 1964, с. 196)). Но какие-то связи у этого мирзы с кавказцами, возможно, действительно существовали. Дастан характеризует его следующим образом: «Выйдя из Урупа (притока Кубани. – В.Т.), с черкесами танцевавший, Перевалив через Урал, с башкирами кочевавший, Не ты ли это – Орак-богатырь?» (Сикалиев, 1994, с. 85).

Время и обстоятельства смерти Урака неизвестны. Дастан гласит, что он был убит по наущению своего дяди Исмаила б. Мусы в борьбе за власть (Ананьев, 1900, с. 24).

Таким образом, на берегах Волги в первой половине XVI в. заметно и активно действовали тюркские аристократы Мамай и Урак. Память о них сохранилась в народных героических и эпических сказаниях. Имена же их остались не только на страницах средневековых грамот и отписок, но и в географических названиях Нижнего Поволжья. Интересно, что уже в середине XVI в., после смерти Мамаю, его

---

⁴ Пельван – несомненно от перс. *пахлаван* (силач, богатырь).

⁵ Здесь описана обычная практика аталычества – взятия на воспитания мальчика из чужой семьи.

имя начало утверждаться в местной топонимике. В октябре 1552 г. русский гонец сообщил в Москву, что одному из мирз в этом году доведется «зимовати... на сеи (западной. – *В.Т.*) стороне Волги на Мамаеве кочевиище» (Росс. гос. архив древних актов, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 149 об.).

Ногайская история знает еще одно устойчивое сочетание имен Урака и Мамаю. В последней четверти XVI в. в степях центрального Предкавказья образовалась Малая Ногайская Орда. Со временем ведущими политическими группировками в ней стали кланы Ураковых и Мамаевых. Первые – это потомки основателя Орды, Гази (Казыя) б. Урака, вторые – потомки мирзы Мамаю б. Саид-Ахмеда, который доводился Ураку б. Алчагиру двоюродным братом, а Мамаю б. Мусе – племянником (подробно см. (Трепавлов, 2005)). Но этот Мамай из Малых Ногаев едва ли мог быть запечатлен в исторической памяти и поволжской топонимике, поскольку не отличился какими-то заметными деяниями, да и жил далеко от Волги.

Ананьев, 1900 – Ананьев Г. Караногайские исторические предания // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. – Тифлис, 1900.

Ананьев, 1909 – Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сб. сведений о Северном Кавказе. Т. 2. – Ставрополь, 1909.

Ахметзянов, 1991 – Ахметзянов М.И. Между Волгой и Уралом // Идел. 1991. № 10–11.

Валиханов, 1904 – Валиханов Ч.Ч. Соч. – СПб., 1904.

Валиханов, 1961 – Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 1. – А.-А., 1961.

Валиханов, 1968 – Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 4. – А.-А., 1968.

Волга, 1937 – Волга в песнях и сказаниях. – Саратов, 1937.

Гарипова, 1980 – Гарипова Ф.Г. Некоторые источники для раскрытия ногайского (кыпчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарии. – Казань, 1980.

Греков, Якубовский, 1998 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1998. – С. 208 и сл.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. – Л., 1983.

Егоров, 1980 – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980.

Ельников, 2004 – Ельников М.В. Грунтовой кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Поднепровья // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13).

Зайковский, 1914 – Зайковский Б.Я. Сахарное озеро (татарская легенда, записанная на развалинах Сарая) // Тр. Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 31. – Саратов, 1914.

Конкашпаев, 1969 – Конкашпаев Г.К. Малоустойчивость местных топонимов в Казахстане // Материалы XXII науч. конф. профессорско-преподавательского состава Казахского гос. пед. института им. Абая. – А.-А., 1969.

Кужелева, 1964 – Кужелева Л.Н. Ногайцы (из истории ногайцев XVIII – нач. XX веков) // Уч. зап. Института ист., яз. и литер. им. Г.Цадасы. Т. 13. Сер. историч. – Махачкала, 1964.

Минх, 1900 – Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 2. – Саратов, 1900.

Минх, 1901 – Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 3. – Саратов, 1901.

Описи, 1960 – Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. – М., 1960.

Посольские, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995.

Сафаргалиев, 1996 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М., 1996.

Сборник, 1895 – Сборник Русского исторического общества. Т. 95. – СПб., 1895.

Сикалиев, 1994 – Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. – СПб., 1884.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001.

Трепавлов, 2005 – Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004. – М., 2005.

Утемиш-хаджи – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – А.-А., 1992.

Шенников, 1981 – Шенников А.А. Княжество потомков Мамая (к проблеме «запустения» Юго-Восточной Руси в XIV–XV вв.). – Л., 1981. Деп. в ИНИОН РАН, № 7380.

**Предки «Мамая-царя». Киятские беки
в «Подлинном родослове Глинских князей»***

В 1508 г. князья Глинские – братья Михаил Львович по прозвищу Дородный, Иван Львович по прозвищу Мамай и Василий Львович по прозвищу Темный (или Слепой) – выехали из Великого княжества Литовского в Московское государство. Бежать ко двору Василия III их вынудил конфликт с польско-литовским монархом Сигизмундом I, против которого они организовали неудавшийся мятеж. В 1526 г. Елена Васильевна Глинская стала женой московского правителя и через четыре года родила ему престолонаследника, будущего царя Ивана Грозного.

Историками давно замечена эта неожиданная династическая комбинация: происходя по отцу от Дмитрия Донского, Иван IV по материнской линии оказался прямым потомком Мамай – противника своего пращура на Куликовом поле. Ведь было общепризнанно, что Глинские ведут свое начало от этого знаменитого персонажа золотоордынской истории XIV в. По генеалогическим преданиям, после «Донского побоища» Мамаев сын Мансур (Мансур-Кият) прибыл в Литву, где его младший сын Алекса положил основание аристократической фамилии, прозванной по городку Глинску.

История княжеского рода изложена в его родословной¹. Она сохранилась в двух редакциях, составленных независимо друг от друга. Первая включает в себя рассказ об ордынском периоде жизни предков, сообщает о выезде Алексы во владения великого князя литовского Витовта и кратко перечисляет Глинских до переезда их в Москву. Вторая начинается от Алексы и кончается переселением трех князей в 1508 г.

Первая редакция памятника изложена в родословных книгах второй половины XVI в. под заглавием «Подлинный родослов Глинских князей». М.Е.Бычкова предположила принадлежность его к одной общей письменной традиции с подобными же родословиями молдавских

---

* Опубликовано: Тюркологический сборник. 2006. – М., 2007. – С. 319–352.

¹ Характеристику памятника см.: (Бычкова, 1977, с. 104–125). М.Е.Бычкова любезно проконсультировала меня по обширному кругу вопросов, связанных с рукописными (архивными) и опубликованными вариантами этой родословной.

и литовских князей. Те так же выводят предков из глубокой древности, живописуют детали биографий далеких праотцов и дают краткую роспись их потомков. Сопоставимость просматривается и в том, что «Сказание о молдавских князьях» составлялось в связи с замужеством Елены Стефановны за Иваном Молодым, сыном Ивана III; можно предположить, что появление «Подлинного родослова» Глинских тоже было связано с женитьбой Василия III на Елене Глинской (чтобы «подтвердить ее происхождение от правящего дома Чингисидов» — пишет М.Е.Бычкова). А поскольку об этом браке в «Подлинном родослове» ничего не говорится, то его можно датировать первой половиной 1520-х гг. (Бычкова, 1977, с. 110, 111).

Полагаем, что нет нужды в доскональном археографическом анализе списков, редакций и изводов генеалогии Глинских. Мы ограничимся лишь краткой характеристикой данного источника, поскольку нас интересует не весь его текст, а лишь самое начало, где излагается предыстория клана в давние времена. Ведь цель данной статьи заключается не в выяснении достоверности княжеской генеалогии, а в определении объема и качества информации, которую содержит анализируемый памятник относительно истории Золотой Орды XIV в.

Два списка «Подлинного родослова Глинских князей» опубликованы (Временник, 1851, с. 195, 196; Родословная, 1913, с. 44, 45)². Единственная известная нам попытка исторической реконструкции приведенных в его начале сведений принадлежит А.А.Шенникову (Шенников, 1981), к работе которого мы будем ниже неоднократно обращаться. Следует заметить, что повествование о родоначальниках княжеской семьи изложено весьма косноязычно и местами сложно для понимания. Иногда складывается впечатление, будто перед нами — подстрочный перевод с другого языка, при этом не отредактированный, а сразу внесенный в беловую (окончательную) редакцию. Этническая принадлежность Мамаея позволяет догадываться, что предполагаемый «протограф» изначально был составлен (или продиктован) на языке тюрки.

Взяв за основу келейную книгу Филарета, мы приводим ниже начало текста «Подлинного родослова», указывая в скобках разночтения, обнаруживаемые в рукописи XVII в. (изданной в 1851 г.).

---

² По современной классификации указанные списки включаются в Патриаршую редакцию родословных книг — по принадлежности протографа патриарху Филарету Никитичу. Эта редакция возникла в годы царствования Ивана IV и затем переделывалась и дополнялась (Бычкова, 1975, с. 65).

«Князи же убо Кияты качевали (кочевали) на сеи стороне Волги да Книгиза царя (до Чинги царя, а) имянем подчтенно (почтенно) государство (государство) имели от иных стран писали к ним называючи их падышаг (падшим) еже есть государь и пришед Книгиз царь (Чинги царь) велику брань сотворил с Кияты и последи умираше и вдал Книгиз царь (Чинги царь) дочь свою Залохубь (Залохубь) за Бурлу (Бурлуда) и Кияты³ Тохтоспа (Тохкоспа) Чингизу царю (Чингиз царь) бездетну суцу и в приближение днеи (приблизися дни) его смерти преждереченным (прежереченным) же Киятом в тоже время не владуши и падшаго именем (имянем) и прииде царь Кутлуи (приде царь Кутлуз) ополчився и Тохтаго (и ополчився Тохтагсеву) орду взял и три царицы его взял за себя и тако свершив царей (и) царствовал на Болшой (Большой) Орде много лет и много детей породи и тако от Черкутлуева царства (Черклуева царство) роду Кияты родословятца (родословятся) и имянуются царьского (царскаго) роду даже и до Мамаея царя. (А у Мамаея царя) сын Меркисуат (Мансур-Кият) а у Меркисуата (Мансур-Кията князя) дети (дети два сына)... (далее излагается судьба потомков Мансура)⁴.

Попытаемся разобраться в некоторых реалиях и сюжетах, отраженных в этом, несомненно, путанном и отрывочном фрагменте.

* * *

«Князи же убо Кияты качевали (кочевали) на сеи стороне Волги да Книгиза царя (до Чинги царя, а) имянем подчтенно (почтенно) государство (государство) имели от иных стран писали к ним называючи их падышаг (падшим) еже есть государь...».

Эти самые первые фразы «Подлинного родослова» понять сложно: до Чингис-хана князья кияты кочевали на этой стороне Волги, имели уважаемое государство (если только «имя почтенное» не отнесено здесь к Чингису), и из других стран к ним писали, обращаясь *падишах*, т.е. «государь». У автора настоящей статьи создалось впечатление, будто самое начало анализируемого фрагмента отсутствует. Ведь в нем нет важнейшего элемента родословных – имени первопредка, родоначальника. Речь сразу ведется о безликой совокупности киятских князей.

---

³ Публикатор И.И.Мещанинов, исходя из своего понимания текста, добавил в скобках предлог: «и (с) Кияты».

⁴ В цитатах жирный шрифт и курсив мой.

Расселение киятов в дочингисовскую эпоху по известным источникам однозначно связано с территорией Монголии. Рашид ад-Дин в своем знаменитом труде «Джами ат-таварих» (начало XIV в.) поместил рассказы о происхождении (генеалогии) племени киятов и еще несколько раз упомянул об их судьбе в Монгольской империи. Собственно, таких рассказов два. По одной версии, кияты – это потомки Кияна, одного из двух (наряду с Нукузом) первопредков монгольских племен. «Кият – множественное число от киян; тех из этого рода, которые ближе к его началу, называли в древности кият» (Рашид-ад-дин, 1952а, с. 154). Таким образом, данный этникон служил обозначением части древнемонгольских родов. Причем, хронист оговаривает, что существовала «главная часть (племени), восходящая к Кияну» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 154).

Из рода Кияна происходили и предки Чингис-хана (ради изложения родословной последнего персидский историк, собственно, и предпринял свой экскурс в те легендарные времена). У потомка праматери Алан-Гоа в шестом колене, Кабул-хана, было шесть сыновей. «Так как они все были богатырями, великими и пользующимися уважением людьми и царевичами, то кият стало вновь их прозванием» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 155). Следовательно, древнее родоплеменное имя на какой-то период вышло из употребления и возродилось в качестве почетного прозвища⁵ (по Рашид ад-Дину, само слово *кият* означает бурный горный поток). Из киятов происходил и основатель Монгольской империи. Однако в источнике особо оговаривается, что «несмотря на то, что Чингиз-хан, его предки и братья принадлежат... к племени кият, однако прозванием детей Есугэй-бахадура, который был отцом Чингиз-хана, стало Кият-Бурджигин; они – и кияты, и бурджигины» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 155).

Различие между киятами в целом и кият-борджигинами как их привилегированной частью проявилось при строительстве империи. Более того, даже сонм Чингисовых сородичей, не принадлежавших к его семье, не получил каких-либо преимуществ. В государстве сфор-

---

⁵ Т.Д.Скрынникова справедливо указывает, что в данном случае реальная родственная связь Кабула с Кияном не была актуальной, т.к. реанимация понятия *кият* использовалась как «традиционный механизм легитимации» через нареkanie лидером подвластной ему группы авторитетным в прошлом именем (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 181, 182). Любопытные наблюдения над «династическим» статусом киятов и кият-борджигинов, их генеалогическим соотношением с прочими племенами в доимперской Монголии см. (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 165 и сл.).

мировался правящий «коницкий клан» с выделением главной линии борджигинов – династии Чингисидов (подробнее см.: (Трепавлов, 1993, с. 102–104)). Остальные кият-борджигины и тем более «просто» кияты оказались в одном ряду с прочими не-царственными монгольскими и тюркскими родами. Хотя в местническом порядке монгольских племен они стояли ближе всех к правящему «золотому роду», но в условиях имперской и улусной государственности XIII–XIV вв. теоретические преимущества от этой генеалогической близости были сведены на нет. Киятам отводилось место у подножия ханского престола, наравне с прочими подданными⁶.

Причисление в «Джами ат-таварих» сыновей Кабула к уважаемым людям и царевичам перекликается с данными «Подлинного родослова» о почтении к киятам «от иных стран» и титуловании их падишахами еще до воцарения Чингис-хана в 1206 г. В этом же ряду находится информация «Монгол-ун нигуча тобчиан» (Тайной истории монголов, приблизительно вторая четверть XIII в.) о каганском (*хаган*) титуле прадеда Чингис-хана, Хабула, и преемников последнего, двоюродного брата – Амбагая и сына – Хутулы (Козин, 1941, § 48, 50–53). Известно, что в этой части раннесредневековой Евразии данный титул обозначал высший монархический ранг (сопоставимый с персидским *падишах*). Обретение царского достоинства предводителем киятов отразилось и в китайских текстах. В 1147 г. монгольский правитель Аоло-боцзиле (Олунь-бэйле) отверг предложенный ему чжурчжэнями княжеский титул как недостаточно высокий и провозгласил себя *цзу-юань хуанди* (императором–основателем династии) с объявлением девиза правления – на китайский манер (Васильев, 1857, с. 90; Бичурин, 1950, с. 379). Аоло-боцзиле – это не имя, а титул, означающий в переводе с китайского «предводитель ставки, лагеря»; носителя этого титула ряд исследователей отождествляет с Хабулом (см. (Кычанов, 1997, с. 179, 180)).

Вторым (после Кияна) эпонимом киятов Рашид ад-Дин называет Мунгэду-Кияна – старшего сына Чингис-ханова деда Бартан-бахадур, т.е. дядю Чингис-хана. Сын Мунгэту-Кияна, Чаншиут, во времена

---

⁶ А вот другой тезис Т.Д.Скрынниковой – о том, будто «в процессе создания Чингис-ханом Монгольской империи принадлежавшие к роду кият получают преимущества» – не находит подтверждения в известных мне источниках; да и сама Татьяна Дмитриевна его фактически не аргументирует. Ведь не считать же аргументом приводимую ею констатацию Рашид ад-Дином пребывания киятов на правом крыле войска при Чингис-хане и в Джучиевом улусе при хане Тохте (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 185)! Никаких «преимуществ» я здесь не вижу.

Чингис-хана ведал «войском, племенами и подчиненными» отца. Затем руководство перешло к следующему поколению потомства Мунгэту-Кияна – к тысячникам Куки-нойону и Мугэту-бахадуру. После этого Рашид ад-Дин сообщает о расселении киятов в Золотой Орде: «Большинство этого племени находится в Дешт-и Кипчак у Токтая; эмиры их многочисленны и пользуются значением» (Рашид-ад-дин, 1952б, с. 46)⁷. Здесь персидское выражение *Дешт-и Кипчак* имеет не прямое значение «Кипчакская степь» (регион от Иртыша до Дуная), а в соответствии с персидской историографической традицией служит синонимом Улуса Джучи (см. (Арсланова, 1991, с. 43; Арсланова, 2002, с. 199, 200))⁸. Нам важна привязка киятов к золотоордынскому хану Тохте (правил в 1291–1312 гг.), поскольку ниже, как мы увидим, он фигурирует в «Подлинном родослове». Эта оговорка хрониста тем более важна, что в разделах, специально излагающих историю Джучидов, он не упоминает о киятах и о выдающемся значении их эмиров⁹.

Причем если Дешт-и Кипчак можно трактовать предельно широко, как громадную ордынскую державу, разделенную на два автономных крыла, то еще одно упоминание Тохты Рашид ад-Дином свидетельствует о концентрации киятов (по крайней мере значительной их части) именно в ханстве правого (западного) крыла, где тот царствовал: «Тысяча Куки-нойона и Мугеду-Кияна, сыновей Кияна. Племя кият, *которое в настоящее время находится у Токтая* и о котором говорят, что оно составляет один туман, и большинство других киятов суть из их потомства» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 270). В таком случае представляется вероятным, что главы (беки) киятского эля (племени) XIV в., о которых пойдет речь ниже, вели происхождение от этих тысячников–современников Чингис-хана и великих завоеваний – независимо от того, кем являлись возглавляемые ими соплеменники, кипчакизированными монголами или кипчаками, принявшими монгольский этникон.

---

⁷ Тут же хронист сообщает, что часть киятов служит каану (т.е. проживает в Монголии или Китае), и вообще: «Племена кият многочисленны. Однако это кияты особые...». Возможно, персидский автор сам не вполне разбирался в хитросплетениях межплеменных связей, т.к. в другом месте своего труда говорит определенно: «Все кияты происходят из потомков этого Мунгэду-Кияна» ((Рашид ад-Дин, 1952б, с. 49).

⁸ Сходное значение данное название имело и у арабских авторов XIII–XVI вв., хотя иногда они называли Дешт-и Кипчаком только степную часть Улуса, населенную в основном потомками кипчаков (см.: (Мустакимов, 2001, с. 267–271)).

⁹ В дальнейшем арабо-персидское обозначение кочевой аристократии *эмир* мы в своем тексте будем заменять тюркским синонимом *бек*.

Переселение киятов в Дешт не отражено в источниках, как и миграции прочих монгольских племен. Молчание источников по этому поводу породило в литературе убеждение в мизерной численности восточных мигрантов по сравнению с местными кипчаками, которые в конце концов ассимилировали пришельцев¹⁰. О судьбе киятов в северо-западном улусе Монгольской империи есть упоминание в сочинении хорезмийца Утемиш-хаджи «Тарих-и Дост-султан», или «Чингизнаме» (середина XVI в.): после завершения завоеваний «Саин-хан (Бату. – *В.Т.*)... роздал... всем своим родственникам роды и племена и назначил (им) земли и юрты». В том числе своему брату Шайбану (Шибану) он дал «десять тысяч кыйатов (и) йуралдаев и отправил (его), назначив в вилайеты Крыма (и) Каффы». Этот тумен Шибан получил в добавление к тридцати тысячам, племенной состав которых хронист не уточняет (Утемиш-хаджи, 1992, с. 94, 95)¹¹.

Судя по последовательности событий в изложении Утемиш-хаджи, данная инвестиция состоялась после первого Русского похода 1237–1238 гг. и до нашествия на Южную Русь и Центральную Европу 1240–1242 гг. Рашид ад-Дин датирует завоевание Крыма царевичами Шибаном, Бучеком и Бури 635 г.х. (24 августа 1237 – 13 августа 1238) (Рашид ад-Дин, 1960, с. 39). Крымская кампания находилась в одном ряду с тогдашними монгольскими рейдами против черкесов, мордвы и уцелевших половцев (см. (Каргалов, 1967, с. 112)).

Другой хронист, Абу-л-Гази, не сообщает о передаче Крыма в удел Шибану. В его повествовании первым, кто получил полуостров в управление, был Уран-Тимур, сын Туга-Тимура, и произошло это уже при хане Менгу-Тимуре (правил в 1266–1282 гг.) (Aboul-Ghazi, 1871, с. 173 (араб. паг.)) (см. также (Смирнов, 2005, с. 80)). Впрочем, известна изменчивость принадлежности улусов в первые десятилетия существования Золотой Орде (см. (Федоров-Давыдов, 1973, с. 52–55)), и смена царевича-наместника не влекла за собой исхода населения улуса. Т.е. кияты, если они пришли с Шибаном и поселились в Крыму,

---

¹⁰ Анализ проблемы см.: (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 217–224; Костюков, 2006).

¹¹ Абу-л-Гази свидетельствует, что после возвращения из европейского похода Бату выделил Шибану 15 тыс. семейств из племен кушчи, найман, карлык и буйрак (Aboul-Ghazi, 1871, с. 181 (араб. паг.)). Кияты, таким образом здесь не фигурируют, как и при описании Абу-л-Гази пожалований Бату другому брату, Туга-Тимуру. Не упоминаются они и у Махмуда б. Вали при перечислении племен, участвовавших в завоевательных кампаниях Бату (см.: (Ахмедов, 1965, с. 163)).

могли там оставаться и после того, как он оставил это владение, – вплоть до эпохи Тохта-хана, о чем мы узнали выше от Рашид ад-Дина.

Итак, становится понятным, что, во-первых, кияты жили в Джучиевом улусе и участвовали в формировании его улусной системы еще при Бату (умер в 1255 или 1256 г.); во-вторых, они уже тогда, в начале истории Золотой Орды, оказались связаны с Крымским вилайетом. Очевидно, часть этого эля переселилась туда, а другая часть осталась кочевать к востоку от Волги, на территории Казахстана, т.к. в событиях XIV в., связанных с предками Глинских, как мы увидим, будет задействована именно та, восточная группировка¹².

В таком случае выражение «Подлинного родослова» о кочевании «на сеи стороне Волги» вполне резонно может трактоваться как пребывание в таврических степях. В общем-то оно не обязательно должно обозначать западную сторону от реки, поскольку неизвестно, где составлялся «протограф», и на каком берегу находился в то время его автор. Однако если принять датировку М.Е.Бычковой, то получается, что «Подлинный родослов» составлен уже в Московском государстве и для чтения в русской среде. Тогда «сия сторона» – это, конечно, правобережье, на котором часть эля во главе с Мамаем проживала во второй половине XIV в. (см. ниже)¹³.

Незаметно, чтобы генеалогическое родство с царствующим домом как-то повлияло на статус киятского эля в Золотой Орде. Он ничем не выделялся в сонме других элей, и составители пространных списков *илатий* (кочевых элей Дешт-и Кипчака) XV–XVII вв. помещали киятов в ряду прочих 92 племен далеко не на первом месте¹⁴.

Таким образом, буквальное понимание первого предложения «Подлинного родослова» не находит подтверждения в источниках. Нет никаких, даже косвенных данных ни о проживании киятов к западу от Волги до монгольского нашествия, ни об их «почтенном государстве». Указанная территория в XII – начале XIII в. служила обиталищем кипчакским племенам, среди которых, судя по средневековым

---

¹² Забегая вперед, укажем, что В.П.Юдин также пришел к выводу о существовании двух подразделений киятского эля. Он опирался на свидетельство Утемиш-хаджи об уходе одного киятского предводителя, Мамая, в Крым, а другого, Тенгиз-Буги, на Сырдарью в 1360-х гг. (Юдин, 1992б, с. 62). Однако мы видим, что Крым был предоставлен этому племени еще во второй четверти XIII в.

¹³ А.А.Шенников объясняет выражение «на сеи стороне Волги» тем, что анонимный составитель первоначального текста находился в Сарая (Шенников, 1981, с. 10); но данный тезис никак не аргументируется.

¹⁴ Эти списки и их анализ см. (Султанов, 1982, с. 15 и сл.).

хроникам, кияты не числились. Волго-Донское междуречье и степи далее к западу были заняты половецко-куманскими племенными союзами бурджоглы (летописные бурчевичи), калабалы или кара бёркли (колобичи), йетиоба (етебичи), дурут (дурутоба?: терьтробичи), улашоглы (? : улашевичи), тогрулоба (? : тарголове), токсоба (токсобичи), урусоба (урусовичи) (ПСРЛ, 1962, с. 646, 671, 676). Накануне монгольского нашествия наиболее значительными среди них были, очевидно, дуруты, из которых, возможно, происходила династия хана Котьяна¹⁵. Именно их владение теоретически могло тогда претендовать на статус «почтенного государства», а правитель – на ранг падишаха. Но как бы там ни было, к киятам котьяновские кипчаки скорее всего не имели никакого отношения¹⁶.

Очевидно, следует видеть в начальных фразах «Подлинного родослова» воспоминание о высоком статусе киятских правителей, предков Чингис-хана, в Монголии. Других исторических эпизодов, которые могли бы служить обоснованием «падишахского» статуса древних предводителей этого эля, нам отыскать не удалось.

Кстати отметим, что в тексте проступает тонкое различие между ханским («царским») и бекским («княжеским») рангами, характерное для восточноевропейских наблюдателей, следивших за событиями в распадавшейся Золотой Орде и наследных ханствах. В первой же фразе предводители киятов титулуются князьями и, судя по контексту, не сопоставимы с Чингис-ханом – «Чингизом царем». Царское звание будто бы приходит к ним лишь во времена Кутлуя. Следовательно, ти-

---

¹⁵ О племенной принадлежности Котьяна упоминает ан-Нувайри (Тизенгаузен, 1884, с. 541).

¹⁶ Об этнонимах домонгольских кипчаков см. (Тизенгаузен, 1884, с. 540, 541; Ахинжанов, 1989, с. 261–263; Плетнева, 1990, с. 201–205 (Этногеографический указатель)). Шихабутдин Марджани цитирует хронику арабского автора Абу Абдаллаха ад-Димашки аз-Захаби (конец XIII–XIV в.), где перечисляются кипчацкие племена: беркева, туксаба, исиа, барт, аларс, барх улы, мангу улы, ямак. «Все они (т.е. названные восемь племен. – *В.Т.*) являются хорезмскими кипчаками, кроме них есть еще такие племена, как: тыйг, башкут, камангу, бизанга, банджа, кара буклу, аз, жыртын и другие более мелкие племена» (Марджани, 2005, с. 38–39). Как видим, кияты в этих перечислениях тоже не значатся. Более того, нет здесь и могущественных дурутов. Хотя можно узнать известных по другим текстам токсоба (туксаба), бурджоглы (барх улы), йемеков (ямак), кара бёркли (кара буклу), башкуртов (башкут), азов. Впрочем, в другом месте своего труда Марджани приводит рассказ Ибн Халдуна о вражде между кипчаками дурут (дэрт) и токсаба накануне монгольского нашествия (Марджани, 1989, с. 157; Марджани, 2005, с. 89).

тул *падишах*, якобы прилагавшийся некими иноземными монархами к киятским бекам, служил лишь лестным эпитетом, который не отражал их реального «царского» статуса.

При этом не должно удивлять присутствие в русском памятнике XVI в. отголосков генеалогических легенд, изложенных когда-то в официальной монгольской хронике Рашид ад-Дина. Его «Джами ат-таварих» уже при жизни автора служил на мусульманском Востоке источником исторических сведений для многочисленных сочинителей – и оставался таковым вплоть до XX в. К тому же известно, что с персоязычного труда Рашид ад-Дина вскоре после его завершения были сделаны тюркский и, возможно, монгольский переводы, что еще более расширило круг читателей (Султанов, 2005, с. 202, 207, 208, 220). Несомненна популярность «Сборника летописей» и на пространстве бывшей Золотой Орды в XV–XVII вв. (см. сочинения Абу-л-Гази, Кадыр Али-бека Джалаира и др.). Хоть немного искушенный в восточной историографии средневековый автор наверняка был знаком с сочинением Рашид ад-Дина или с одним из множества его переложений. Если версия «Подлинного родослова» о начальной истории киятов исходила из тюркской среды, то более чем вероятно влияние на нее (версию) «Джами ат-таварих» – самого популярного в мусульманских странах источников об истории монголов до XIII в.

* * *

«...И пришед Книгиз царь (Чинги царь) велику брань сотворил с Кияты и последи умираше и вдал Книгиз царь (Чинги царь) дочь свою Залохубь (Залохубь) за Бурлу (Бурлуда) и Кияты Тохтоспа (Тохкоспа) Чингизу царю (Чингиз царь) бездетну сушу и в приближение днеи (приблизися дни) его смерти преждереченным (прежереченным) же Киятом в тоже время не владущи и падшаго именем...».

При толковании этого фрагмента возникают трудности. Приблизительно картина выглядит так, что Чингис-хан, напав на киятов, вступил с ними в жестокую войну, и последние из них (очевидно, из их князей-«падишахов») умерли (погибли?). Чингисхан выдал свою дочь Залохуб на Бурлу, или Бурлуда – может быть, вместе с уцелевшими киятами (если «за Бурлу и с кияты»). Затем идет слово *тохтоспа*, которое кажется не связанным ни с предыдущим, ни с последующим текстом. Из дальнейшего повествования представляется, что это скорее всего личное имя одного из персонажей «Подлинного родослова», фигурирующего ниже, – «Тохтаго». Если же, следуя источнику, поп-

рбовать связать его со следующим за ним именем Чингис-хана, то получается, что «Тохтоспа-Чингис» был бездетен, и приблизились дни его смерти. Конец фрагмента понять проще: вышеупомянутые («преждереченные») кияты – т.е. опять же их князья – в то время не имели власти и (своего прежнего) звания падишаха.

Последовательность слов в «темной» фразе о выдаче дочери можно интерпретировать и по-иному: Чинги дал дочь некоему Бурлу, а киятов – Тохтоспе. Если видеть в последнем хана Тохту, то вспоминаются настойчивые привязки Рашид ад-Дином киятов именно к этому джучидскому правителю (см. выше). Тогда можно догадываться, что Бурлу~Бурлуд, названный рядом с Тохтой, имеет какое-то отношение к этому монарху.

В самом деле, у хана Тохты был старший (но не самый старший) брат по имени Бурлюк. Так его имя записано арабскими хронистами; у Рашид ад-Дина и в «Муиззе» он – Баркук. Источники сохранили мало сведений об этом царевиче. После смерти хана левого крыла Джучиева улуса, Кончи, в самом начале XIV в. ему наследовал его брат Куйлюк. Другой брат, Баян, считая себя обойденным, обратился за помощью к Тохте, и тот «помог ему через своего брата Бурлюка». В результате Куйлюку удалось свергнуть брата и овладеть престолом. Не устояв против другого претендента, своего племянника Куштая, Баян вторично воззвал к Тохте и опять получил поддержку – но на этот раз Бурлюк не упоминается (Тизенгаузен, 1884, с. 394, 513, 551).

История «казахстанской» части Улуса Джучи очень слабо освещена в источниках. Нет данных о какой-то выдающейся роли Бурлюка в заволжских степях во время этих, несомненно, дальних и тяжелых походов. Тем более ничего не знаем мы о его связях с киятами. Однако арабские хронисты почему-то отметили его кончину (в 1309–10 г.) – наверняка со слов ордынских послов, которые посчитали нужным посвятить своих египетских собеседников в это, как выясняется, не рядовое событие в жизни огромного, многолюдного дома Бату (см. (Тизенгаузен, 1884, с. 123 (Бейбарс), 162 (ан-Нувайри), 384 (Ибн Халдун), 513 (ал-Айни))). Что-то побудило их поделиться этой горестной новостью – может быть, близость покойного к хану Тохте? Известно, что с некоторыми своими братьями тот смертельно враждовал. А вот Бурлюк был верным соратником Тохты во время жестокого противостояния с беклербеком Ногаем в последние годы XIII в. После разгрома последнего в 1300 г. именно в ведение Бурлюка Тохта передал бывшие владения поверженного соперника (Тизенгаузен, 1884, с. 117, 384).

Если мы попытаемся идентифицировать Бурлу(да) как Бурлюка, то женитьба его на дочери Чингис-хана невероятна. В отличие от потомства многих десятков царевичей рубежа XIII–XIV вв., при перечислении которого неизбежны были пропуски и путаница, состав семьи основателя Монгольской империи был известен досконально.

Таблица
Дочери и зятья Чингиз-хана по восточным источникам.

Рашид эд-Дин «Джами ат-таварих»	«Монгол-ун нигуча тобчиан»	Лубсан Данзан «Алтан тобчи»	«Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»
Фуджин-беги муж – Буту-гур- гэн из племени икирасов			Фуджин-бикэ муж – Бегун Буту Куркан из племени ики- расов
Чичиган муж – Торэлчи-гургэн, сын государя ойратов	Чечейген муж – Инальчи, сын предводителя тумен-ойратов	Сэчэйгэн муж – Иналчи, сын предводителя тюмен-ойратов	Чичкан муж – Туралджи Куркан, сын государя ойратов
Тумалун муж – Гургэн-гургэн, сын государя кунгиратов			Тумалун муж – Куркан, сын го- сударя конги- ратов
Алталун (Алта- лукан) муж – Джаур-сэчэн из племени олку- нутов		Илгалтун-бэги муж – уйгурский идурут	Алталун (Алталун Каан) муж – Гадыр Сачана из племе- ни олкунутов
Ил-Алти муж – идикут уйгуров	Ал-Алтуна муж – уйгурский идуут	Ал-Алтан муж – Уран Чэнкюй из племени эн- гюдов	
	Хочжин-бэги	Ходжин-беки	

(см. (Березин, 1849, с. XLIV, XLV, 44, 45 (араб. паг.); Козин, 1941, § 165, 235, 238, 239; Рашид ад-Дин, 1952а, с. 70, 73; Лубсан Данзан, 1973, с. 138, 182–184, 186, 243)).

Правда, дочерям Чингис-хана, как обычно, практически не уделялось внимания, но они все равно известны, равно как и их мужья, и пары «Залохуб – Бурлу(д)» среди них, кажется, нет¹⁷.

Итак, что касается сообщения «Подлинного родослова» о женитьбе дочери Чингис-хана Залохуб на некоем Бурлуде, то с сожалением отметим, что в источниках по истории Монгольской империи и Золотой Орды нам не удалось обнаружить ни известий об этом событии, ни лиц, к которым можно было бы отнести эту информацию. Возможно, прав А.А.Шенников, утверждая, что фрагмент о женитьбе представляет собой инородное включение в генеалогическое повествование. Правда, данный автор предполагает, что целью этого включения было показать давнее родство предков Мамай с Чингисидами (Шенников, 1981, с. 12). Но из текста невозможно понять, каким образом матримонийный сюжет связан с Мамаем¹⁸.

Фраза «Тохтоспа (Тохкоспа) Чингису царю (Чингиз царь) бездетну сушу» говорит об отсутствии потомства то ли у Тохтоспы, то ли у Чингис-хана. Последнее исключается, т.к. только что «Подлинный родослов» сообщил о дочери и зяте Чингис-хана. Да и вообще невероятно, чтобы тезис о бездетности относился к родоначальнику царственного «золотого рода». В таком случае остается Тохтоспа.

---

¹⁷ Просто для того, чтобы проиллюстрировать этот очевидный вывод, перечислим царевен-«Чингисовн», сведя информацию из четырех хроник. Это официальные летописные своды – «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и анонимная «Монгол-ун нигуча тобчиан». Затем монгольское сочинение «Алтан тобчи» (Золотой свод) Лубсан Данзана (конец XVII в.), который опирался на «Тайную историю монголов», но добавлял сведения и из других текстов. Наконец, «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (Избранные истории книги побед, начало XVI в.), изданная И.Н.Березиным под названием «Шейбаниада». Автор его неизвестен, но иногда это произведение историки приписывают Мухаммеду Шейбани. Оно показательное как отражение информированности тюркоязычных интеллектуалов Средней Азии и Дешт-и Кипчака о давних событиях и правителях; к тому же предполагаемый автор «протографа» начальной части «Подлинного родослова» принадлежал именно к этой культурной среде. Последние два сочинения отразили историографические познания о династии Чингисидов соответственно на востоке и на западе бывшей Монгольской империи через несколько столетий после ее распада.

¹⁸ Просто в виде догадки, домысла рискну высказать мнение, что *залохубь-забурлу* может оказаться какой-то тюркской (?) фразой, оставленной по каким-то причинам без перевода. Мне приходилось сталкиваться с подобными случаями при изучении ногайско-русской дипломатической переписки XVI в.

Предположим, что «Тохтоспа Чингиз царь» – это один человек и попробуем отождествить его с ханом Тохтой. Почему же рядом с его именем поставлено имя его прапрапрадеда? Оказывается, этот случай не уникален. И.Вашари обратил внимание, что в латинском переводе Джанибекова ярлыка 1356 г., данного генуэзцам г. Таны (Азака, Азова), присутствует фраза *Nos magnificus imperator generalis Zanibech Cinis kan* (Мы, благородный великий император Джанибек Чингисхан). Венгерский исследователь указал в этой связи на именование ханом Токтамышем себя как Чингис-хана в татарском дастане «Идегей»: «Үзем Чынгыз тугелме?» (Разве я сам не Чингиз?) (Вашари, 2002, с. – на сей раз крымского Менгли-Гирея с Токтамышем – зафиксировано в конце XV в. В переведенном на русский язык пересказе мангытского бека Хаджике обращенные к нему слова хана звучали так: «И волной человек Менли-Гирей царь пожаловал – великой царь Тактымыш яз буду, а великим князем ты будешь...» (цит. по (Сыроечковский, 1940, с. 36)).

Если видеть в «Тохтоспе Чингизе царе» Тохту, то бездетность ему приписана, на первый взгляд, тоже незаслуженно: жены подарили хану по меньшей мере трех сыновей, сведения о которых отложились в хрониках: Ябарыша (Балуш), Ильбасара (Иксар, Эльбасар, Ильбасмыш, Ильбахадур), Тугел-Бугу (Тук-Буга) (Тизенгаузен, 1884, с. 117, 123, 384; Рашид-ад-дин, 1960, с. 73; Утемиш-хаджи, 1992, с. 102; Золотая Орда, 2003, с. 438, 283, 284). Однако царевич Ильбасар, который выглядит в источниках как потенциальный престолонаследник, умер еще при жизни отца (о судьбе других сыновей в хрониках ничего не говорится) (Тизенгаузен, 1884, с. 122, 162, 174, 206, 384; Утемиш-хаджи, 1992, с. 102)¹⁹, и свою смерть Тохта в самом деле встретил бездетным. Ибн Дукмак так и пишет: «Токта, скончавшись, не оставил по себе детей ни мужского, ни женского пола» (Тизенгаузен, 1884, с. 322).

Именно с этим роковым для ордынского престола обстоятельством связано первое появление киятов при дворе и в большой политике, их особое «значение» при «Токтае», по Рашид ад-Дину. Как рассказывает Утемиш-хаджи, старый и больной, оставшийся без наследников Тохта обрадовался, узнав, что его племянник Узбек стараниями

---

¹⁹ В двух хрониках сообщается об убийстве Ильбасмышы-Ильбасара Узбеком (Тизенгаузен, 1884, с. 100; Золотая Орда, 2003, с. 283). Проанализировав многочисленные сведения о воцарении Узбека, Е.П.Мыськов пришел к выводу, что такое убийство едва ли произошло в действительности; вероятно, здесь отразились позднейшие репрессии Узбека против Джучидов (Мыськов, 2003, с. 153–158).

главной ханши Баялун уцелел от истребления ближних родичей, устроенного некогда ханом, чтобы освободить путь к власти для Ильбасара. «...Созвал он беков, дал Кыйат Исатаю и Сиджут Алатаю сорок тысяч человек и отправил (их) за Узбек-ханом» в Черкесские горы (Утемиш-хаджи, 1992, с. 102–103). *Кыйат* и *Сиджут* являются обычными для средневековья прибавлениями к именам, определявшими элевую (племенную) принадлежность человека, который не происходил из «золотого рода». В данном случае это эли кият и сиджут (сиджигут).

По версии Утемиш-хаджи, Исатай и Алатай не только доставили юного царевича на родину, но и обезвредили дворцовый заговор против него, убив главного заговорщика, «черного человека» Баджира Ток-Бугу (Утемиш-хаджи, 1992, с. 102, 103).

Кадыр Али-бек Джалаир, написавший свой «Джами ат-таварих» в Касимове через полвека после Утемиш-хаджи, тоже знал об этих событиях и передал их, приведя похожие сведения: Тохта не оставил наследника; в то время Бачкир Ток-Буга был главным эмиром (*улуг умара*) и правил улусом; кият Исатай и чичут Алатай привезли из Ирана Узбека и сделали его ханом, прикончив Бачкира Ток-Бугу (Библиотека, 1854, с. 155 (араб. паг.)²⁰; Джами ат-таварих, л. 60а).

Рассказ о предсмертном распоряжении Тохты – единственное, что, на наш взгляд, позволяет как-то объяснить малопонятную фразу «Подлинного родослова»: «Тохтоспа (Тохкоспа) Чингизу царю (Чингиз царь) бездетну сушу и в приближение днеи (приблизися дни) его смерти...». Чингис-хан здесь оказывается ни при чем, а речь идет о хане Тохте, который, предчувствуя «приближение дней» своей кончины, дал распоряжение относительно Узбека. Но вот сведения об этом распоряжении – и, стало быть, о начале карьеры киятов при дворе – по каким-то причинам выпали из текста генеалогии Глинских.

Бек Исатай фигурирует в арабских источниках как Иса Коркуз, в персидских – как Иса-гурган²¹. Его карьера достигла пика при Узбеке. Но мы видели, что еще Тохта расценивал его как своего преданного

---

²⁰ В неполном списке, использованном И.Н.Березиным, содержатся только самые первые фразы повествования о Тохте и Ток-Буге: *Андын сонг Токтога олды онынг наслыдын хич ким балмады Бачкир Токбуга бики улуг умара бик болды.*

²¹ *Гурган* – титул ханского зятя. Впервые Исатай, Ису Коркуза и Ису-гургана отождествил В.П.Юдин (Юдин, 1992б, с. 61, 67). Позднее к такому же выводу пришел Д.Девиз (DeWeese, 1994, с. 133).

приближенного, поскольку доверил ему самое важное предприятие в деле передачи власти над ордынской державой.

Едва успев взойти на престол, Узбек учинил жестокую расправу над родственниками, которые приняли сторону Баджир Ток-Буги. В наказание за поддержку ими мятежника всех Джучидских принцев – «огланов Йочи-хана, родившихся от (других его) семнадцати сыновей» – он, если верить Утемиш-хаджи, отдал во владение Исатаю. Причем, хронист делает многозначительную оговорку о социальном статусе бека – Узбек в гневе изрекает: «...Я отдам вас в кошун *просто-людину!* (*кара кишигэ*)» (Утемиш-хаджи, 1982, с. 105, 132)²². Здесь стоит напомнить констатацию «Подлинного родослова» относительно положения киятов в Золотой Орде: «Киятом в тоже время не владущи и падшаго именем». Ниже мы еще вернемся к этой необычной ситуации с огланами-Джучидами, а пока посмотрим, что известно о карьере первого киятского бека, удостоенного высших придворных должностей.

Давняя кочевая традиция позволяла породнение с ханской семьей через брак с царевнами в виде особой милости или в знак благодарности за чрезвычайные заслуги; нередко такие браки заключались в политических целях. Исатай в полной мере воспользовался своими семейными узами. Гурганом он стал, женившись на Узбековой дочери Иткучук (ничего похожего на «Залохуб» из «Подлинного родослова!»). М.Иванич резонно считает, что этой чести бек удостоился за помощь в воцарении Узбека (Иванич, 2002, с. 283). И сам хан взял в свой гарем дочь Исатая, Урдуджу, сделав ее, как сообщает Ибн Баттута, своей «четвертой хатун» (Тизенгаузен, 1884, с. 295).

Насколько можно судить по арабским хроникам, при Тохте и Узбеке Исатай занимал очень высокие посты. В 1302/03 г. он возглавлял золотоордынское посольство к ильхану Газану (Золотая Орда, 2003, с. 266, 267)²³. В иерархии беков он, видимо, стоял лишь на одну ступень ниже беклербека Кутлуг-Тимура и являлся, следовательно, главным

---

²² *Кошун* – удел, держание; имел также значение личного ополчения бека, не включаемого в десятичную структуру войск (см. (Федоров-Давыдов, 1973, с. 113; Manz, 1989, с. 186)).

²³ Интересно, что при Газане пост беклербека занимал некий Нурин из племени киятов (Муизз, 2006, с. 93). Как и в Золотой Орде, беклербек (*амир ал умара*) в монгольском Иране являлся высшим должностным лицом после хана (см.: (Хатиби, 1985, с. 22, 23; Spuler, 1955, с. 400, 401)).

военачальником левого крыла²⁴. Именно с этими двумя сановниками Узбек обсуждал важнейшие вопросы (см. (Золотая Орда, 2003, с. 270, 272 (Вассаф))). Вассаф, рассказывая о событиях 1318/19 г., называет Кутлуг-Тимура и Исатая эмирами улуса (Золотая Орда, 2003, с. 270).

Наивысший взлет гургана-кията произошел в 1321/22 г., когда «Узбек отставил своего наместника Кутлуктемира и поставил на его место Ису Куркуза»; правда, через два года хан вернул верховному беку его пост (Тизенгаузен, 1884, с. 328 (Ибн Дукмак), 388 (Ибн Халдун)). Можно полагать, что впоследствии Исатай вновь удостоился высшего аристократического ранга, поскольку Ибн Баттута титулует «Исабека» старшим эмиром, начальником улуса и начальником эмиров (Тизенгаузен, 1884, с. 295) (последнее выражение передает точный смысл тюркского термина *беклербек*). Этот арабский путешественник, проезжая по Золотой Орде в 1333 г., застал Исатая тяжело больным. Из-за подагры тот не мог самостоятельно ходить и ездить верхом, отчего его возили на арбе (Тизенгаузен, 1884, с. 296).

* * *

«...И прииде царь Кутлуи (приде царь Кутлуз) ополчився и Тохтаго (и ополчився Тохтагсеу) орду взял и три царицы его взял за себя и тако свершив царей (и) царствовал на Болшой (Большой) Орде много лет и много детей породил...».

Судьбе Джучидов, отданных Узбеком в кошун Исатаю, посвятил небольшую статью В.П.Юдин. Этих несчастных царевичей киятский бек Тенгиз-Буга заставил строить мавзолей над могилой своего отца, им угрожала смерть, и только гибель самого мучителя принесла им спасение (Юдин, 1992а, с. 83–86). Действительно, Утемиш-хаджи рассказывает об этих событиях, но они произошли гораздо позже пожалования кошуна Исатаю. Собственно, передача в кошун сама по себе не означала каких-либо репрессий. Просто огланы-Джучиды теперь обязаны были подчиняться киятскому предводителю как своему начальнику и сюзерену. Нет никаких данных о притеснениях царственных особ со стороны Исатая. К притеснениям прибегли его потомки.

---

²⁴ Ибн Дукмак «...Кутлуктемир... при жизни Токты правил делами государства и устройством дел его» (Тизенгаузен, 1884, с. 323). Этот же автор, а также Ибн Халдун и ал-Айни приписывают Кутлуг-Тимуру, а не Исатаю и Алатаю, инициативу возведения на трон Узбека и успех в подавлении заговора (Тизенгаузен, 1884, с. 323, 385, 516).

Один из них – Джир-Кутлуг. О нем сообщает Кадыр Али-бек, повествуя о времени после смерти в 1357 г. преемника Узбека, хана Золотой Орды Джанибека: «В то время после Джанибек-хана всем улусом управлял (или: беком всего улуса был) Чир-Кутлу, сын кията Исатая. Урус-хан убил Чир-Кутлу» (Джами ат-таварих, л. 60а). Надо полагать, Джир-Кутлуг занимал должность верховного бека в улусе левого крыла, т.е. на территории Золотой Орды к востоку от Яика. При самом Джанибеке, т.е. в ханстве правого крыла, в 1340–50-х гг. беклербеками состояли другие лица – Кутлуг-Буга и Могул-Буга. Их племенная принадлежность мне неизвестна. При сыне и преемнике Джанибека, Бердибеке (правил в 1357–1359 гг.), на первое место при дворе выдвинулся ханский воспитатель (*аталык*) Тулубай из эля канглы.

Восточные хронисты ничего не говорят о том, как связан был дарованный Узбеком Исатаю кошун с Джир-Кутлугом. Кое в чем здесь может помочь «Подлинный родослов». Ведь *царь Кутлуй ~ царь Кутлуз ~ Черкутлуй ~ Черклуи* – это, несомненно, не опознанное русским переводчиком и неведомое ему имя Джир-Кутлуг. Точно так же остался не узнанным хан Тохта – в варианте тюрки *Токтога* (ср.: *Тохтаго* орду, *Тохтагсеву* орду). Значит, речь в цитируемом выше отрывке «Подлинного родослова» ведется о том, что Джир-Кутлуг с помощью войска забрал себе орду (ставку) Тохты и трех его ханш. Это вполне находится в русле карательных мероприятий Узбека, который устроил массовые репрессии против своей родни не только после подавления заговора Баджира Ток-Буги, но и после своей знаменитой религиозной реформы – обращения в ислам (1314 г.). Получается, что семья и двор покойного Тохты очутились вслед за Джучидскими принцами в полном распоряжении киятских беков.

А вот насчет того, действительно ли Джир-Кутлуг «царствовал над большой Ордой много лет», как утверждает родословная Глинских, нужно подумать. Характерно, что цитируемые нами тюркские хронисты как бы не замечают государей левого крыла – «казахстанской» части Джучиева улуса. Утемиш-хаджи после основателя восточного удела – Орду-эджена обращается к заяицким Джучидам только при описании смуты 1360–70-х гг., т.е. знаменитой «великой замятни» русских летописей²⁵. Кадыр Али-бек из общеджучидских государей называет только Саин-хана (Бату), Тохту, Узбека и Джанибека. Их

---

²⁵ Правда, перед рассказом о ханствовании Берке он помещает «Начало повествования о Шайбан-хане», но это явно сделано для искусственного возвышения его современников, узбекских ханов – потомков Шибана.

современников в левом крыле государства он тоже не считает нужным упоминать. И это несмотря на бурную, драматичную и, к сожалению, почти для нас не известную историю восточных Джучидов²⁶.

Как и когда умер Исатай, информации нет. Во всяком случае при Джанибеке (правил в 1342–1357 гг.) он уже не упоминается. Тогда вероятен переход отцовских владений и полномочий в тот период к Джир-Кутлугу. Владениями и полномочиями мы в данном случае можем считать в том числе предводительство над элем киятов и распоряжение судьбой Джучидов, отданных в кошун. Дальнейшая их участь, как мы увидим, связана с восточными степями. Похоже, что Исатай после пожалования остался вершить высокую политику в Сараях, а толпу царевичей и царевен, включая и овдовевший гарем Тохты, он вручил своим домочадцам во главе с Джир-Кутлугом. Тот явился на Волгу с многочисленной конной свитой (*ополчився* в «Подлинном родослове») и увел их куда-то за Яик.

Джир-Кутлуг сложил голову в сражении (?) с Урусом – будущим могущественным правителем Орды, сумевшим на некоторое время даже захватить Сарай (в 1375–1376 гг.). Урус начал борьбу за власть на рубеже 1350–60-х гг., когда почти одновременно умерли верховный хан всего Улуса Джучи и одновременно его правого крыла Бердибек (1359) и государь левого крыла Чимтай (1360/61). Эта борьба завершилась установлением к концу десятилетия единодержавия Уруса; в ее ходе были разгромлены им и интриганы-сепаратисты, в том числе киятские беки²⁷.

После гибели Джир-Кутлуга их возглавил его сын Тенгиз-Буга. Самостоятельное правление последнего Утемиш-хаджи датирует концом правления Бердибека. Правда, данный хронист называет Тенгиз-Бугу сыном Исатая и сообщает, что Джучиды-«невольники» достались первому после смерти последнего. Однако, во-первых, в других местах этого сочинения отцом Тенгиз-Буги дважды назван Джир-Кутлуг; во-вторых, В.П.Юдин справедливо указал, что в данном случае категории «отец» (*ата*) и «сын» (*огул*) имеют скорее характерные для тюркских языков широкие значения «предок» и «потомок» (Юдин, 1992а, с. 85).

Тенгиз-Буга характеризуется в источнике как бессердечный деспот. Он заставил царевичей из кошуна строить мавзолей над могилой

---

²⁶ Из немногих исследований, специально посвященных истории ханства левого крыла, см. (Allsen, 1987; Ускенбай, 2002; Ускенбай, 2003).

²⁷ О ханствовании Уруса см. (Ускенбай, 1999).

своего отца, Джир-Кутлуга, и вдобавок придумал унижительную процедуру: во время пиршеств, устраиваемых Тенгиз-Бугой, «невольники» в любую погоду садились у дверей его юрты, прислушиваясь; когда оттуда начинала звучать хвалебная песнь (*кюй*), это означало, что их притеснителю пришел черед пить из чаши – в тот момент они должны были обнажить голову. Происходило все это в зимовье бека на Сырдарье (Утемиш-хаджи, 1992, с. 109).

В обстановке начавшегося безвластия и хаоса в Золотой Орде перед киятами стояли две насущные задачи. Они попытались, во-первых, сохранить влияние своего эля при сарайском дворе, утвердившись при Исатае (используя многочисленных претендентов на трон из дома Джучи); во-вторых, заполучить власть, утвердившись в качестве беклербеков в Сыгнаке – столице ханства левого крыла. Для этого им предстояло найти огланов, согласных подчиняться киятам, и организовать их воцарение. В любом случае им предстояла жестокая борьба с джучидской аристократией и беками других элей. Первая задача начала успешно претворяться Мамаем: Бердибек выдал за него дочь (Тизенгаузен, 1884, с. 390), отчего киятский бек, как и его предок (дед?) Исатай, вошел в высшие придворные сферы. Более того, Ибн Халдун уверяет, будто Мамай «в его (Бердибека. – *В.Т.*) царствование управлял всеми делами» – явно в должности беклербека (Тизенгаузен, 1884, с. 390).

Здесь имеется некоторое несоответствие в датировках. Джучиды-«невольники» строили мавзолей Джир-Кутлуга по приказу Тенгиз-Буги и сам он увел племена на Сырдарью еще при Бердибеке. Тогда же Мамай обрел влияние в Сарае. Следовательно, убитый Урусом Джир-Кутлуг не пережил Бердибека. Тогда получается, что столкновение Джир-Кутлуга с Урусом произошло еще до начала открытой смуты и имело причиной какой-то неизвестный нам конфликт, возможно, и не связанный с борьбой за власть и влияние.

Тенгиз-Буга попробовал было использовать царевича Кара-Нога – одного из своих «невольников», потомка Джучи по линии Туга-Тимура – в качестве марионетки на троне. Однако тот в сотрудничестве с другими царевичами (и с беками других элей, как предполагает В.П.Юдин), зарезал интригана (Утемиш-хаджи, 1992 с. 111, 112; Юдин, 1992б, с. 72). Мамай, как известно, был более удачлив на этом поприще. На западе Золотой Орды он сумел поставить дело так, что безвластные, поставленные им ханы были во всем ему покорны.

Утемиш-хаджи приписывает киятским предводителям инициативу массовых миграций ордынских кочевников, причем датирует их пе-

риодом правления Бердибека: «В его время было много смут. Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, (а) левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы» (Утемиш-хаджи, 1992, с. 108). Однако мы видели, что у Мамая в период царствования этого хана не было причин уходить из волжской столицы Орды. Поэтому ближе к истине, наверное, Ибн Халдун, который пишет, что «Мамай выступил в Крым» лишь «после того, как Бердибек умер и (верховой) власти не стало» (Тизенгаузен, 1884, с. 390).

В нашу задачу не входит анализ деятельности Мамая в должности главного бека в 1360–70-х гг. Об этом существует обширная историография (см., например (Григорьев, 1983, с. 9 и сл.; Григорьев, 2004, гл. VI; Егоров, 1980, с. 174–213; Кучкин, 1996)). Заметим лишь, что Крым явно не случайно был избран Мамаем для поселения²⁸. В общем-то этот край находился в его ведении как бы по должности: беклербек командовал правым крылом в ханстве западных Джучидов, к которому (крылу) принадлежал и Крым²⁹. Но, кроме того, выше говорилось, что Крым еще с начала существования Золотой Орды служил юртом киятам³⁰ – той их части, что обосновалась в ханстве правого крыла. Думается, что этих своих соплеменников Мамай решил использовать в качестве опоры в борьбе за удержание власти на западе государства.

После разгрома Мамая Токтамышем в 1380 г. и его убийства в Кафе место киятского беклербека при золотоордынском дворе занимали представители кунгратов, ширинов и мангытов.

В тюркском фольклоре отложились сведения еще об одном персонаже, связанном с возвышением киятов. В анонимном сочинении «Дафтар-и Чингиз-наме (конец XVII в.) содержится «Глава, излагающая дастан об Амете, сыне Исы», кое в чем перекликающаяся с эпосеями по спасению Узбека в изложении Утемиш-хаджи. Исаоглы Амет, выполняя поручение хана Джанибека, вернул на родину его бежавших детей – царевича Бердибека и дочь. Волей обстоятельств Амет стал мужем этой принцессы, а после смерти Джанибека стал управлять половиной ханского улуса (*ханнынг йарты йуртын бийледи*). Сын же от этого брака

---

²⁸ Некоторым подробностям пребывания Мамая в Крыму посвящена недавняя работа А.П.Григорьева (Григорьев, 2003).

²⁹ Ибн Халдун: «Мамай при Бердибеке управлял всеми делами. К его владениям принадлежал город Крым» (Тизенгаузен, 1884, с. 390).

³⁰ По подсчетам В.А.Бушакова, из более чем трехсот названий крымских селений, в которых фигурировали родоплеменные названия, 26 содержали этникон *кият* (Бушаков, 1992).

оказался разлучен с родителями и вырос в разбойника с именем-прозвищем Салчи (Плотогон) (Ivanics, Usmanov, 2002, с. 82–87).

Дастан об Амете, сыне Исы, с изложением аналогичной истории сохранился также в татарском фольклоре (см. (Борынгы, 1963, с. 176–180)).

М.И.Ахметзянов, М.Иванич, М.А.Усманов сопоставляют отца героя, Ису (Айсу), с киятским беком Исой (Эхмэтжанов, 2002, с. 102; Иванич, 2002, с. 281, 283; Усманов, 1972, с. 115)³¹. Да и Салчи имеет прототипа в астраханском князе Салчее³², упоминаемом в русских летописях под 1375 г. Родство с Исой, бекское звание³³, место и время деятельности позволяет отнести Амета к знакомой нам группе (семье) киятских аристократов, сделавших карьеру при сарайском дворе в середине XIV в.³⁴

Участие киятов в политических событиях заметно во время и после распада Золотой Орды, а в конце ее истории они, похоже, снова доминировали в ханской ставке. Во всяком случае в 1501 г., накануне окончательного разгрома крымцами Большой Орды, ее последний хан Шейх-Ахмед писал польскому королю и великому князю литовскому Александру: «Кияты князя Мамаевы истинные дети... здесь, рядом со мной в моем царстве справа и слева уланы, князя, четыре корачи большие, у меня нет слуг больших и лучших, чем Кияты князя» (цит. по: (Шенников, 1981, с. 6–7)).

Через полстолетия после низвержения Мамаия предводитель киятов, потомок Исатая Бузанджар-бек, упоминается как один из актив-

---

³¹ М.И.Ахметзянов и Д.М.Исхаков соотносят этого Амата с легендарным ханом Амат-Хаматом (Амат-Саматом) башкирских и татарских шеджере, который был современником Тимура (Эхмэтжанов, 2002, с. 101, 102; Исхаков, 1999) (тексты см. (Эхмэтжанов, 2002, с. 84; Башкирские, 2002, с. 60)). Кроме того, Д.М.Исхаков путем сложных умозаключений, привлекая очень косвенные свидетельства, причисляет Амата-Хамата к элю кунгратов (Исхаков, 1999). Однако между двумя фольклорными персонажами, бием Аматом и ханом Амат-Хаматом, не заметно никакой связи, за исключением идентичности имен.

³² А.П.Григорьев отождествил его с Хаджи-Черкесом, одним из недолговечных правителей периода «замятни», что встретило обоснованные возражения И.В.Зайцева (Григорьев, 1983, с. 44, 45; Зайцев, 2004, с. 18, 19).

³³ Амет в «Дафтар-и Чингиз-наме» назван беком (бием): *Амет бийнинг бир кулы бар эрди* (Ivanics, Usmanov, 2002, с. 84).

³⁴ А если учесть еще факты женитьбы на царевне и управление половиной ханства, то можно предположить, что прообразом этого персонажа послужил Мамай. *Исаоглы*, как указывалось выше, имеет значение не только «сын Исы», но и «потомок Исы».

ных сторонников могущественного узбекского хана Абу-л-Хайра (правил на территории Казахстана в 1428–1468 гг.) (Таварих, 1967, рис. 262; Материалы, 1969, с. 16, 96, 97). Киятские беки были и в Ногайской Орде XV–XVI вв. (Посольская, 1984, с. 39 («Кият Азехметь князь»); Российский гос. архив древних актов, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 149 («Кизай князь кият»); д. 5, л. 78 («Семен мурза кият»)) (правда, там они всегда оставались на третьестепенных ролях, подчиняясь правящей мангытской знати). Но в целом к XVI в. этот эль окончательно утратил первенствующее положение. Его ответвление, закрепившееся в Крыму, в период ханствования Гиреев не пользовалось никакими статусными преимуществами. Лишь в конце XVI столетия киятский ички-бек Карачай (очевидно, глава эля в Крымском юрте) играл заметную роль в политике³⁵.

Слова «Подлинного родослова» о Джир-Кутлуге («царе Кутлуге») «так свершив цареи (и) царствовал на Большой Орде много лет» в некотором смысле отразили реальную ситуацию, когда многие царевичи-династы оказались в подчинении у Джир-Кутлуга и его отпрысков, а последние посягнули на управление государством: Мамай – успешно, Тенгиз-Буга – неудачно. «Много лет» «царствования» – это отражение двадцатилетнего существования «Мамаевой Орды» как одного из центров государственной власти периода «великой замятни».

* * *

«...И тако от Черкутлуева царства (Черклуева царство) роду Кияты родословятца (родословятся) и имянуются царьского (царского) роду даже и до Мамаея царя».

«Подлинный родослов» не приводит сведений о происхождении Мамаея, что еще раз свидетельствует о неполноте дошедшего до нас варианта генеалогии. Однако весь контекст разобранных событий, кажется, позволяет причислить этого бека к сыновьям Джир-Кутлуга – ко «многим детям», которых тот «породил». Сам жанр генеалогического предания диктует повествование о предках в нисходящей последовательности. Поскольку о Джир-Кутлуге говорилось раньше, чем о Мамае, то последний должен быть одним из его ближайших потомков. Мамай скорее всего принадлежал к одному поколению с Тенгиз-Бугой, и действовали оба они по одной схеме: концентрация под своим началом массы подданных, переселение и закрепление на новых землях, использование покорных креатур – подставных ханов.

---

³⁵ Консультация А.В.Виноградова.

Ферганский хронист XVI в. Ахсикенти в своем путанном, насыщенном легендами и слухами сочинении передает, что Мамай (которого он называет Шамаем) захватил Крым и Булгар, принадлежавшие Онг-хану (Собрание, 1960, с. 64, 67 (араб. паг.)). Онг-хан здесь задействован совершенно не к месту, это человек совсем из другой эпохи – глава кереитов, соперник Чингис-хана в начале XIII в. Но у Ахсикенти присутствует важный оттенок: Шамай-Мамай *захватил* Крым. т.е. являлся там пришельцем³⁶. Непосредственно из доступных нам текстов не вытекает, что он явился к Бердибеку откуда-то издалека. И все-таки краткие сведения Утемиш-хаджи о синхронном движении элей на огромном пространстве Золотой Орды под водительством Мамаю и Тенгиз-Буги позволяют видеть единый руководящий центр этой грандиозной интриги, который размещался где-то в степях к востоку от Яика и к северу от Сырдарьи. Там находилось семейное «гнездо» киятских беков – потомков Исатая, развернувших борьбу за власть в Золотой Орде.

Примечательно, что имя Мамаю в восточных источниках никогда не сопровождается титулом ханского зятя *гурган*. Это довольно странно – во-первых, потому что тюркская знать скрупулезно отслеживала подобные карьерные перемещения; во-вторых, родство по женской линии с правящим домом придавало хоть какую-то легитимность позднему всевластию Мамаю. Нет сведений об этом браке и в «Подлинном родослове». Но здесь мы хотя бы вправе делать поправку на отрывочность сохранившегося текста. Это с одной стороны.

Но с другой – налицо очевидная попытка составителей «Подлинного родослова» приписать предкам Глинских мифическое царское достоинство. Его якобы обрел Джир-Кутлуг, и впоследствии оно в его клане уже не прерывалось «до Мамаю царя». Расчет был сделан, возможно, на неосведомленность московской аристократии в нюансах истории Дешт-и Кипчака полуторавековой давности. При этом утверждение о собственных царских (ханских) прерогативах делало для Глинских излишней, да и сомнительной дополнительную легитимность в виде женитьбы Мамаю на ханской дочери³⁷.

---

³⁶ В другом месте своего сочинения Ахсикенти упоминает также могущественного и воинственного хана Сарай-Мамаю, которого описываемые в хронике события (приблизительно начала XV в.) застают на Яике (Собрание, 1960, с. 83–85 (араб. паг.)).

³⁷ Все эти рассуждения утратят смысл, если будет обнаружена более полная версия «Подлинного родослова», и окажется, что невнятный рассказ о браке

Придуманное составителями «Подлинного родослова» «царское» прошлое Глинских не принесло им каких-то особенных преимуществ перед русскими княжескими семьями. Влияние этих литовских выходцев в Кремле в 1520–40-х гг. основывалось вовсе не на знатности, а на породнении с домом Калиты через Василия III.

Русские современники «великой замятни» пристально следили за сменами власти у Джучидов, неоднократно подчеркивая несамостоятельность марионеточных ханов «Мамаевой Орды». Эти ханы-«пари» во всем зависели от «князя Мамая», для которого летописцы не жалели уничижительных эпитетов. Это особенно ярко контрастировало с отношением к Токтамышу, покончившему с всевластием киятского беклербека. Вот о Токтамыше в летописях отзываются с должным почтением в силу его высшего иерархического «царского» ранга – несмотря на его опустошительное нашествие на Москву 1382 г. (см. Горский, 2000, с. 89, 106; Почекаев, 2004, с. 28)).

Для полноты картины все же отметим, что Никоновская летопись некоторым образом связывает с Мамаем монархический статус: перед Куликовской битвой «и не к тому уже нарицашеся князь Мамай, но от всех сущих его нарицашеся великий царь Мамай» (ПСРЛ, 2000, с. 47). О том же говорится у В.Н.Татищева: «Тогда прииде весть на Москву к великому князю Дмитрею, яко князь Мамай Воложския орды не князь уже зовется, но великий сильный хан и стоит на Воронеже... и хочет на тя идти ратию» (Татищев, 1966, с. 141). В.Л.Егоров, опираясь на Никоновскую летопись, на слова Новгородской IV летописи о Мамае («разгордевся, мнев себя аки царя»), а также на отсутствие монет с именами ханов «Мамаевой Орды» после 1375 г., посчитал, что бек решился наконец «править от своего имени, не прикрываясь больше подставными ханами» (Егоров, 1980, с. 208).

Против идеи исполнения Мамаем роли хана высказался А.П.Григорьев, полемизируя с В.Л.Егоровым. Он указал, что на самом деле монеты с именем последней Мамаевой креатуры, Мухаммед-Булака («Бюлека», по А.П.Григорьеву), выпускались в тот период³⁸. Кроме того, в ряде источников отмечено участие этого хана в сражении 8 сентября 1380 г. (Григорьев, 1983, с. 46, 47).

Чингисовой дочери Залохуб с Бурлу – это на самом деле повествование как раз об удачной женитьбе Мамая.

³⁸ А.П.Григорьев приводит ссылки на публикации этих монет. Укажем еще на одну, относительно новую, – дирхем «султана верховного Булак-хана», который Г.А.Федоров-Давыдов датировал 782 г.х. (1380/81) (Федоров-Давыдов, 2003, с. 193; табл. XVI, № 228).

Думаю, нужно довериться летописцам и увидеть в их сообщениях отражение реальной ситуации: везде подчеркивается, что ханское звание было результатом лесты со стороны окружения Мамай или же его амбиций и самомнения. Ведь беклербек всего лишь считал себя («мнев») фигурой, равной хану, и это полностью соответствовало действительному положению дел в Орде. Но никакой коронации – гесп. поднятия на белой кошме – не произошло и не могло произойти³⁹. Непреодолимое препятствие закрывало Мамаю путь к трону: он оставался простолюдином, «черным человеком» (*кара киши*), как назвал его Утемиш-хаджи (Утемиш-хаджи, 1982, с. 117, 144). Поэтому, вопреки повествованию «Подлинного родослова», не было в Улусе Джучи никакого «Мамай-царя», равно как и мифического «царьского роду» киятов.

* * *

Произведенная выше частичная реконструкция событий, о которых рассказывается в начале «Подлинного родослова», не единственная в литературе. Приоритет, как говорилось в начале статьи, принадлежит А.А.Шенникову. Этот исследователь считает, что упоминания о «царе Кутлуе» и Тохкоспе не соответствуют известным именам или событиям в истории Золотой Орды до Мамай. Тохкоспу он идентифицировал с Тохтоа-беки – предводителем меркитов, разгромленным Чингис-ханом в 1204 г. и погибшим в 1208 г. Меркиты бежали в Кипчакскую степь, где были настигнуты на реке Ирғиз и еще раз разбиты отрядами Джучи в 1216 г.

На основе аналогии *Тохкоспа~Тохтоа* А.А.Шенников выстроил гипотезу: предком Мамай был монгол-кият, примкнувший к меркитам, или меркит, «каким-то путем присвоивший родословную одного из... киятов» (Шенников, 1981, с. 9). В пользу этого может будто бы свидетельствовать то, что монголы не знали имени *Мамай*; до беклербека Мамай оно не встречалось и у восточноевропейских тюрок; зато оно было известно тюркам саяно-алтайским. Именно рядом с Алтаем располагалось недолговечное владение меркитских беженцев, просуществовавшее до нападения конницы Джучи. Тогда «великая брань с кияты» «Подлинного родослова» – это битва на Ирғизе. Находит объяс-

---

³⁹ Собственно, В.Л.Егоров и не утверждал прямо, будто Мамай взшел на престол – хотя без этого, наверное, нельзя было «править от *своего* имени». В своем позднейшем исследовании об исторической географии Золотой Орды В.Л.Егоров прямо пишет, что Мамай во время Куликовской битвы был беклербеком (Егоров, 1985, с. 170). См. также статью В.А.Кучкина в настоящем сборнике.

нение и «Тохкоспа»: это-де сокращенное персидское написание имени Тохтоа с титулом *падишах*. При этом А.А.Шенников отказывает сведениям «Подлинного родослова» в достоверности, считая, что «с развитием феодальных отношений» не только действительный потомок какого-то князя-кяты, но и вообще кто угодно мог придумать эту генеалогию или присвоить чужое родословие, дабы облегчить себе карьеру на службе у Чингисидов (Шенников, 1981, с. 8–10).

Построения эти предельно умозрительны – как и наши попытки исторических реконструкций, предпринятые выше, во многом грешат приблизительностью. Но все же, не вдаваясь в детали, заметим, что в источниках нет ни единого намека на предполагаемую А.А.Шенниковым связь меркитов с киятами. Оба эти эля в золотоордынском Дешт-и Кипчаке составляли самостоятельные этносоциальные сообщества, занимали свои места в иерархии племен, и представляется совершенно невероятной ситуация, когда некий хитроумный интриган мог присвоить себе происхождение из чужого племени, да еще настолько убедить в этом высшую знать, чтобы та допустила его к государственным делам.

К вопросу о происхождении Мамай обращался и А.П.Григорьев при анализе ярлыков и иных золотоордынских документов. Он предположил, что Мамай тождествен Кичиг-Мухаммеду, который упомянут в перечне лиц, претендовавших на возмещение убытков от венецианцев в списке, составленном от имени ханши Тайдулы в 1358 г. Кичиг-Мухаммед же мог доводиться сыном Кутлуг-Буге – бывшему беклербеку хана Джанибека, а во время составления упомянутого перечня исполнявшему должность наместника Крымского тумена. На это предположение А.П.Григорьева навели, с одной стороны, суммы запрашиваемой для них компенсации, с другой – взаимное расположение имен Кутлуг-Буги и Кичиг-Мухаммеда при перечислении ордынских вельмож. Кроме того, одинаковое построение сложных имен беклербека Могул-Буги (он стоит на первом месте в списке Тайдулы) и Кутлуг-Буги приводит к догадке, что они были братьями; хлопоты главной ханши о возмещении ущерба в первую очередь для Могул-Буги, Кутлуг-Буги и Кичиг-Мухаммеда (да еще сына Могул-Буги, Тимур-ходжи) может свидетельствовать о родственной связи между всеми ними и о принадлежности Тайдулы к одному племени с протежируемыми ею сановниками (Григорьев, Григорьев, 2002, с. 205, 206, 208–214). В дальнейшем А.П.Григорьев уже уверенно оперирует эти-

ми допущениями как доказанными фактами для освещения событий в Восточной Европе 1360–70-х гг.⁴⁰

Здесь перед нами вновь цепь предположений, не подкрепляемыми прямыми свидетельствами источников. Что же, в таком положении оказываются все медиевисты, которые пробуют разобраться в деталях истории Джучиева улуса. Тем не менее, в отличие от построений А.А.Шенникова, гипотезы А.А.Григорьева имеют некоторые несомненно рациональные основания.

Во-первых, это резиденция Кутлуг-Буги в Крыму – будущем юрте будущего беклербека Мамай и одном из старинных юртов киятского эля. Должность Мамай в русских источниках *темник* (не упоминаемая в восточных текстах) означала главу тумена. В начале истории Золотой Орды термин *тумен* использовался в изначальном, военном смысле (десятитысячный корпус), как и во всей Монгольской империи. При таком толковании можно было бы видеть в Мамае предводителя киятов, насчитывающих 10 000 ополченцев. Напомним: по Рашид ад-Дину, кияты во время Тохты составляли один тумен, а по Утемиш-хаджи, 10 000 человек насчитывали поселившиеся в Крыму кияты и юралдаи, которых Бату дал в удел своему брату Шибану. Но во второй половине XIV–XV в. тумен, сохраняя прежнее значение, приобретает еще одно: крупное держание, определенное территориально, а не по числу подданных⁴¹. В таком случае Мамай являлся темником (*тюмен беги*) как правитель Крымского тумена, что, кстати, не противоречило его статусу бека, беклербека, гургана и т.д.

Во-вторых, это имя бека. *Мамай* – стяженное («упрощенное» тюрками) арабское имя *Мухаммед*. Так что в этом отношении нет препятствий для отождествления Кичиг-Мухаммеда с Мамаем.

В-третьих, это вереница похожих имен родственников, действительно характерная для средневекового тюркского ономастического. В данном случае в один ряд с Могул-Бугой и Кутлуг-Бугой⁴² может быть поставлен тот самый кият Тенгиз-Буга, что попытался было прибрать к рукам власть в левом крыле как раз в конце 1350-х гг., ког-

---

⁴⁰ В частности, относительно Мамай и его родственных связей см. (Григорьев, 2003, с. 23; Григорьев, 2004, с. 145 и сл.).

⁴¹ Об эволюции понятия *тумен* в Золотой Орде см. (Федоров-Давыдов, 1983, с. 122–124).

⁴² В другом своем исследовании А.П.Григорьев добавляет к этой семье (искусственно выращенной в «лаборатории» историка) младшего брата Могул-Буги, Урус-Бугу, и высказывает предположение, что их отцом был Севинч-Буга, вельможа эпохи Узбека (Григорьев, 2004, с. 123, 124, 145, 150).

да фигурируют два «Буги» списка Тайдулы. Тогда, если догадка А.П.Григорьева о схожести имен братьев истинна, то Тенгиз-Буга оказывается дядей Мама и братом Могул-Буги и Кутлуг-Буги.

Но отсюда вытекает какой-то конспирологический фантом: Золотая Орда попадает в сети всеохватного киятского лидерства в обоих крыльях. Конечно, наши источники по истории этой степной империи весьма лаконичны. Но все же факт такого разветвленного заговора сомнителен, так как у арабских, персидских и тюркских хронистов нет ни единого намека на него. Поэтому пока реконструкции, предпринятые А.П.Григорьевым, выглядят предельно гипотетичными.

* * *

История возвышения киятов – одного из многих десятков элей Дешт-и Кипчака открывает малоизвестную страницу истории Золотой Орды. В основном источники об этом государстве посвящены деяниям царственных особ, привязаны к городам и ханским ставкам. Вне поля зрения историков остается абсолютное большинство населения государства – кочевые общины кипчаков и кипчакизированных монголов⁴³. Содержание хроник не позволяет хотя бы в какой-то степени проследить события в жизни этой массы подданных сарайских и сыгнакских ханов. Коллизии кануна и разгара «великой замятни» показали, что в степных общинах существовала собственная элита. До поры до времени она была совершенно незаметна для посторонних (чужеземных) наблюдателей. Не принадлежавшие к «золотому роду» беки кипчакских элей смирно кочевали в отведенных им местах бескрайнего Дешта, платили подати царевичам, в улусы которых им довелось угодить в соответствии с ярлыком очередного монарха, послушно собирали соплеменников в ополчение, если хану вздумается воевать с Ираном или Литвой...

Но с начала XIV в. эта категория подданных становится с каждым десятилетием все более заметной. Здесь сказалось несколько факторов.

К тому времени в основном закончилась этническая консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской зна-

---

⁴³ Автор настоящей статьи считает основным и наиболее многочисленным населением Золотой Орды преимущественно кипчакские по происхождению племена, разверстаные по джучидским улусам и юртам. Однако в последнее время этот устоявшийся в историографии взгляд на этнический состав Джучиева улуса подвергается критике (см. (Костюков, 2006)).

ти, уступила место мирной и стабильной жизни в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные эли множились, делились и ветвились, и их беки обретали все больше подданных. А в кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Первые признаки этого проявились при хане Тохте, когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители элей выступили как самостоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью⁴⁴.

Несомненными стимулами выхода беков на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование самодостаточных замкнутых экономических провинций. Это явление давно отмечено историками, но обычно преподносится как основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов была способна способствовать не только отделению от Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Полагаю, что парадоксальным образом вхождению беков во власть помогла страшная эпидемия чумы, разразившаяся в Джучидской державе во время ханствования Джанибека⁴⁵. Она поразила прежде всего места массового скопления оседлого населения. В условиях ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место час-

---

⁴⁴ Утемиш-хаджи приписывает начало смуты 1360–1370-х годов интригам беклербека при хане Бердибеке, Тулубая из эля канглы, который якобы мстил всему роду Бату за казнь своего сына ханом Джанибеком (Утемиш-хаджи, 1982, с. 108). Здесь сказалась присущая средневековым авторам преувеличенная персонификация исторических процессов.

⁴⁵ Об этом бедствии, конечно, было известно исследователям, но вопрос о его роковом влиянии на последующую политическую, этническую, социальную и культурную историю Золотой Орды впервые поставлен в работах Ю.Шамильоглу (Shamiloglu, 1993; Shamiloglu, 1994).

тично заняли представители другого социального сегмента – аристократии кочевых степей.

Феномен возрастающего социального авторитета племенных предводителей развивался и позже. В течение XV в. он оформился в виде постоянного института четырех *карачи-беков* – лидеров ведущих элей, составлявших непреременный совещательный орган при правящем хане в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве⁴⁶ (впрочем, в последних двух юртах среди карачи-беков киятов не было). Апогей могущества беклербеков связан с деятельностью мангыта Эдиге, который распоряжался престолом Орды на протяжении двух десятилетий (1390–1410-е гг.) и настолько упрочил свое могущество, что традиция беклербекства мангытов сохранялась в некоторых «постордынских» государствах на протяжении XV–XVI вв. (см. (Трепавлов, 2001, гл. 3)).

Дополнительным подспорьем в получении доступа беков–нечингисидов к государственным делам были кризисы в доме Джучи, когда происходили массовые казни принцев крови. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз. Известные нам источники показывают, что в 1300–1370-х гг. ордынские монархи видели такую опору в киятах. Успешное вхождение киятских беков в ряды высшей правящей элиты Золотой Орды отразилось в «Подлинном родословие» их потомков – князей Глинских.

Арсланова, 1991 – Арсланова А.А. Особенности использования термина-топонима Дашт-и Кыпчак и его содержание в персоязычных источниках XIII–XVIII вв. // О подлинности и достоверности исторического источника. Отв. ред. М.А.Усманов. – Казань, 1991.

Арсланова, 2002 – Арсланова А.А. Остались книги от времен былых... – Казань, 2002.

Ахинжанов, 1989 – Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – А.-А., 1989.

Ахмедов, 1965 – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965.

Эхмэтжанов, 2002 – Эхмэтжанов М.И. Ногай Урдасы: татар халкынын тарихи мирасы. – Казан, 2002.

Башкирские, 1960 – Башкирские родословные. Вып. 1. Сост. Р.М.Булгакова и М.Х.Надергулова. – Уфа, 2002.

---

⁴⁶ Институт карачи-беков тоже монографически изучен Ю.Шамильоглу (Shamiloglu, 1984; Shamiloglu, 1986).

Березин 1849 – Березин И.Н. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. – Казань, 1849.

Библиотека, 1854 – Библиотека восточных историков, изд. И.Н.Березиным. Т. 2. Ч. 1. – Казань, 1854.

Бичурин, 1950 – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. – М., 1950.

Борынги, 1963 – Борынги татар эдэбияты. – Казань, 1963.

Бушаков, 1992 – Бушаков В.А. Тюркская этноонимия Крыма. Автореф. канд. дисс. Херсон, 1992. <http://turkolog.narod.ru/info/bsh-4.htm>.

Бычкова, 1975 – Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. – М., 1975.

Бычкова, 1977 – Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. Отдела рукописей (Гос. библиотеки СССР им. В.И.Ленина). Вып. 38. – М., 1977.

Васильев, 1857 – Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах // Тр. Вост. отделения Рус. археологического общества. – СПб., 1857. Вып. 4.

Вашари, 2002 – Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Отв. ред. М.А.Усманов. – Казань, 2002.

Временник, 1851 – Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 10. – М., 1851.

Горский, 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. – М., 2000.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. – Л., 1983.

Григорьев, 2003 – Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2003. Вып. 4 (№ 23).

Григорьев, 2004 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. – СПб., 2004.

Григорьев, Григорьев, 2002 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – СПб., 2002.

Джами ат-таварих – Джами ат-таварих (Отдел рукописей Научной библиотеки Казанского гос. университета. Ед. хр. 40).

Егоров, 1980 – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Отв. ред. Л.Г.Бескровный. – М., 1980.

Егоров, 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.

Зайцев, 2004 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2004.

Золотая Орда, 2003 – Золотая Орда в источниках. Т. 1. Сост., ввводн. ст. и коммент. Р.П.Храпачевского. – М., 2003.

Иванич, 2002 – Иванич М. Легитимация астраханского князя Салчи в Дафтар-и Чингиз-наме // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Ч. II. Отв. ред. М.А.Усманов. – Казань, 2002.

Исхаков, 1999 – Исхаков Д.М. Юго-восток Татарстана: проблемы изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/5> (интернет-вариант статьи 1999 г.).

Каргалов, 1967 – Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. – М., 1967.

Кляшторный, Султанов, 2004 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. – СПб., 2004.

Козин, 1941 – Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – М.; Л., 1941.

Костюков, 2006 – Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчацким ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. Редкол. Кляшторный С.Г. и др. – М., 2006.

Крадин, Скрынникова, 2006 – Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. – М., 2006.

Кучкин, 1996 – Кучкин В.А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н.А.Баскакову. Отв. ред. Э.Р.Тенишев. – М., 1996.

Лубсан Данзан 1973 – Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., комм. и прил. Н.П. Шастиной. – М., 1973.

Мэржани, 1989 – Шиһабетдин Мэржани. Мостэфадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар (Казан һәм Болгар хээлэре турында файдаланылган хэбэрлэр). Кыскартып тозелде. – Казан, 1989.

Марджани, 2005 – Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. Пер. Р.К.Адыгамова. – Казань, 2005.

Материалы, 1969 – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Отв. ред. Б.Сулейменов. – А.-А., 1969.

Муизз, 2006 – Муизз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии). Пер. с перс., пред., прим., подгот. факсимиле к изд. Ш.Х.Вохидова. – Алматы, 2006.

Мустакимов, 2001 – Мустакимов И.А. Об особенностях использования некоторых этногеографических и этнополитических наименований Джучиева улуса в арабских источниках XIII–XVI вв. // Великий Волжский путь. Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. – Казань, 2001.

Мыськов, 2003 – Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). – Волгоград, 2003.

Плетнева, 1990 – Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990.

Посольская, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. – М., 1984.

Почекаев, 2004 – Почекаев Р.Ю. Образ Мамаю в русском летописании как средство делегитимации ордынских ханов // Герои и антигерои в истори-

ческой судьбе России. Материалы 35-й всеросс. науч. конф. – СПб., 2004. <http://pr-page.narod.ru/007.htm>.

ПСРЛ, 1962 – Полное собрание русских летописей. Т. 2. – М., 1962.

ПСРЛ, 2000 – Полное собрание русских летописей. Т. 11. – М., 2000.

Рашид ад-Дин, 1952а – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова. – М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1952б – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. Пер. с перс. О.И.Смирновой. – М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1960 – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. Пер. с перс. Ю.П.Верховского. – М.; Л., 1960.

Родословная, 1913 – Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сборник имп. Санкт-Петербургского археологического института 1613–1913. Ред. Н.Покровский. – СПб., 1913.

Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1. – М., 2005.

Собрание, 1960 – «Собрание историй». Маджму ат-таварих. Фотографич. репродукция отрывков рукописн. текста, введ., указ. Подгот. к изд. А.Т.Тажирджанов. – Л., 1960.

Султанов, 1982 – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. – М., 1982.

Султанов, 2005 – Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. – СПб., 2005.

Сыроечковский, 1940 – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. – М., 1940.

Таварих, 1967 – Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Иссл., крит. текст., аннот. огл. А.М.Икрамова. – Ташкент, 1967.

Татищев, 1966 – Татищев В.Н. История Российская. Т. V. – М.; Л., 1966.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. – СПб., 1884.

Трепавлов, 1993 – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. – М., 1993.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001.

Ускенбай, 1999 – Ускенбай К.З. Некоторые моменты политической биографии Урус-хана // Отан тарихы = Отечественная история. 1999. № 3.

Ускенбай, 2002 – Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII–XIV веках. Из истории Ак-Орды // Вопросы истории Казахстана. Исследования молодых ученых. Вып. III. – Алматы, 2002.

Ускенбай, 2003 – Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды. Автореф. канд. дисс. – Алматы, 2003.

Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972.

Утемиш-хаджи, 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. – А.-А., 1992.

Федоров-Давыдов, 1973 – Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.

Федоров-Давыдов, 2003 – Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.

Хатиби, 1985 – Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. – Ашхабад, 1985.

Шенников, 1981 – Шенников А.А. Княжество потомков Мамая (к проблеме «запустения» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.). – Л., 1981 (депон. в ИНИОН РАН, № 7380).

Юдин, 1992а – Юдин В.П. О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. – А.-А., 1992.

Юдин, 1992б – Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. – А.-А., 1992.

Aboul-Ghazi, 1871 – Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tatares. Publ. par P.Desmaisons. T. 1. St.-Petersbourg, 1871.

Allsen, 1987 – Allsen Th.T. The Princes of the Left Hand: an Introduction to the History of the Ulus of Orda in the Thirteenth and the Early Fourteenth Centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. T. V. Wiesbaden, 1987.

DeWeese, 1994 – DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994.

Ivanics, Usmanov, 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Daftar-i Cingis-nama). (B.) I. Szeged, 2002.

Manz, 1989 – Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge e.a., 1989.

Shamiloglu, 1984 – Shamiloglu U. The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde. Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae medii aevi. Vol. 4. Wiesbaden, 1984.

Shamiloglu, 1986 – Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia university, 1986.

Shamiloglu, 1993 – Shamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. Vol. 12. № 4.

Shamiloglu, 1994 – Shamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Festschrift für Professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1994.

Spuler – Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Berlin, 1955.

Еще раз о предках «Мамая-царя»*

В «Тюркологическом сборнике. 2006» вышло исследование В.В.Трепавлова «Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей»» (Трепавлов, 2007). В дополнение к этой большой работе хотелось бы добавить некоторые наблюдения о Мамаяе и роли киятов в Улусе Джучи.

1. В хронике Утемиш-хаджи «Тарих-и Дост-султан» приводится информация о том, что Бату дал Шибану в дополнение к прежде выделенным ему 30 тыс. людей еще 10 тыс. «кыйатов и иуралдаев» (транскрипция и перевод В.П.Юдина; см. (Трепавлов, 2006, с. 325)). В оригинале читаем: *ун минг кыйат йуралдай-ны кошуп...* (Утемиш-хаджи, 1992, табл. X). Вероятно, речь идет о выделении Шибану десяти тысяч (тумена) киятов под предводительством Йуралдая. Учитывая схожесть написания арабских букв *йа* и *ба* в начальной позиции, имя этого темника можно прочесть и как Буралдай. М.Кафалы, использовавший другой список «Тарих-и Дост-султан», также пишет о находившемся при Шибане со своим войском нойоне Буралдае из племени кият (Kafali, 1976, s. 39). В сочинении «Умдет ал-ахбар»¹ крымского хрониста XVIII в. Абд ал-Гаффара Кырыми говорится, что перед походом на Крым Шибану «дали 30 тыс. отборного войска, присовокупили в качестве аталыка Буралтай-бека из... племени тараклы-кият» (Кырыми, 1343, с. 19). В похожем сюжете «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» предводителем одного из туменов, выделенных Шибану, назван *кый-ат Бурулдай бик* (Таварих, 1967, с. 115 факс).

В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина как близкий соратник Бату и Шибана, но без указания племенной принадлежности упомянут эмир Буралдай-Бурулдай (Тизенгаузен, 1941, с. 34, 35). Некий Буралдай (Бурулдай?), тоже без указания его эля, упоминается среди «беков, бывших в эпоху хана Джанибека» в одном из ранних списков анонимного татарского исторического сочинения конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме» (см. ниже). По русским летописям известен Бурундай

---

* Опубликовано: Тюркологический сборник. 2007–2008. – М., 2009. – С. 273–283.

¹ Издано в Стамбуле в 1343/1924–25 г. под заглавием «Умдет ат-теварих» (Келлнер-Хайнкеле, 2002, с. 378).

(Бурандай, Бурондай, Буранда, Брандай) – участник походов Бату в 1236–1241 гг., а затем – представитель ханской власти на юго-западе Руси (Татарский, 1999, с. 98; Русский).

Очевидное сходство имен, важная политическая роль и место действия (правое крыло Улуса Джучи) Буралдая-Бурулдая персидских и тюркских источников и Бурундая русских летописей, на наш взгляд, позволяют предположить, что речь идет об одном и том же человеке. Вероятно, под именем Бурлу-Бурлуд в «Подлинном родослове Глинских князей» имеется в виду именно этот Буралдай~Бурулдай~Бурундай. В таком случае имя выданной за «Бурлуда» дочери «Книгиза-царя» (Залохубъ) в «Подлинном родослове...» может являться искаженным именем дочери Джучи или дочери одного из его сыновей.

2. В одном из ранних (1732 г.) списков анонимного татарского исторического сочинения конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме», хранящемся в Научной библиотеке Казанского университета, содержится интересная информация о родоплеменной принадлежности некоторых золотоордынских беков. Впервые в историографии об этом списке сообщил Али Рахим, подробно описавший манускрипт, в составе которого находится названный источник (Рахим, 1927, с. 144–146). Этот же список использовали в своих исследованиях М.Г.Сафаргалиев, М.А.Усманов, И.Г.Галяутдинов (Сафаргалиев, 1996, с. 392; Усманов, 1972, с. 102 и сл.; Галяутдинов, 1981, с. 27, 28). Однако самостоятельного значения этой рукописи в науке пока не придавалось. Между тем, несмотря на свою неполноту, а местами и путаность, данный список «Дафтар-и Чингиз-наме» заслуживает пристального внимания исследователей, поскольку содержит отрывки ряда малоизвестных и неизвестных сказаний, относящихся к истории Улуса Джучи². Между прочим, отдельные сюжеты этого списка тесно перекликаются с некоторыми эпизодами таких источников шибанидского цикла, как «Тарих-и Дост-султан» («Чингиз-наме») Утемиш-хаджи и «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана.

Несомненный интерес, по нашему мнению, представляет фрагмент, перечисляющий «беков, бывших в эпоху хана Джанибека». Ниже приводим арабский текст, его транслитерацию и перевод:

---

² По-видимому, значимость этого списка «Дафтар» заслонялась, с одной стороны, находящимся в той же рукописи списком не менее ценного источника – «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека, а с другой – наличием более полных списков «Дафтар-и Чингиз-наме».

خان جانی بک نینک زمانداغی بک لارنینک اتلری بولاردور منکتای برالدای // اویشین¹
 عیسی اوغلی امت آلجن آلاو² آق منکغت تمربی انجلی کوتلی بوغه سجات علی بی قیات //
 استای اوغلی جر کوتلی آلاجه اوغلی بی ممای قیجاق شرین اورکتмур ارغن قراخواجه³
 بارین // سرای بی بورقیت الاتای بی ممان ازمات⁴ بی تاما اوزک چو جلایر بتر⁵ بی قیجاق //
 منکال اوغلی تمر بی قونکرات قرق سونکلی قرز⁶ بولات بهادورنیک اوغلی بک بی

¹ В ориг.: اویشین. На л.79a: .اویشین

² Над буквой ۱ стоит троеточие, как в букве ڙ.

³ В ориг.: قراخواجه

⁴ رزه ا.؟

⁵ ۱۰۹

⁶ قرز ؟

Хан Джанибекнинг заманындагы беклернинг атлары болардур Манг[ы]тай Буралдай (Бурулдай?)³ уйшын Иса углы Амет алджын Алав ак мангыт Т.м.р би э.н.дж.ли Кутлы Буга с.джут Али би кыйат Астай углы Дж.р Кутлы Аладжа углы би М[а]май кыбджак шырын Ур[у]к-Т[и]мүр аргын Кара Ходжа барын С[а]рай би буркыт Алатай би м[а]ман (н[а]йман?) Аз.мат (Р.з.мат?) би тама Уз.к Чу джалаир Б.т.р би кыбджак М.нгал углы Т.м.р би кунграт кырык сунгили К.р.з Булат бахадурнын углы Бек би (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 78а).

«Имена беков, бывших в эпоху хана Джанибека, таковы: Мангы-тай, Буралдай (Бурулдай?), сын уйшина Исы Амет, алчин Алав, ак мангыт Т[и]м[у]р бий, э.н.дж.ли Кутлы-Буга, сиджут Али-бий, сын кията Астай Джир-Кутлы, сын Алачи бий Мамай кипчак, ширин Урук-Тимур, аргын Кара-Ходжа, барын Сарай-бий, буркут Алатай-бий, м[а]ман (найман?) Аз.мат (Р.з.мат?)-бий, тама Уз.к-Чу, джалаир Б.т.р-бий, сын кипчака М[и]нгала Т[и]м[у]р-бий, сын кунграта – обладателя сорока копий (кырык сунгили) К.р.з Булат бахадура Бек-бий».

Как видно, упомянутые здесь персонажи жили и действовали не только при Джанибеке. Рассмотрим тех из них, кто имеет прямое отношение к нашей теме. Слово манг[ы]тай перед именем Бурал-

³ Наличие в слове برالدای буквы ۱ между ۱ و ۱ вроде бы указывает на необходимость чтения Б(у)ралдай. Однако над буквами ۱ و ۱ стоит дамма, обозначающая звук у, поэтому возможно и чтение Бурулдай.

дай~Бурулдай может быть понято и как антропоним, и как этноним. Мы склоняемся к его прочтению как личного имени.

Вопреки получившему определенное распространение в историографии мнению об идентичности Иса-бека~Иса-гургана арабских и персидских хроник и кията Астая тюркских источников⁴, Иса и Астай в рукописи представлены в качестве двух разных лиц: *кыйат Астай уйшыын Иса углы Амет*. Причем уйшином Иса назван и в другом месте рукописи, что исключает возможность описки: *Джанибек ханнынг кызын алып качка[н] уйшыын Иса углы Амет ирди* («Дочь Джанибек-хана похитил сын уйшина Исы Амет») (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 79а). О принадлежности отца Амета к племени уйшин, кажется, свидетельствует еще одна рукопись «Дафтар». В неполном списке этого сочинения, хранящемся в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН Татарстана, «Дастан о сыне Исы Амете» заканчивается словами: *Имди Салчы Джанибек ханнынг кызындын туган угыл ханларга джийан турур 'Иса углы Амет Казый турур Сафи углы Кинджа турур такы ушин турур...* («Итак, Салчи был рожден дочерью хана Джанибека, [он] является племянником ханов. Сыном Исы является Амет-Казый, сыном Сафи является Кинзя, [они] также являются у[й]шинами...») (цит. по: Эхмэтжанов, 2006, с. 21).

Далее в перечне беков упоминается четыре представителя племени кият: Астай, его сын Джир-Кутлы, Аладжа~Алача и его сын Мамай. М.Кафалы, ссылаясь на неопубликованный список «Тарих-и Дост-султан», именует отца Мамай Алачем. Алач, в свою очередь, назван братом Астая, т.е. Мамай, приходился Астаю племянником (Kafali, 1976, s. 86). Такие же сведения сообщает Абд ал-Гаффар Кырыми (Кырыми, 1343, с. 40, 45). Обращает на себя внимание, что в отличие от обычной комбинации при обозначении племенных беков~биев в тюркских источниках «название племени – имя (~ титул)» или «название племени – имя отца – имя сына (~ титул)», в цитируемом нами списке «Дафтар» титул (*би*) написан впереди имени сына (Мамай), а после имени стоит явно не относящийся к последующему словосочетанию этноним *кыбджак* (кипчак). Если это не ошибка пе-

---

⁴ Об этом см. (Трепавлов, 2006, с. 339). Необходимо отметить, что М.А.Усманов, отнесенный В.В.Трепавловым к лагерю сторонников отождествления кията Астай-Исатай и Исы, воздержался от именовании племенной принадлежности Исы, отметив лишь идентичность Иса-бека~Иса-гургана и Исы – отца персонажа «Дафтар-и Чингиз-наме» Амета (Усманов, 1972, с. 115). Одним из первых в отечественной науке Иса-бека~Иса-гургана с «киятотом Исатаем» отождествил В.П.Юдин (Юдин, 1992а, с. 49; Юдин, 1992б, с. 61, 67).

реписчика (что с учетом довольно небрежного составления рукописи вполне вероятно), может быть, это прозвище Мамаея или намек на его связь с племенем кипчак⁵?

3. С легкой руки первого публикатора «Тарих-и Дост-султан» В.П.Юдина в отечественной историографии получило распространение написание имени отца кията Джир-Кутлу Исатай (в транскрипции, предложенной В.П.Юдиным – Ысатай (Утемиш-хаджи, 1992, с. 130 и сл.)). М.А.Усманов, пользовавшийся списком сочинения Кадыр-Алибека из Научной библиотеки КГУ, читал это имя Истай (Усманов, 1972, с. 74, 75). Оба эти чтения представляются нам небесспорными.

В трех источниках («Таварих-и гузида – Нусрат-наме», ташкентский список «Тарих-и Дост-султан», вышеназванный список «Дафтар-и Чингиз-наме») это имя написано как استای и при этом не огласовано (Таварих, 1967, с. 266 факс; Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXII, XXXI; ОРРК, ед. хр. 40т, л. 78а). Лишь в ташкентском списке «Тарих», опубликованном В.П.Юдиным, в ряде случаев под буквой *син* стоит троточие.

В ранних арабографичных текстах три диакритические точки под сином выполняли функцию дополнительных указателей на чтение этой буквы именно как «с» (*син*), а не «ш» (*шин*). Таким образом, в случае с этим именем они не указывают на произношение, равно как и характер предыдущей и наличие и произношение последующей гласной (хотя иногда три точки под *син* в слове *Астай* можно принять за сочетание *йа* и *син* и транслитерировать как *Айстай*, т.е. с определенным допущением читать как Исатай).

В списке «Сборника летописей» Кадыр-Алибека это имя написано как استای (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 60а, 60б). Оба вышеуказанных буквосочетания, учитывая неарабское происхождение этого имени, более всего склоняют к чтению *Астай*. Именно так читал это имя М.Кафалы (имевший возможность пользоваться «тогановским» списком хроники Утемиш-хаджи) (Kafali, 1976, s. 24, 28, 37 и сл.).

В сочинении «Умдет ал-ахбар» крымского историка XVIII в. Абд ал-Гаффара Кырыми, использовавшего хронику Утемиш-хаджи и некоторые другие источники, опирающиеся на золотоордынскую историографическую традицию, написание имени Астай-Исатай чередуется: استای ~ استای, т.е. *Астай* (Кырыми, 1343, s. 32, 35, 41).

---

⁵ В этой же рукописи к кипчакам причислена и ханша Тайдула: *ас кызы Карасач, кыбчак кызы Тайдулы ханым* («дочь [племени] ас Карасач, дочь [племени] кыпчак Тайдулы ханым») (ОРРК НБЛ ЮГУ, ед. хр. 40т, л. 78а).

Наконец, в одном из списков сокращенной редакции «Таварих-и гузида», в историографии известной как «Шейбани-наме», опубликованном в 1849 г. И.Н.Березиным, имя отца Джир-Кутлу также дано как Астай *آستای* (Шейбаниада, 1849, с. 59 (араб. паг.)).

В.П.Юдин обосновывает свое чтение «устной историографией», не приводя ссылок на какие-либо источники, кроме использованных им «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека и «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи. Однако, как мы указали выше, написание имени рассматриваемого персонажа в этих источниках не дает оснований для однозначного чтения «Исатай». Возможно, В.П.Юдин ориентировался на казахское имя «Исетай» (один из известных персонажей казахской истории XIX в. – Исетай Тайманов) (Togan, 1981, s. 246, 312–312, 325 и др.). На В.П.Юдина могло повлиять чтение М.А.Усманова. Наконец, подтолкнуть исследователя к чтению «Исатай» могло его стремление согласовать разночтения источников, связанное с выдвинутым им предположением о тождестве Иса Коркуза и Иса-гургана арабских и персидских и «кията Астая» тюркоязычных источников.

Еще одним аргументом в пользу чтения «Астай» является этимология этого имени. На наш взгляд, оно относится к группе тюрко-монгольских антропонимов, образованных путем сложения этнонима (названия рода-племени) и форманта *-тай*. В Монгольской империи, в том числе в Улусе Джучи, такие имена и прозвища были весьма распространены. По словам Рашид ад-Дина, у татарских племен Центральной Азии «есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени (татар-тутукулуйт. – *И.М.*), если он будет мужчина, его называют – тутукулитай, если же он будет женского пола, то называется – тутукуличин. [Происходящие] из [племени] алчи-татар [называются] алчитай и алчин; из племени куин-татар – куитай и куичин...» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 103).

Это же явление было распространено и среди собственно монгольских племен. Так, согласно тому же автору, во главе выделенной Джучи во владение тысячи из племени хушин стоял эмир по имени Хушидай-Байку (в другом месте – Хуштай), во главе тысячи из племени кингит – Кингитай-Кутан-нойон (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 172; Рашид ад-Дин, 1952б, с. 274).

Приведенные примеры дают основание считать *-тай* аффиксом образования относительного прилагательного мужского рода наподобие арабо-персидского *йа-йи нисбат* или русского окончания *-ский*.

Итак, имя «Астай» можно толковать как «асский, происходящий из эля ас, связанный с элем ас». Косвенным подтверждением данной

этимологии может служить один сюжет из «Тарих-и Дост-султан». Согласно Утемиш-хаджи, находящийся на смертном одре хан Токтага (Токта), узнав от своей жены Келин-Баялын о том, что она укрывала в «Черкесском вилайете» его племянника, будущего хана Узбека, послал за ним «кията Астая и сиджута Алатая» с войском (Утемиш-хаджи, 1992, табл. XXI, XXII)⁶. Имя «Алатай» представляется нам образованным из компонентов *Ала* и *-тай*. Если учесть выпадение конечного *н* в этнонимах хушин, куин и др. при присоединении к ним форманта *-тай* (хуштай, куитай), то компонент *Ала* скорее всего является сокращением этнонима *алан*. Таким образом, по аналогии с вышеприведенными именами-прозвищами, буквальным значением имени «Алатай» является «аланский, связанный с элем алан».

Как известно, многими исследователями упоминаемые в средневековых источниках этнонимы *алан* и *ас* считаются синонимами. В этом контексте упоминание рядом Астая и Алатая в «Тарих-и Дост-султан» и других источниках представляется не случайным. Очевидно, «юрты» этих беков находились на Северном Кавказе⁷.

Что касается вопроса о возможности отождествления Иса Коркуза и Иса-гургана арабских и персидских источников с кем-либо из упомянутых в данной статье персонажей, то пока он должен остаться открытым. На наш взгляд, Иса-гурган – это либо «уйшин Иса», либо, как предполагают В.П.Юдин и Д.Девиз, действительно «кият Астай». Оба племени в XIII – начале XIV в. были одинаково могущественными. В последнем случае имя «Иса» может быть либо мусульманизированной

---

⁶ Абд ал-Гаффар Кырыми пишет, что Келин-Баялын, именуемая им между прочим «дочерью [одного из] чагатайских султанов», втайне от Токты отправила Узбека к некоему Инал-беку, обитавшему в местности Кабартай (قبارطی) в Черкесском вилайете (Кырыми, 1343, s. 32). Несколько иной вариант этой истории излагается в сочинении Кадыр-Али-бека. Согласно ему, Токта отправил за принцем Узбеком «кията Астая и чичута Алатая» в Иран {*Иран заминга*) (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 60а). Возможно, последний термин следует увязывать с самоназванием осетин *ирон*. Если данное предположение верно, то эту фразу «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека о нахождении Узбека «в Иране» следует понимать так, что Узбек укрывался в области обитания предков осетин (аланов/асов), составлявшей или входившей в «Черкесский вилайет».

⁷ Другим подтверждением связи эля сиджута с Северным Кавказом, возможно, является имя одного из эмиров Токты времени написания «Сборника летописей» (начало XIV в.), происходившего из сиджутов, – Черкес (если оно не было собственным именем или прозвищем того же Алатая) (Рашид ад-Дин, 19526, с. 274).

формой имени Астай (что маловероятно), либо мусульманским именем Астая.

4. В списке «Дафтар-и Чингиз-наме» 1732 г. хан Узбек именуется сыном Кията (*Кыйат углы Узбек*) (ОРРК, ед. хр. 40т, л. 776). Очевидно, это является отголоском чрезвычайно высокого ранга киятов при Тохте и Узбеке. О положении киятов при этих ханах свидетельствует следующий пример. В 1315 г. через Тебриз к ильханскому двору проезжал «великий посол» хана Узбека кият Ак-Буга. Местный правитель, джалаир Хусейн-гурган, устроил в честь него пир, на котором Ак-Буга учинил скандал, когда Хусейн-гурган хотел подать ему чашу без должного уважения: «Ты вассал и крепостной, каким же образом я приму чашу от тебя, сидящего, а во-вторых... гурган должен стоять, как слуга, перед уруком» (Тизенгаузен, 1941, с. 140). Похоже, в этом эпизоде Ак-Бука практически причислил себя к «золотому роду» (*алтан урук*) Чингисидов!

О высоком статусе киятов было известно и Тимуридам. В поэме «Махзан ал-асрар» хорезмийского (по происхождению) поэта Мир-Хайдара, написанной в начале XV в. и посвященной внуку Тимура Искандеру⁸, последний именуется «султаном четырех углов (мира) и семи улусов, ханом шести сторон (света) и обоих миров» и, между прочим, «киятом из племени барлас» (*барлас умаклык кыйат*) (Arat, 1987, s. 126–127). У нас нет сведений о том, что племя барлас являлось ответвлением племени кият. Не является ли здесь *кият* именем нарицательным, не указывает ли оно на определенный социальный статус (вроде *гургана*) или должность (вроде *нурадина*, *кековата* или *тайбуги* в Ногайской Орде)?

5. В «Маджму ат-таварих» Ахсикенти упоминается Шамай~Мамай (Трепавлов, 2006, с. 345). Отметим, что в опубликованной А.Т.Табриджановым рукописи при первом упоминании имя этого персонажа не сразу было написано как *Шамай*. Видится следующая последовательность действий писца: сначала было написано *Шah Май*, затем добавлена еще одна лигатура *ма* (получилось *Шah Мамай*), затем *h* и одна лигатура *ма* зачеркнута (получилось *Шамай*), затем над лигатурой *Ша* снова дописана *h* (опять *Шah Май*) (Собрание, 1960, с. 64 факс). Далее в тексте везде писалось *Шамай*.

Здесь будет уместно отметить, что между Феодосией и Старым Крымом находится большой могильный курган, который местные жи-

---

⁸ Тому самому, которому посвятил свой труд «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дин Натанзи.

тели называли Шах-Мамай. По мнению В.Д.Смирнова, это название связано с именем временщика Мамай (Смирнов, 2005, с. 134).

Примечательно, что в татарском дастане «Идегей» Тимур, политическая роль которого в Мавераннахре была тождественна роли Мамай в правом крыле Улуса Джучи, тоже титулуется шахом: *эмир Бырлас Шах Тимур* («эмир [из племени] бырлас Шах-Тимур») (Идегей, 1988, с. 12 и сл.).

Заслуживает внимания следующий эпизод из «Дастана об Аксак-Тимуре», входящего в «Дафтар-и Чингиз-наме»: «Взяв Булгар, Тимур казнил 124 великих (*улуг*) беков. Среди них было четыре старших бека, бывших благородными шах-заде (*или*: происходивших от шах-заде) (*асыл (асл-и?) шахзаделер ирди*)» (Ivanics, Usmanov, 2002, S. 73–74). Может быть, слово *шах-заде* прилагалось в качестве титула или неофициального почетного прозвища к именам беков, среди родителей или ближайших предков которых были принцессы-Чингисидки?

Не в этом ли ключе следует истолковывать одно выражение тарханного ярлыка казанского хана Ибрагима, выданного вдове (очевидно, какого-то бека) Гуль-Бустан-хатун и ее семейству (Muhamedyarov, Vasary, 1987, р. 184)? При перечислении ее сыновей Мухаммед-Али и (Мухаммед-) Азиз-хана (*sic*) они обозначены как «[принадлежащие к] шахскому роду, [происходящие из] рода Джанеке-султан»⁹. На то, что эта семья была рангом не выше бекской, как мне кажется, указывает тот факт, что этот ярлык является подтверждением пожалования этому семейству от некоего Хайдар-Али-султана (Усманов, 1979: 232)¹⁰. Вряд ли султан мог жаловать другого султана¹¹. В таком случае тер-

---

⁹ Ш.Ф.Мухамедьяровым и И.Вашари предложено следующее чтение этого фрагмента: *Кюль бустан хатун оглы Мухаммед Али Азиз хан, несеб-и Шах, несеб-и Джанеке-султан...* Слово *шах* публикаторами интерпретировано как личное имя, хотя допускается и вероятность того, что это титул (Muhamedyarov, Vasary, 1987, р. 184, 185). На наш взгляд, возможно и другое чтение данного отрывка: *Гюль бустан хатун оглы Мухаммед-Али, {Мухаммед-} Азиз, Хан-несеб, Шах-несеб, Джанеке-султан...* (сын[овья] Гюль-бустан хатун Мухаммед-Али, [Мухаммед-]Азиз, [а также дочери (?)] Хан-несеб, Шах-несеб, Джанеке-султан...).

¹⁰ По мнению Ш.Ф.Мухамедьярова и И.Вашари, Хайдар-Али-султан являлся супругом Кюль(Гюль)-бустан-хатун, т.е. сам был пожалованным лицом (Muhamedyarov, Vasary, 1987, р. 184, 188). Мы склонны согласиться с интерпретацией М.А.Усманова.

¹¹ Впрочем, мы имеем дело с весьма небрежно составленной копией этого ярлыка, относящейся к XVII в. Поэтому слишком доверять этому документу рискованно.

мины *шахзаде* и *султан* в Джучидских государствах не были равнозначными (конечно, если первый из них действительно использовался в общественно-политической жизни этих государств).

Если дело обстояло так, как описано выше, то, учитывая довольно тесные брачные связи верхушки киятского эля с Джучидами, лидеры киятов (возможно, в том числе и Мамай) в свое время могли вполне законно титуловаться *шахзаде* (но, конечно, не шахами, падишахами, султанами¹² и тем более ханами). Возможно, у Ахсикенти титул Мамаю *шахзаде* сократился до *шах*, а потом и вовсе исчез; у составителя же «Подлинного родослова Глинских князей» этот же титул по понятным причинам превратился в «падишах». К слову, и «Подлинный родослов...», и «Маджму'ат-таварих» относятся к первой четверти XVI в. Окончательно принять предложенную гипотезу мешает тот факт, что в тюрко- и персоязычных хрониках XVI–XIX вв., созданных в Центральной Азии или выходцами из нее, титул *шахзаде* прилагается к прямым потомкам монарших фамилий (как правило, Чингисидам)¹³. Не упоминается титул *шахзаде* и в известных нам мусульманских эпиграфках Среднего Поволжья.

Приведенные здесь наблюдения естественно ни в коей мере не претендуют на статус достоверно установленных фактов, поскольку (пока) не могут быть подтверждены аутентичными источниками, скудость которых общеизвестна. Большинство из вышеизложенного еще ждет проверки другими источниками или дальнейшей интерпретации.

Эхмэтжанов, 2006 – Эхмэтжанов М.И. «Дәфтәре Чыңгызнамә» китабы кулъязмаларын өйрәнү юлында бер тәҗрибә // Татар әдәбияты текстологиясе мәсьәләләре (Урта гасырлар – XX йөз башы). – Казан, 2006.

---

¹² Хотя в отношении некоторых не-Чингисидов встречаются и исключения. В «Тава-рих-и гузида-йи нусрат-наме» внук Эдиге, Ваккас, титулован одновременно «султаном» и «беком» (если слово *султан* не является здесь компонентом имени или опиской): *Ваккас султан бикүглы Хорезми бик* (Таварих, 1967, с. 275 факс). См. также: «салтанов Едигей князь» в грамоте ногайского мирзы Мусы Ивану III (*Эдигу султан бик?*) (Посольская, 1984, с. 39). Титулы *султан* и *эмир/бек* применительно к одному лицу зафиксированы в арабской титулатуре на одном надгробии с территории современной Казани, предположительно относимом к концу XIII в. (Юсупов, 1960, табл. 2), однако реальный статус погребенного остается невыясненным.

¹³ См., например, (Материалы, 1969, с. 56 и сл.; Aboul-Ghazi, 1871, p. 176: *шахзаделер ее умералир Бердибик хан-ны хан кылдылар* – «шахзаде и эмиры сделали ханом Бердибек-хана»).

Галяутдинов, 1981 – Галяутдинов И.Г. Палеографические особенности списков памятника «Дафтар-и Чингиз-наме» // Бартольдские чтения. 1981. Тез. докл. и сообщ. – М., 1981.

Идегэй, 1988 – Идегэй. Татар халык дастаны. – Казан, 1988.

Келлнер-Хайнкеле, 2002 – Келлнер-Хайнкеле Б. Кто был Абдулгаффар ал-Кирими (Заметки о крымско-татарском историке XVIII века) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002.

Кырыми, 1343 – ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдет ат-теварих. – Стамбул, 1343/1924–25.

Материалы, 1969 – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. – Алма-Ата, 1969.

Посольская, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. – М., 1984.

Рахим, 1927 – Рахим А. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века // Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1927. № 7.

Рашид ад-Дин, 1952a – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1952b – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. Пер. с перс. О.И.Смирновой. М.; Л., 1952.

Русский – Русский биографический словарь, <http://www.rulex.ru/01021164.htm>.

Сафаргалиев, 1996 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М., 1996.

Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. – М., 2005.

Собрание, 1960 – «Собрание историй». Маджму' ат-таварих. Фотографич. репродукция отрывков рукописи, текста, введ., указ. Подгот. к изд. А.Т.Туганбаева. – Л., 1960.

Таварих, 1967 – Таварих-и гузида – Нусрат-наме. Исслед., критич. текст., аннот. А.М.Акрамова. – Ташкент, 1967.

Татарский, 1999 – Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999.

Тизенгаузен, 1941 – Тизенгаузен ВТ. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. – М.-Л., 1941.

Трепавлов, 2006 – Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. – М., 2007.

Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972.

Усманов, 1979 – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979.

Утемиш-хаджи, 1992 – *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. Факс, пер., транскр., примеч., исслед. В.П.Юдина; подгот. к изд. Ю.Г.Баранова; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992.

Шейбаниада, 1849 – Библиотека восточных историков, изд. И. Березиным. Т. I. – Казань, 1849.

Юдин, 1992а – *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992.

Юдин, 1992б – *Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и известной династии Тукатимуридов в казахских степях в XIV в. // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992.

Юсупов, 1960 – *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л., 1960.

Aboul-Ghazi, 1871 – *Aboul-Ghazi Behadour Khan*. Histoire des mogols et des tatares. Publ. par P.Desmaisons. T. I. St.-Petersbourg, 1871.

Arat, 1987 – *Arat Rahmeti R.* Makaleler. Cilt I. Ankara, 1987.

Ivanics, Usmanov, 2002 – *Ivanics M., Usmanov M.A.* Das Buch der Dschingis-Legende (Daftar-i Cingiz-nama). [Bd.] I. Szeged, 2002.

Kafali, 1976 – *Kafali M.* Altin Orda Hanliginin Kurulus ve Yukselis Devirleri. Istanbul, 1976.

Muhamedyarov, Vasary, 1987 – *Muhamedyarov Sh., Vasary I.* Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's Yarliks) // Between the Danube and the Caucasus. Budapest, 1987.

Togan, 1981 – *Togan A.Z. V.* Bugunku Turkili (Turkistan) ve Yakini Tarihi. Cilt I. Istanbul, 1981.

ОРРК – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского гос. университета.

«Черный человек» Мамай*

О Мамае пишут многие, однако серьезных исследований, посвященных беклербеку не так и много. В наших нескольких статьях мы уже рассматривали эту личность, его политику, причины возвышения и падения. Нами было отмечено, что Мамай сыграл огромную роль в татарской истории, и необходимо его рассматривать как политика, действовавшего в период смуты именно за сохранение Золотоордынского государства, и что историками он до сих пор не оценен по достоинству (Миргалеев, 2001).

Несмотря на то, что беклербек Мамай был убит¹, его семья была оставлена в живых и продолжала служить Токтамыш-хану и последу-

---

* В основе статьи – публикации: Миргалеев И.М. Эмир Мамай кем булган ул? // Казан утлары. – № 8. – 2001. – Б. 170–173; Миргалеев И.М. К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359–1380 годах // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии // Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». – Вып. 4. – Казань: «Фэн», 2004. – С. 96–99; Миргалеев И.М. К проблеме прихода Токтамыша к власти в Золотой Орде и к вопросу о значении Донского побоища // Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи: Материалы историко-филологического семинара, проводимого в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VII Кирилло-Мефодиевских чтений. – Ч. III. – Вып. 2. – М.-Ярославль: Ремдер, 2006. – С. 10–18; Миргалеев И.М. К вопросу о политической обстановке в Золотой Орде во времена эмира Мамая // Материалы Лихачевских чтений. 5–7 апреля 2006 г. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – С. 216–219.

¹ О том, что Мамай был убит людьми Токтамыша сообщают и русские летописи: «Мамаи же, то видевь и скоро побежав съ своими думцами и съ единомысленики. Царь же Токтамышь посла за нимъ въ погоню воя своя и убиша Мамаю» (Приселков, 2002, с. 421). Об убийстве Мамаю именно Токтамышем утверждает и Утемиш-хаджи (Утемиш-хаджи, 1992, с. 118). Оригинальную версию убийства Мамаю также сторонником Токтамыша Урик Тимуром, приводит Абд ал-Гаффар Кырыми (см. ниже). В 90-х гг. на окраине Старого Крыма (Солхата) был обнаружен могильный курган, который возможно являлся захоронением Мамаю. Археологи отмечают, что курган представляет собой погребение золотоордынского сановника высокого ранга, рост усопшего не превышал 150 см., возраст около 50 лет (Крамаровский, 2005, с. 77).

ющим ханам. Хотя род киятов² более не смог возродиться в былом величии и в татарских ханствах главными кланами были уже сторонники Токтамышша (аргыны, ширины, кыпчаки и др.), все же, кияты продолжали оставаться в среде татарской элиты. В Крыму после ликвидации Мамай его место занял родственник Токтамышша Бек Булат, который во время первого этапа войны Золотой Орды с Аксак Тимуром восстал против Токтамыш-хана и был разгромлен в 1392 году (Миргалеев, 2004а, с. 145–149).

Мамай бин Алач бег (Кырыми, 1343, с. 45) не принадлежал к джучидам и поэтому, последними именовался как «кара киши», т.е. «черный человек», человек «черной кости», не имеющий право на трон. Несмотря на то, что формально власть принадлежала ханам, ставленникам Мамай, джучиды, которые боролись за власть, понимали, что правым (западным) крылом правит именно Мамай и поэтому в таких важнейших исторических сочинениях, написанных в джучидской исторической традиции, как «Чингиз-намэ» Утемиша-хаджи и «Умдет ат-теварих» Абд ал-Гаффар Кырыми подставные ханы Мамай (Абдуллах, Мухаммад-Булак, Тулунбек-ханум) вообще не упоминаются³ и говорится, что правым крылом Улуса Джучи правил «кара киши Мамай». В произведении Улугбека «Тарих-и арбаъ улус» («История четырех государств»), Мамай не фигурирует, хотя Улугбек писал свое произведение в 1425 году и ему Мамай должен был быть известен (Улугбек, 1993, с. 228–231).

Историю Мамай более или менее подробно излагают Ибн Халдун (Тизенгаузен, 1884) и Абд ал-Гаффар Кырыми (Кырыми, 1343). По работе последнего видно отношение самих татар к Мамаю. Интересно, что тюрко-татарские источники, и даже Абд ал-Гаффар Кырыми не упоминают про столкновение Дмитрия Донского с Мамаем⁴.

---

² Мамай был из племени кият, об этом упоминают все основные источники. Поэтому утверждения Э.С.Кульпина, о том, что предки Мамай происходили из Китая (Кульпин-Губайдуллин, 2006, с. 104) и А.А.Шенникова, о том, что его предки были из меркит (Шенников, 1997, с. 455–481) не находят своего подтверждения в источниках.

³ Д.М.Исхаков высказал мнение, что ханы «Мамаевой Орды» не были джучидами, а были из рода кият (Исхаков, 2009, с. 134–135). Хотя признание их царями в русских летописях показывает, что они все же имели какие-то родственные отношения к джучидам.

⁴ Как известно, сведения о Куликовской битве взяты из средневековой русской публицистики, так называемых «памятников куликовского цикла»

При хане Бердибеке Мамай занимал должность беклербека и являлся зятем хана. Будучи крупным феодалом и государственным деятелем, эмир Мамай был крайне заинтересован в установлении порядка в стране. Этим и объясняется его признание первых ханов смутного времени, таких как Кульна, Науруз, Хызр⁵, Орду-Мелик и Кильдибек (Миргалеев, 2003, с. 33).

Хотя в последующем Мамай и вступал в борьбу за овладение Сараем, удача не всегда сопутствовала ему, так как внимание Мамае было приковано к защите золотоордынских земель от западных соседних государств (Миргалеев, 2001, с. 171–172). В «Умдет ат-таварих» Абд ал-Гаффара Кырыми говорится, что Мамай получал дань из Молдавии, Эфлак (Польши?), Венгрии, вплоть до Испании, а Московия была собственным владением⁶, однако, как известно, в начале 1363 года литовский князь Ольгерд нанес поражение трем татарским правителям Подолии (ПСРЛ, 1980, с. 66, 74), которые должны были быть сторонниками хана Абдуллаха. А в конце 60-х годов татары были вытеснены из центральной части Днестровско-Прутского междуречья лесными пастушескими племенами малдован-валахов. За татарами осталось лишь устье Дуная.

Все же под контролем Мамае находились огромные территории: Северный Кавказ, Крым, Северное Причерноморье и Русский улус. Для охраны и контроля этих территорий он должен был постоянно держать определенное количество войск. После убийства хана Кильдибека в 1362 году в Улусе Джучи не было хана, власть которого признавалась бы всеми. Золотая Орда была разделена на две независи-

---

(«Сказания о Мамаевом побоище», «Задонщины» и из нескольких летописных рассказов) (См.: Памятники, 1981).

⁵ Как известно, при Джанибеке централизация управления государства достигает своей высшей точки. Монеты от имени Джанибека чеканятся в 4 городах: в Сарае аль-Джедид, Гюлистане, Азаке и Хорезме. Последним ханом, чеканившим монеты от своего имени в этих 4 городах, был Хызр, после убийства которого (в 1361 году) и начинается смута. Русские летописи отмечают «великую замятню» после хана Темир-ходжи, во время которого поднял мятеж эмир Мамай. Воскресенская летопись отмечает, что Темир-ходжа «сedy на царство на 4 день, а на 7 день царства его темникъ Мамай замыте всемь царством его, и бысть великъ мятежь въ орде» (Русские летописи, 1998, с. 26).

⁶ وبغدان و افلاك و مجار و تا اسپانيايه وارنجه باج و خراج آلدیلار مسقو کندی مخصوص رعایا لریدر «Богдан вэ Эфлак вэ Мажар вэ та Испания'яа варынжа баж вэ хараж алдылар. Москов кэнду махсус рэйаларыдыр» (Кырыми, 1343, с. 40). Транскрипции и переводы И.М.Миргалеева. Набор текста на арабице Д.Р.Зайнуддинова.

мые друг от друга части, границей которым служила Волга. Об этом конкретно говорится в русских летописях: «Бысть въ та времена на Воложскомъ царствии два царя: Авдула царь Мамаевы Орды, его же князь Мамай темникъ устроиль въ своей Орде царя, а другой царь Амурать съ Сарайскими князи. И тако те два царя и те две Орде, малъ миръ имеюще, межи собою всегда во враждахъ и въ бранехъ» (ПСРЛ, 2000а, с. 233).

После того, как Мурат был изгнан из Сарая Мамаем, ханом был объявлен Абдуллах. Мамай несколько раз захватывал столицу, но ненадолго. После крупных неудач в удержании столицы Мамай начинает укреплять свою власть на контролируемой им территории. Он налаживает выпуск монет в своей кочующей орде (Федоров-Давыдов, 1960, с. 109), а также при помощи русских войск в 1370 году утверждает своего наместника в Булгаре (ПСРЛ, 2004, с. 185)⁷. В самой Орде эмира происходят политические изменения, возможно с целью укрепления его власти. Русские летописи сообщают, что в 1370 году «Мамай посади у себя в Орде царя Мамат Салтана» (ПСРЛ, 2004, с. 185).

Что стало с ханом Абдуллахом утверждать сложно. Конечно, можно предположить, что хан Абдуллах скончался и поэтому Мамай посадил на трон другого хана. Некоторые казанские исследователи проводят параллель между ханом Абдуллахом и Абдуллахом в Булгаре (М.И.Ахметзянов, Д.М.Исхаков⁸). В таком случае получается, что пос-

---

⁷ Вообще Болгар в политике Мамая, а потом Токтамыша и последующих ханов играл весьма важную роль и не исключено, что город Болгар выполнял роль второй столицы Золотоордынского государства.

⁸ Д.М.Исхаков пишет, что «хан» Габдуллах, правитель Болгарского владения, и хан Абдуллах, занимавший престол в Мамаевой Орде между мартом/октябрем 1361 – мартом 1370 гг., это, скорее всего, одно и то же лицо (Исхаков. 2009, с. 134). Д.М.Исхаков пришел к выводу, что политический центр Мамаевой Орды довольно длительное время находился в г. Болгаре, а отнюдь не в самой кочевой части Орды (Исхаков, 2009, с. 135). Такой вывод является достаточно интересным и, несомненно, данный вопрос еще ждет своего дальнейшего исследования. Этим вопросом еще в свое время задался В.А.Кучкин (Кучкин, 1996, с. 122), ведь на самом деле наличие и Абдуллаха (Габдуллаха) и Мухаммад-Булака («Махмат Солтана?») в болгарском улусе по крайней мере ставят такой вопрос перед исследователями. В таком случае, не жили ли ханы Абдуллах и Мухаммад-Булак в городе Болгар (Мухаммад-Булак возможно в конце 70-х годов перебрался в Маджар), вместе с тем считаясь ханами «Улуса Джучи» (естественно для правого крыла Золотой Орды или для «Орды Мамая»). А Мамай считался беклербеком, опорой их номинального ханства, ведь не совсем обязательно было им жить на одной территории.

ле низложения с престола, Абдуллах жил в Болгаре. Утверждение достаточно позднего источника – Никоновской летописи о том, что Мамай убил Абдуллаха также имеет право на существование. Подтверждением данных летописи могут служить археологические материалы, к примеру, азовские археологи полагают, что найденное ими место «массового побоища людей» в Азове (приблизительно 180 человек), может указывать на то, что именно здесь люди Мамаю могли расправиться с ханом Абдуллахом и его приближенными (Масловский, Фомичев, 2004, с. 500)⁹.

Вопрос о дальнейшей судьбе Мухаммад-Булака также остается открытым. Мы в своей ранней работе (Миргалеев, 2003, с. 58) пришли к выводу, что его пути с Мамаевой Ордой разошлись и он контролировал предкавказские степи с городом Маджар и, что, также был разгромлен Токтамышем. А.П.Григорьев предлагал, что хан Теляк – это и есть Буляк (Мухаммад-Булак) (Григорьев, 1983, с. 41). Также и известия о Махмат Солтане в болгарском улусе ставит интересный вопрос – не находился ли Мухаммад-Булак в Болгаре до возвышения Токтамыша?

До сих пор нет единого мнения среди специалистов о новом хане, который правил после Мухаммад-Булака. Но сопоставляя известного по нумизматическим материалам Тулунбека-ханум (Марков, 2008, с. 49; Национальный музей, №794-797) (есть также ярлык Тулунбека, выданный русским митрополитам, который датируется 1379 годом (Приселков, 1916, с. 107)) и, например, Тетяка, упоминаемого в Никоновской летописи (ПСРЛ, 2000б, с. 64), можно утверждать, что после Мухаммад-Булака Мамай правил в своей Орде от имени своей жены – Тулунбек-ханум, дочери (сестры?) Бердибек-хана (Тизенгаузен, 1884, с. 389)¹⁰. О том, что Токтамыш взял «царицы его» сообщает, например, Троицкая летопись и многие другие русские летописи. «Токтамышъ ... шедъ взя орду Мамаеву и царицы его» (Приселков, 2002, с. 421). Здесь летопись однозначно утверждает именно как царицу, а не жену, выделяя ее титул.

По версии событий, изложенных Абд ал-Гаффаром Кырыми, получается, что у Мамаю в конце 70-х годов XIV века не было хана, и он

---

⁹ Хотя авторы и противоречат себе, заявляя, что это место было секретным и никаких письменных источников об этой расправе не сохранилось, но приводят цитату из Никоновской летописи, что Мамай убил своего подставного хана Абдуллаха (получается, что убийство все же не было секретным).

¹⁰ По Абд ал-Гаффару Кырыми и Утемишу-хаджи на дочери Джанибек-хана.

номинально признавал ханом Уруса. Возможно при этом свое правление правым крылом Золотой Орды он обосновывал именно «правлением» Тулунбека-ханум. Мы не исключаем, что между Урус-ханом и Мамаем были достигнуты определенные договоренности.

Причина непринятия сарайскими эмирами тех ханов, которых провозгласил Мамай, кроется в том, что Абдуллах и Мухаммад-Булак не принадлежали к сильным родам джучидов (по версии Д.М.Исхакова они вообще принадлежали к роду киятов (Исхаков, 2009, с. 134-135)), а Тулунбек была «просто женой эмира» и, самое главное, женщиной. Именно данное обстоятельство и привело к вопросу о легитимности «мамаевских царей».

Судя по русским летописям, Мамай пытался организовать сопротивление Токтамышу. «Хроника литовская и жмойтская» сообщает, что Мамай после поражения на Куликовом поле бежал в Кафу и там был убит (ПСРЛ, 1975, с. 60). Но все остальные летописи говорят о встрече войск Мамаю и Токтамышу на Калке и «Мамаевы же князи сшедше съ конь своихъ и биша челомъ Тахтамышу, и даша ему правду по своей вере, и яшася за него» (Русские летописи, 1998, с. 64). Утемиш-хаджи утверждает, что Мамаю убили сторонники Токтамышу, который «выступил в поход и пошел на Кыята Мамаю. Пришел навстречу с большим войском и Мамай. Произошло жестокое сражение. Войско Мамаю было разбито, а сам он был схвачен. Убили [его]» (Утемиш-хаджи, 1992, с. 118). К началу октября весь улус Мамаю был захвачен Токтамышем, который отправил своих послов и в Русский улус с оповещением о своей победе над Мамаем (ПСРЛ, 2000б, с. 69).

По утверждению Утемиша-хаджи и Абд ал-Гаффара Кырыми жена Мамаю была выдана замуж за активного сторонника Токтамышу – Урик Тимура. Далее в полной версии Утемиша-хаджи утверждается, что «Вэ таки Мамайны алганда хазрэти Жанибэк ханнын бер кызы Мамайда иде. Ул ханым Туктамыш ханга тошди ирсэ аны Урик Тимурга биреп ирди¹¹». Т.е. «когда брали Мамаю одна из дочерей хазрэти Джанибек-хана была за Мамаем. Эта ханум была схвачена Токтамышем и он ее отдал Урик Тимуру» (Утемиш-хаджи, л. 47а-б; Кырыми, 1343, с. 55). Этот Урик Тимур когда-то помог раненому Токтамышу и после этого стал его активным сторонником (Кырыми, 1343, с. 46-47, Тизенгаузен, 1941, с. 108, 150).

و تاكي مامايني الكندا حضرة جاننيك خانن بير قيزي مامايدا ايدي. اول خانوم طوقتامش خانغا توشتي¹¹
ايرسه اني اوريك تيمورغا بيريب ايردي

Естественно здесь речь идет о Тулунбек-ханум. Однако касательно этого вопроса также высказано много несурязицы, что выходец из восточного улуса и поэтому не имевший право на правление в Золотой Орде (?) Токтамыш, якобы для легитимизации своей власти, пошел на «брак с представительницей рода ханов Золотой Орды. Вследствии этих политических мотивов одной из его жен оказалась вдовствовавшая Толунбек-ханум» (Сидоренко, 2000, с. 287). А упоминание летописями под 1386 г. казнь Токтамышем некоей своей жены – Товлунбек произошло из-за ее супружеской измены (Селезнев, 2010, с. 127). Естественно казенная жена Токтамыша не могла быть той самой бывшей женой Мамай, хотя бы потому, что она была также «из его рода» (карындашы), т.е. джучидкой. Да и нет причин не принимать данные Утемиша-хаджи и Абд ал-Гаффара Кырыми.

Отметим, что у Абд ал-Гаффара Кырыми события противостояния Токтамыша с Мамаем излагаются достаточно оригинально и со знанием темы. Изложение Абд ал-Гаффара Кырыми близко к данным Утемиша-хаджи, однако крымские события, в том числе и взаимоотношения Мамай с Токтамышем рассказываются более основательно. В освещении излагаемых событий сведения Абд ал-Гаффара Кырыми отличаются от лаконичных известий Утемиша-хаджи. По Абд ал-Гаффару Кырыми события выглядят следующим образом.

Токтамыш уходит от Каганбека в Сарай и восстанавливает город, к нему начинают приходить многие роды («иль»). Через некоторое время Токтамыш собрал войско и пошел против Мамай¹², между ними было несколько сражений, однако Токтамыш не смог его победить и в итоге они пришли к примирению. Токтамыш хотел, чтобы Мамай признал его ханом, однако Мамай заявил, что пока жив Урус-хан он этого не может сделать, однако он не хочет противостояния, так как Токтамыш является «шахзадэ», т.е. джучидом. Мамай говорит: «пусть ходит в нойонах в «иле» (в стране), быть может примирится с Урус-

---

¹² Абд ал-Гаффар Кырыми приводит до этого события очень интересный рассказ, когда Токтамыш решил принять бой с Урус-ханом, думая, что у хана огромное войско, решил отделить от себя своего сына Джалаладдина вместе с сыном Урик Тимура Йахши Ходжа и по одному сыну из других семей, дав им хороших лошадей и «Йол агасы» (проводника), а также напутствие, что они далее должны идти только сами, «если после битвы с ханом (Урусом) мы победим, то присоединимся к вам, если проиграем, то вы прямо идите в область Крыма к владениям кията Мамай». Это показывает, что хотя Токтамыш как джучид и рассматривал Мамай как «кара киши», но все же не был настроен к нему враждебно.

ханом и даже со временем еще и сам станет ханом». «То, что в это время Урус-хана уже не было в живых они еще не знали, так как приближенные Урус-хана скрывали его смерть. Так прошло некоторое время, Токтамыш со своими приближенными кочевал вверх по Волге, проходя через родовые владения («ил илдэн»), он переплыл реку Дон (Тан) и подошел к берегам реки Днепр (Озу). Оттуда он отправил послов в Московию с требованием выхода (хазинэ истэди). В те времена пространство между Волгой и Днепром было занято кочевьями народа Великой (Большой) правой руки (Улу саг кол халкыйлэ), не одно место не было пустым»¹³ (Кырыми, 1343, с. 52).

«Орда Мамай располагалась на берегах Йылкы (Конка?)¹⁴, притока Днепра, находящиеся до сих пор там мавзолеи (кэшэнэ) принад-

تقتمش بوندن كوكل خوشلغي ايله كندي و "ايدىل" ساحلنده اولان خراب ساراي شهريني مهما أمكن¹³ تميره بشلايوب جامع و مسجدلر بناء ايدوب ساكن اولدولار. هر طرفدن پراكته ايلار كلوب خيليجه خلق اولديلار. بعد زمان عسكر ترتيب ايدوب قيات ممای بك اوزرينه ايوریدی و برقاچ كره جنكلري اولدی. و ظفر بولامادي عاقبت ما بينه مصلحون كيروب صلح ايتديلر. تقتمش خانلغنه رضا وير ديلر.

Токтамыш ... гитди вэ Идил сахилиндэ олан хараб Сарай шэһрини мэх-мá-эмкэн та'мирэ башлайуб жами' вэ мэсжидлэр бина идуп сакин олдулар, һэр тарафдан пэракэндэ иллэр гэлуп хайлижэ халк олдулар. Ба'де-заман аскэр тэртиб идуп кыйат Мамай бег узринэ йуруду вэ биркач кэрэ жэнглэри олду вэ зафэр буламады, акибэт мабэйнэ муслихун гируб сулх итдилэр, Токтамышын ханлыгына риза вир дэдилэр.

ماماي بك دديكي "روس خان ساغ ايكن تقتمش خان اولمق ياغلندر ديممدير. انجق بينمزده غوغا اولماسون. شهزاده مزدرايل ايچنه نويانلر طريقتجه ايوريسون روس خان ايله بينلري اصلاح اولنور ان شاء الله وقتيله خان دخي اولور." ديدى.

Мамай бэг дэди ки Рус хан саг икэн Токтамыш хан олмак багыликдир (йагы-ликдыр?) димэмдир, анжак бэйнимиздэ гауга олмасын, шахзадэмиздир, иль ичиндэ нойанлар тарыкынжа йурусун, Рус хан илэ бэйинлэри ыслах олунур иншааллах, вактыйлэ хан дахи олур дэди.

روس خانك فوت اولديغندن ممای بك و تقتمش برلرنك خبري يوغيدي. زيرا اتباعي خانك فوتني ستر ايتمشلار ايمش. برقاچ ايام بويله كچدي. تقتمش صيد شيكار ايجون ايدلن بنوب كندو اتباعله ايل ايلدن قونارق تن صوينى كچوب اوزو صوينى سواحلنه كلدي و مسفو مملكتنه آدم كوندروب خزينه ايسندي. اول وقتده اديل ايله اوزينك ما بيني كوچر اولو صاغ قول خلقيله ايله مملو اتدي. بر ير بوش دكل ايدي

Рус ханын фэвт олдугундан Мамай бэг вэ Токтамыш бирлэринин хабэри йо-гиди, зира этба'ы ханын фэвтени сэтр итмишлэrimiш, биркач зыйам бойлэ гэчди, Токтамыш сайды шикар ичун Идилдэн бинуб кэнди этба'ыйлэ ил ил-дэн конарак Тан суйуну гэчуб Озу суйу савахилинэ гэлди вэ Москов мэмлэк-этинэ адам гондэруб хазинэ истэди. Ол вакитдэ Идил илэ Озу'нун мабэини гочэр улу саг кол халкыйлэ мэмлу иди, бир йэр бош дэгил иди (Кырыми, 1343, с. 52).

¹⁴ Конка, Кобылья Вода, Конская Вода. На Конской Воде (Конке), в месте слияния рек Жеребец и Конка находился золотоордынский город (городище Конские Воды) (Сльніков, 2009, с. 111).

лежат им. Кочуя, Токтамыш прибыл в гости к Мамаю. У Мамай бега женой была дочка покойного Джанибек-хана и сестра Бердибек-хана. Ее звали Бисулу хануш. Хотя они и пришли якобы с целью навешания ее, однако желанием его (Токтамыш) было убийство бека. Бег (Мамай) Токтамышу и Урик Тимуру оказал царские угощения и оказал эмирские почести. В стороне направления Кыблы от реки Йылкы бег соорудил большие юрты (тирмэ улэр) и шахские шатры (шаханэ чадырлар) и несколько дней оказывал им великие почести. В один из вечеров, Токтамыш тайно с Урик Тимуром долго совещался, ни кто об этом не узнал. В середине ночи Урик Тимур один встал и, оседлав коня, направился к северу от реки к орде бега, втайне от охраны орды позвал бега. Бег лежал с хануш, услышав его, спросил кто, Урик Тимур назвал себя и сказал, что у султана Токтамыш к вам есть разговор по поводу одного большого дела (бир эмри азым хусусунда) и он пригласил вас и чтобы никто об этом не узнал. У бега всегда наготове была одна черная лошадь, Урик Тимур одел на эту лошадь седло и бег не сообщив даже своим рабам (чура) вышел на улицу. Он был уже старше 90 лет, (Урик Тимур) посадил его на лошадь, они вдвоем уехали, об этом не узнала даже его жена (хануш). Во время переправы реки Йылкы Урик Тимур ударил его по голове боевым топором (кулунг балта)¹⁵ (Кырыми, 1343, с. 53) и убил его. Тело его спрятал, а коня от-

15 ماماي بکک اورداسي اوزودن چيقان بيلقي صونده اولور ايدي. و حالا آنده اولان کاشانهلر انلرکدر. تقيتمش قونارق کوچرک ممای بکه مسافر اولمق ايجون کلدی و همدي مامای بکک زوجة سي مرحوم جانبک خانک قزي و بردي بک خانک همشير هسي "بيصولو خانش" ديرلريدي

Мамай бэг'ин ордасы Озу'дэн чыкан йылкы суйунда олурду вэ халийа анда олан кэшэнэлэр анларындыр. Токтамыш конарак гочэрэк Мамай бег'е мисафир олмак ичун гэлди вэ нэм дахи Мамай Бэг'ин зэвжэси мэрхум Жанибэк хан'ын кызы вэ Бэрдибэк хан'ын нэмширэсе Бисулу хануш дирлэр иди.

اكا صلة ايتمك ايجون بهانه ايله كيلدي ايسه بک دخي شاهانه ضيافة لار و اميرانه حركة لار ايديوب تقيتمش و رکتموري آغرلدي. اما مرادي بر تقريبن ايله بکي قتل ايتمک ايدي. بک بيلکي صوينک قبله جانبنده بويک ترمه اولر و شاهنه چادرلر قوروب برقاج کون عظيم عشرتلر اولدی.

Ана сыла итмэк ичун баханэ илэ гэлди исэ бег дахи шаханэ зийафэтлэр вэ эмиранэ харэкэтлэр идуп Токтамыш вэ Руктимур'у агырлады, эмма мурады бир такриб илэ бэки катл итмэк иди. Бэг Йылкы суйунун Кыблэ жанибиндэ буйук тирмэ улэр (ойлэр) вэ шаханэ чадырлар куруб биркач гун азым ишрэлэр олду.

بر کيجه تقيتمش روکتموری و تنهياه آلوب خيلو کزلو مکالمه ايتديلر. بر کيمسه واقف اولمادي. نصف الليله ده رکتمور يالیکز قالقدي بر آطه بنوب صويسک شيمال طرفنده بکک اورداسنا وردي. اوردا طشره سنده کيزلوجه بکه سس ايتدي ايسه بک خانش ايله اياتور ايکن ايشنديلر "کيمدير" ديجه رکتمور اسمني سوسويلمدي. آنجاک ديدي کي. "سلطانم تقيتمشک بر امري عظيم خصوصصنده سزه سوزي واردير. بر فرد بلمامک اوزره سيزي دعوت ايتدي" ديوجک بکک آرقاسنده بر سپاه آطي دورر ايدي چورالرينه بيله

пустил. Придя к себе, он лег спать, так как уже наступало утро».

«Утром все встали и чтобы опохмелится, начали пить медовуху (бал ичэр олдулар), однако увидев коня бега, бегающего вокруг его орды захотели узнать, что случилось, и начали искать и расспрашивать (йокладылар), однако не найдя бега выбились из сил и сказали: «Без сомнения убили». Однако кто это сделал, не узнали. Токтамыш и Урик Тимур также выражали сожаление, они пошли к Хануш и выразили свои соболезнования. По монгольскому обычаю устроили угощения (поминки), пустили по кругу сильную медовуху (кэскин бал сулары йурутдулэр), все были пьяными. Опьянев, Урик Тимур поцеловал конец халата Токтамыша и сказал: «Хан Токтамыш! У меня к тебе есть одна просьба». Токтамыш ответил: «Ты разве не знаешь, что твои просьбы не останутся без ответа?». Урик Тимур сказал: «прошу твою родственницу Хануш». Хануш закричав, ушла» (Кырыми, 1343, с. 54).

Токтамыш недоумивает и говорит, что пока еще неизвестно, жив ли Мамай бег или нет¹⁶, и поэтому разве будет правильно выдавать ее замуж? Урик Тимур говорит, что «Мамая убил я» и объясняет где находится его тело. «Узнав об этом все племя киятов¹⁷ издав свой бо-

---

بلدیرمزسزین چلدیرغا آلتندن رکتمور اکری آلوب اکرلدی و بک طشره چقدی. طقسان یاشنده اختیار ایدی. آنی آطا بندوروب ایکسی . کیم ایوکنی حانش دخی بلمدی. پس ییلقی صوبنی کچمک قیدنده ایکن رکتمور کولنک بالطه

Бир гичэ Токтамыш Руктимур'у тэнхайа алуб хайли гизли мукалэмэ итдилэр, бир кимсэ вақыф олмады, нысфул-лэйлдэ Руктимур йалныз калкды, бир ата бинуб суйун шимал тарафында бэгин ордасына варды, орда ташрасындан гизлижэ бэгэ сэс итди исэ бег хануш илэ йатур икэн ишитдилэр, кимдир дэйунжэ Руктимур исмини сойлэди, анжак дэди ки, султаным Токтамыш'ын бир эмри азым хусусунда сизэ созу вардыр бир фэрд билмэмэк узэрэ сизи да'вэт итди дэйужэк бэгин аркасында бир сийах аты дурур иди, чураларына билэ билдирмэзсизин чалдырга алтындан Руктимур эгэр алуб эгэрлэди вэ бэг тышара чыкды, доксан йашындан ихтийар иди, анны ата биндируб икиси гитдилэрким идугуну хануш дахи билмэди, пэс Йылыкы суйуну гэчмэк кайдында икэн Руктимур кулунг балта (Кырыми, 1343, с. 53).

¹⁶ Здесь Абд ал-Гаффар Кырыми в восточном стиле пишет образно, о чем свидетельствуют, например такой оборот как: «шивэ вэ назын бэни атэш гайрэтэ быракды».

ایله بکک باشینه اوروب صداسنی چیقارتمیوب قتل ایلدی و میتنی بیر یره کزلدی و آطنی صالیویردی و¹⁷ کلوب مقامنه یاتدی. چونکه صباح اولدو، هرکس قالقوب مخمورلق بوزماغه بال ایچر اولدیلر. اما بکک اوزداسی طرفنده آطی پریشان کورمکله عجب نه اولدی. دیویوقلادیلار ایسه بونده دخی بولامیوب پریشان حال اولدیلر و "شبهه سز ضائع ایتدیلر" دیدیلر.

Илэ бэгин башына уруб садасыны чыкартмайуб катл эйлэди вэ мэйтини бир йэрэ гизлэди, атыны салывэрди вэ гэлуб макамында йатды, чунку сабах олду, хэркэс калкуб махмурлук бозмага бал ичэр олдулар, эмма бэгин ордасы (в

евой клич покинули поминки и, признав своим беком сына Мамай Бег-Султана откочевали в западном направлении от реки Днепр и ушли в районы «Энгэл вэ Онгул». Также и Токтамыш все племена присоединил к своему «иллю» и узнал, что умер хан Урус. Он сделался независимым и знаменитым ханом (ханы зи-шан олды)» (Кырыми, 1343, с. 55)¹⁸.

книге *уздасы*, должна быть опечатка) тарафында аты пэришан гормэклэ ажа-ба нэ олду дэйу йокладылар исэ бунда дахи буламайуб пэришаны-хал олду-лар вэ шубхэсиз зайи' итдилэр дэдилэр.

اما كيمدن اولدي بيلمديلر. تَقْتَمِش دَخي و رَكْتَمُور دَخي تَأْسَف اِتْتَدِيلِر و عَاقِبَت خَانَشِه و اَرَوْب تَعْزِيَة يَوَلَلُو اِبْتَدِيلِر: عَادَة مَغُول اَوَزَرِه ضِيَايَت و كَسْكِين بَال صَوَلَرِي يَوَرْتَدَسِيلِر. هَر كَس سَرخُوش اولدي و رَكْتَمُور سَرخُشَلُوق آراسِنْدِه: "جَان تَوَقْتَامِش، سَنَدَن بَر نِيَازَم وَار" دِيُو اَتْكَنِي اَوِطِي.

Эмма кимдэн олду билэмэдилэр. Токтамыш дахи вэ Руктиму дахи тээссуф итдилэр вэ акибэт Хануш'а варуб тазийэ йоллу эйитдилэр: «адэти могол узэрэ зийафэт вэ кээскин бал сулары йурутдулэр, хэркэс сархош олду вэ Руктимур сархошлук арасында: «Хан (в книге Жан, опечатка) Токтамыш, сэндэн бир нийазым вар» дэйу этэгини опту.

تَقْتَمِش دَدِي كِه "سَنَك اَوْتُولِيَك بَنَدَن كَرَوِيَه قَالْمَايَا جَانِي بِيلْمَز مِيسِن". رَكْتَمُور دَدِي كِه: "اَشْبُو قَرْنَدَاشَك خَانَشِي رَجَا اَيْدَرَم" دِيُو جُوك خَانَش نَالَش و فُغَان اَيْدَرَك چَقْدِي و كَتْدِي. اَمَّا تَقْتَمِش غَايَت اَلْم چُكُوب خِيلِي فَكْرِه وَاَرْدِي و دَدِيكِه بَزَم نَسْلَمَزِي تَحْقِير اَيْدُوب قَرْنَدَاشَمَك مَوْجَة سَنْدِه اَشْبُو كُونَا شِيُوَه و نَازَك بِيْنِي اَتَش غَيْرَتِه بَرَاقْدِي و سَنَك حَق نَدِه چَوَقِي دَرَلُو فَكْرِه اَوَارْدُوم اَمَّا سَابِقَا صِيرْدَرِيَا سِي سَا حِل نَدِه قَامِش دَبِيْنْدِه مَجْرُوح يَاتْدُو غَم و سَكَا اِبْتَدَكِيم عَهْد و يَمِينَلَر يَارْدِيمِه كَلُوب جَمْلَة سِينِي حَضَم اَيْتْدَم. لَكِن مَمَاي بَك كَحَاتِي و مَمَاتِي نَا مَعْلُوم اَيَكِن اَنَك حَرْمَنِي آخَرِه وَيَرْمَك اَوَلُورْمِي؟" دِيُو جُوك رَكْتَمُور مِسْتَانِه شِيُوَه اَيْدَرَك دَدِي كِه "مَمَايِي بَن قَتْل اِبْتَمَشْدَر لَاشِه سِي فِلَان مَحْلَدِه دَر" دِيُو سَوِيلُوجَك جَمْلَة قِيَاَت قَبَاْنَلِي

Токтамыш дэди ки, сэнин отилин бэндэн гэрүйэ калмайажагыны билмэз-мисин. Руктимур дэди ки: «ишбу карындашын Хануш'ы рижа идэрүм» дэйужэк Хануш налиш-у-фиган идэрэк чыкды гитти. Эмма Токтамыш гайэт элэм чэкуб хайли фикрэ варды вэ дэди ки: «Бизим нэслимизи тахкир идуп карын-дашымын муважэхэсиндэ ишбу гүнэ шивэ вэ назын бэни атэш гайрэтэ бырак-ды вэ сэнин хаккында чок дурлу фикрэ вардым, эмма сабыкан Сырдэрийасы сахилиндэ камыш дибиндэ мэжрух йатдыгым вэ сана итдигим ахд-у йэмин-лэр йадыма гэлуп жумлэсини хазм итдим, лакин Мамай бэг'ин хайат вэ мэматы нэ-маглум икэн анын харэмини ахэрэ вирмэк олурму» дэйужэк Рукти-мур мэстанэ шивэ идэрэк дэди ки Мамай'ы бэн катл итмишимдир, лашэси филан махаллэдэдир дэйу сойлэйужэк жумлэ кыйат кабаили (Кырыми, 1343, с. 54).

اروجان اوراكلي اولان عَشِيرَتَلَرِي فَرِيَاد اَيْدَرَك مَجْلِس دِن چَقُوب مَمَاي اَوَغْلُو بَك سُلْطَانِي بَك نَصَب¹⁸ اَيْدُوب كُوجَدِيلِر، نَهْر اَوَزُويِي غَرَب طَرَفِنِه كُچَدِيلِر. اَنَكِل و اَوْنُغُول سَمْبَتْلَرِيْنِه كُتْدِيلِر. تَقْتَمِش دَخي قَابَاْنَلِي عَمُومَا كُوجُورُوب اِيْلِه كُتُورُوب خَلْقَنِه الْحَاق اَيْلَدِي و اَوَل اَتْنَا دِه اَوْرُوس خَانَك مَوْتِي خَبَرِي دَخي كَلُوب مَسْتَقْلَا خَان ذِي شَان اولْدِي.

аружан ураклии (уранлы?) олан аширэтлэри фэрийад идэрэк мэжлисдэн чыкуб Мамай оглу Бэг Султан'ы бэг насб идуп гочдулэр. Нэхри Озу'йу гарб тарафына гчдулэр, Энгэл вэ Онгул сэмтлэринэ гитдилэр. Токтамыш дахи кабаили 'умуман гочуруб ил'е готуруб халкына илхак эйлэди вэ ол эснада Урус хан'ын мэвти хабэри дахи гэлуп мустакилэн ханы зи-шан олды (Кырыми, 1343, с. 55).

События, связанные с концом смуты, изложенные в джучидской историографической традиции, помогают по-новому взглянуть на эти события и, безусловно, раскрывают нам доселе неизвестные стороны деятельности Мамай. Однако данные Абд ал-Гаффара Кырыми ставят и новые вопросы, тем самым показывая нам, что как деятельность Мамай, так и события тех лет ждут еще новых исследований.

Варваровский, 1999 – Варваровский Ю.Е. «Мамаева орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // STRATUM. 1999. № 6. – С. 189–217.

Варваровский, 2008 – Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. – Казань, 2008.

Гаев, 2002 – Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. – Нижний Новгород, 2002. – С. 9–55.

Горский, 1998 – Горский А.А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4. – С. 15–24.

Греков, 1980 – Греков И.Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. – М., 1980. – С. 113–141.

Григорьев, 2003 – Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник СПбГУ. Сер. 2, 2003, вып. 4 (№ 26).

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. 1983. – С. 9–54.

Григорьев, 1980 – Григорьев А.П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 5. – Л., 1980.

Григорьев, 2004 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб., 2004.

Григорьев, 1985 – Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. Вып. 11. – Л., 1985.

Григорьев, 2000 – Григорьев А.П. Ярлык Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 19. – СПб., 2000. – С. 3–104.

Егоров, 1980 – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980. – С. 174–183.

Сельников М.В. До локалізації золотоординського городище Кінські Води // Музейний вісник. №9. 2009. – С. 103–111.

Исхаков, 2009 – Исхаков Д.М. Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 2. 2009. – С. 123–138.

Крамаровский, 2005 – Крамаровский М.Г. Где могила Мама? // Родина. 2005. № 9. – С. 77–78.

Крамаровский, 1996 – Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мама (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. – СПб., 1996. – С. 38–41.

Кульпин-Губайдуллин, 2006 – Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е, испр. – М., 2006.

Кучкин, 1980 – Кучкин В.А. Русские княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980. – С. 26–112.

Кучкин, 1996 – Кучкин В.Л. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н.А.Баскакову. – М., 1996. – С. 115–123.

Марков, 2008 – Марков А.К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. – Казань, 2008.

Масловский, Фомичев, 2004 – Масловский А.Н., Фомичев Н.М. О дате побоища в Азаке времени «великой замятни» в Орде // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20. – Азов, 2004. – С. 487–508.

Миргалеев, 2004а – И.М. Миргалеев И.М. К вопросу о Бек Булате – Бек Пулате // Научный Татарстан. – №. 1/2. – 2004. – С.145–149.

Миргалеев, 2004б – Миргалеев И.М. К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359-1380 годах // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии // Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». – Вып. 4. – Казань: «Фэн», 2004. – С. 96–99.

Миргалеев, 2007 – Миргалеев И.М. К вопросу о политической обстановке в Золотой Орде во времена эмира Мама // Материалы Лихачевских чтений. 5 – 7 апреля 2006 г. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – С. 216–219.

Миргалеев, 2006 – Миргалеев И.М. К проблеме прихода Токтамыша к власти в Золотой Орде и к вопросу о значении Донского побоища // Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи: Материалы историко-филологического семинара, проводимого в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VII Кирилло-Мефодиевских чтений. – Ч. III. – Вып. 2. – М.-Ярославль: Ремдер, 2006. – С. 10–18.

Миргалеев, 2003 – Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань, 2003.

Миргалеев, 2001 – Миргалеев И.М. Эмир Мамай кем булган ул? // Казан утлары. – № 8. – 2001. – Б. 170–173.

Национальный музей – Национальный музей РТ. Нумизматический фонд. Ханы Золотой Орды.

Памятники, 1981 – Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981.

- ПСРЛ, 1980 – ПСРЛ. Т. 35. Летописи Белорусско-литовские. – М., 1980.
- ПСРЛ, 2000а – ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскую летописью. – М., 2000.
- ПСРЛ, 2000б – ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскую летописью. – М., 2000.
- ПСРЛ, 2004 – ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. – М., 2004.
- ПСРЛ, 1975 – ПСРЛ. Т. 32. Хроники: Литовская и жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – М., 1975.
- Почекаев, 2008 – Почекаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. – С. 53–77.
- Почекаев, 2004 – Почекаев Р.Ю. Образ Мамае в русском летописании как средство делегитимизации власти ордынского хана // Герои и антигерои в исторической судьбе России. – СПб., 2004. – С. 29–34.
- Приселков, 2002 – Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е издание. – Санкт-Петербург, 2002.
- Приселков, 1916 – Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград: «Научное дело», 1916.
- Русские летописи, 1998 – Русские летописи. Том третий. Воскресенская летопись. – Рязань, 1998.
- Селезнев, 2010 – Селезнев Ю.В. Токтамыш – последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2/2010. – С. 122–131.
- Сидоренко, 2000 – Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь, 2000. – С. 267–288.
- Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. – СПб., 1884.
- Тизенгаузен, 1941 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. – М.; Л., 1941.
- Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. – М., 2007. – С. 319–352.
- Улугбек, 1993 – Улугбек Мирзо. Тўрт улус тарихи. – Ташкент: Чулпон, 1993.
- Утемиш-хаджи, 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992.
- Федоров-Давыдов, 1960 – Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. – М., 1960. – С. 94–192.
- Федоров-Давыдов, 2003 – Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. – М., 1964.
- Шенников, 1997 – Шенников А.А. Княжество потомков Мамае (к проблеме «запустения» Юго-Восточной Руси в XIV–XV вв. // Л.Н.Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. Вып. 8. Кн.2. – М.: Институт Ди-Дик, 1997. – С. 455–481.
- Кырыми, 1343 – ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдет ат-теварих. – Стамбул, 1343/1924–25 (на арабике).

- الحاج عبد الغفار قيريمي. اودميت التوارخ . اصتمبول , 1343\1924-25
- Kafali, 1976 – Kafali M. Altin Orda Hanliginin Kurulus ve Yukselis Devirleri. Istanbul, 1976.
- DeWeese, 1994 – DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994.
- Ivanics, Usmanov, 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Daftar-i Cingis-nama). (B.) I. Szeged, 2002.
- Shamiloglu, 1986 – Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia university, 1986.

Отец Мамаю*

«Восточные историки сохранили о Мамае очень мало сведений», – заметил некогда А.Ю.Якубовский (Греков, Якубовский, 1950, с. 275). Современные исследователи также не испытывают оптимизма: «..положительных сведений о нем не так уж много» (Григорьев, Григорьев, 2002, с. 211). Действительно, едва ли не один только Ибн Халдун дает нам сколько-нибудь подробные данные о нем. Он называет Мамаю одним из «старших монгольских эмиров», к владениям которого впоследствии («в то время его там не было») принадлежал город Крым, т.е. Солхат¹. Дочь Бердибека Ханум была замужем за Мамаем² (Сборник, 1884, с. 389). Ал-Калкашанди добавляет к этому довольно мало, называя Мамаю просто «наместником» (Григорьев, Фролова, 1999, с. 85).

Некоторые историки давно решили для себя вопрос об отце Мамаю. Ключевым свидетельством обычно служат данные одного из списков «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи б. Мауланы Мухаммеда Досты³. Сочинение сохранилось в двух списках: дефектном ташкент-

---

* Статья подготовлена для сборника, посвященного 70-летию М.Г.Крамаровского (в печати). Автор признателен В.В.Трепавлову, который однажды подтолкнул меня к написанию этой статьи. Работа над ней была закончена в 2007 г., соответственно, литература, вышедшая с тех пор в свет, в статье не учтена.

¹ Где, вероятно, он и был похоронен (см.: Крамаровский, 2005). В Старом Крыму в XIX в. приезжим показывали «могилы» Мамаю, причем в разных местах, что дало А.И. Маркевичу повод заметить: «слово «Мамай» сделалось в Старом Крыму почти нарицательным именем, и многие курганы называются здесь «Мамаями»» (Маркевич, 1888, с. 72).

² Имени ее мы не знаем, ибо Ханум – это, разумеется, титул.

³ Историческое сочинение, написанное в 1550/51 г. по поручению Шейбанида Иш-султана – младшего брата хивинского хана Дост-султана (1557–1558). Утемиш-хаджи был выходцем из влиятельной семьи, служившей основателю династии хивинских ханов-шейбанидов Ильбарс-хану (1512–1525). Сам Утемиш-хаджи служил вначале у Ильбарса, по-видимому, в должности дворцового писаря. Сочинение Утемиш-хаджи охватывает время правления Чингиз-хана и чингизидов – XIII–XIV вв. и содержит сведения о ханах Улуса Джучи, начиная с Бату-хана и кончая приходом к власти хана Токтамыша. «Тарих-и Дост-султан» написано в основном на материале преданий и устной информации, а также не дошедших до нас хроник.

ском под заглавием «Чингиз-наме», с которого было выполнено издание (Утемиш-хаджи, 1992); и списка под названием «Тарих-и Дост-султан» из личной библиотеки А.З.В.Тогана (см.: Gülensoy, 2005)⁴. Используя последнюю рукопись, турецкий историк Мустафа Кафалы называл отцом Мамаю некоего Алача (Kafalı, 1976, s. 39). Вслед за ним и Д.М.Исхаков пишет: «Отца его, по сведениям Утемиша-хаджи, звали Алаш (возможны и формы Алыш ~ Алиш)» (Исхаков, 2007, с. 211: Исхаков, Измайлов, 2007, с. 150). Связать этого персонажа с какой-либо из известных по другим источникам фигур не удастся (Исхаков, Измайлов, 2005, с. 150).

Данные Утемиш-хаджи легли в основу некоторых сведений в сочинении «Суть известий» («Умдет ал-ахбар») Абд ал-Гаффар Кырыми (полное имя автора – ал-Хадж Абд ал-Гаффар б. ал-Хадж Хасан б. ал-Хадж Махмуд б. ал-Хадж Абд ал-Ваххаб ал-Кырыми) (İstanbul, 1943, s. 13, 14 (№ 3))⁵. Поэт и секретарь дивана при крымском хане Каплан-Гирее I (1712–1714 гг., первое царствование), он происходил из крымского рода Ширин. Рукопись этого сочинения хранится в библиотеке Сулейманийе (библиотека Эсада-эфенди (Es'ad Efendi) No. 2331)⁶. Позже, правда без упоминания об отце Мамаю, эти сведения были проанализированы Ю.Шамильоглу (Schamiloglu, 1992).

Данные «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи и «Умдет ал-ахбар» о братьях Исатае и Алаче из рода кият, при правильности прочтения имени отца Мамаю, можно суммировать следующим образом:

Исатай (Иса-бек, Иса-гургэн, фаворит Узбека, его зять и тесть) ⇒ **Джир-Кутлы** ⇒ **Тенгиз-Буга**

Алач ⇒ **Мамаю** ⇒

Как замечает Д.М.Исхаков, Мамаю был как-то родственно связан с владельцами Крымского тумена Тулук-Тимуром (упомянут в 1358 г. как «сеньор Солхата») и его сыном Кутлуг-Тимуром (правил в Крыму, по А.П.Григорьеву, в 1300–1341 гг.) (Исхаков, Измайлов, 2007, с. 151).

В.В.Трепавлов, основываясь, прежде всего на «Подлинном родослове Глинских князей», считал отцом Мамаю упомянутого кията

---

⁴ К сожалению, эта ненапечатанная (?) работа, также как и рукопись, оказались для меня пока недоступными.

⁵ Правда, в каталоге библиотеки Эсада-эфенди автор упомянут как Абд ал-Гаффар б. ал-Хасан б. ал-Хадж Абд ал-Ваххаб ал-Кырымы (Дефтер, б.г., с. 135 (араб. шрифт)).

⁶ Об этом манускрипте см.: DeWeese, 1994, p. 145, 353; Дефтер, б.г., с.135. Части этой всемирной истории, относящиеся к Золотой Орде и Крымскому ханству, были вполне удовлетворительно опубликованы в 1924–1925 гг. (Kırımlı, 1343).

Джир-Кутлу: «...весь контекст разобранных событий, кажется, позволяет причислить этого бека к сыновьям Джир-Кутлуга – ко «многим детям», которых тот «породил»» (Трепавлов, 2007, с. 340).

На фоне этих отрывочных данных особо ценным для нас является одно малоизвестное сообщение анонимного крымского источника. Это так называемая «Историческая справка» («Доводы») последнего крымского хана Шахин-Гирея, предоставленная русскому резиденту Константинову («Перевод с копии, сообщенной от светлейшего Шагин-Гирей-хана резиденту Константинову, из доношения и приложения при оном от имени правительства к его светлости писанного») (Дубровин, 1887, с. 480–485). Справка была составлена, вероятно, по имевшемуся в распоряжении крымского правительства историческому сочинению (или сочинениям).

Содержание «Доводов», согласно несовершенному русскому переводу, таково: рассказ о разделении Чингизом в 1211 г. (610 г.х.) страны на 4 части; племена, обитавшие в этих частях; смерть в 1226 г. Джучи; сын Джучи Саин (Бату) начинает править над племенами правой руки, «а левая рука называемая часть, которую составляли живущие по реке Сирре, досталась уделом Иджан-хану». Смерть в 660 г.х. Саина, после него правит Берке – его брат. В 880 г.х. на престол вступает Джанибек-Махмуд. «По распоряжению мугуллов означенныя земли от берегов реки Волги до так называемого Маяк-Азыз на реке Днестре брода вручил в правление командовавшему над всем правая рука именуемым ханским войском Беглер-бею и Хаджину сыну Мамай-бею. Сей Беглер-бей и после Джанибек-хана правительствовал над оными землями по 838 год в котором произошли странные приключения у Тохтамыш-хана с беом Эдиду».

Несмотря на то, что упомянутые даты по хиджре по отношению к описываемым событиям явно не верны, основные персонажи поддаются отождествлению. Иджан-хан здесь – это брат Бату, Орда-Ичен (монг. *эджен*), а Мамай-бей – знаменитый золотоордынский темник второй половины XIV в.; «Эдиду» – это Эдиге (Идегей) (Зайцев, 2005, с. 54, 55).

Захват Мамаем Крыма относится к началу или середине 60-х годов XIV в. Симеоновская летопись относит убийство Мамаем приемника и сына хана Хызра хана Тимура-Ходжи, переправу Мамаея через Волгу и захват им Крыма к 1361 г. (ПСРЛ, 1913, с. 101; Григорьев, 1983; см. также: Трепавлов, 2001, с. 59). Об этом пишет и Утемиш-хаджи в «Чингиз-наме» («Тарих-и Дост-султан»): во время правления Бердибека (1357–1359 гг.) «было много смут. Кыят Мамай забрал

правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы» (Утемиш-хаджи, 1992. с. 108, 135 (табл. XXX)⁷).

Эти данные подтверждают и памятные записи на полях армянских богослужебных книг крымского происхождения: Мамай силой овладел Солхатом, а потом и всем полуостровом в конце августа 1365 г. (Саргсян, 2004, с. 153 (№ 6), 156 (№ 10); Галенко, 2005, с.153). Ал-Калкашанди упоминал, что Мамай правил в Крыму в 776 г.х. (1374/5) (Сборник, 1884, с. 413). Оплотом Мамаея перед походом на Крым мог быть Азов, где ставленник Мамаея хан Абдулла чеканил монеты (с небольшими перерывами) с осени 1362 по 1370 г. (Григорьев, 1983, с. 37 и табл.), или же город Орда (место чеканки Абдуллы с 765 / 1363-64 гг.), который отождествляется А.П. Григорьевым с Запорожским городищем в 30 км южнее современного Запорожья (Григорьев, 1983, с. 35; Григорьев, 2007, с.117).

Итак, согласно «Исторической справке» Шахин-Гирея отцом Мамаея был князь (*бек*) (из клана кият, как свидетельствуют другие источники) по имени (или скорее носящий почетный титул) Хаджи. Таких имен (титулов) в источниках встречается несколько.

Во-первых, на эту роль может претендовать правивший Крымом после Зейн ад-Дина Рамазана Коджа Алибек б. Иса б. Тулук-Тимур (переписка египетских султанов с ним, по ал-Муhibби, была начата в 765 г.х. (Сборник, 1884, с. 349, 350)). В русском переводе Коджа и Хаджи могли быть перепутаны. Наконец, можно предположить, что Алач~Алаш~Алиш (из списка Утемиш-хаджи, принадлежавшего А.З.В.Тогану), и есть тот самый Коджа Алибек (при условии, что Алач есть испорченное Али-бек или же наоборот, Али-бек «исправленное» арабом тюркское имя Алач). В таком случае, данные тогановского списка Утемиш-хаджи и крымской «Исторической справки» не противоречат друг другу. Тогда Джир-Кутлы и Мамай оказываются двоюродными братьями.

Продолжая искать претендентов на роль отца Мамаея, носивших титул Хаджи, можно сделать еще несколько предположений. Маловероятно, что этим человеком мог быть Хаджи-Черкес: Ибн Халдун прямо называет его среди эмиров левой руки, к тому же они с Мамаем воевали за Сарай (Сборник, 1884, с. 389, 391). Еще один Хаджи (Бек-Хаджи) упоминается в известном ярлыке Токтамыша от 19 февраля

---

⁷ Последний, как было отмечено, был сыном Исатая (зятя и тестя хана Узбека Исы-бека).

1381 г. главе Крымского тюмена, правителю Солхата Кутлу-Буге о Сюткуле⁸. Однако и он вряд ли мог быть отцом Мамай – исходя, прежде всего, из временного контекста, а также из того, что ярлык был выдан заклятым врагом Мамай.

Похожее имя носил и один из трех братьев, разбитых Ольгердом в битве у Синих Вод в 1362 г. (Дмитрий, Кутлубуга и Хачебей). Однако этому противоречит одно обстоятельство: неясность исходной формы его имени. Как замечал А.Галенко, ее должна была быть Кочибей (Кочубей) (Галенко, 2005, с. 138). Принимая, в целом его доводы, можно все же добавить, что не всегда имя/титул Хаджи передавалось с утратой начального глухого спираанта. Иногда в русской передаче это давало форму Гаджи (напр, «Гаджитархан» – Хаджи-Тархан, или даже «Хастаракан» (Акты, 1897, с. 196)), или Хази в том числе и в личных именах (Акты, 1848, с. 382, 383; Литовская, 1910, стб. 353, 354). Улус Кутлубуги А.Галенко совершенно правдоподобно помещает в Солхате, отождествляя его с родственником (скорее всего, зятем) и приближенным хана Джанибека Инаком Кутлубугой (Галенко, 2005, с. 136). Улус Кочубея А.Галенко помещает в междуречье Днепра и Днестра (Галенко, 2005, с. 141).

Мне кажется, что отождествлению отца Мамай с Хаджи-беем помогает предложенное А.П. и В.П. Григорьевыми отождествление темника Мамай и некого Кичиг-Мухаммеда из платежной ведомости Тайдулы (сентябрь 1358 г.) (Григорьев, Григорьев, 2002, с. 211)⁹, только, скорее всего, Мамай (Кичиг-Мухаммед) был не сыном Кутлубуги, а его племянником. В 1365 г. Мамай (Кичиг-Мухаммед) воевал в Крыму со своим дядей родственником Джанибека Кутлубугой. В любом случае есть большой соблазн считать поход Мамай на Крым 1365 г. следствием синеводской битвы. Если наша реконструкция родственных связей эмиров правой руки верна, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что и Тайдула была из того же рода.

Золотоордынские эмиры правой руки из рода князя

Могулбуга (беклербек при Бердибеке, ум. осенью 1361 г.) ⇒ **Тимур-ходжа** (Темир – вероятный «Дмитрий» синеводской битвы).

---

⁸ Сюткуль («Молочное озеро») – место между Феодосией и Арабатом (Григорьев, 1979, с. 181; Протоколы, 1913, с. 231).

⁹ В.В.Трепавлов называет реконструированную А.П.Григорьевым «семью» «искусственно выращенной в «лаборатории» историка», хотя не отказывает гипотезе А.П.Григорьева в «некоторых несомненно рациональных основаниях» (Трепавлов, 2007, с. 345).

Инак Кутлугбуга (зять Джанибека, беклербек в правительстве Джанибека 1351-1358 гг.)⇒**Ильяс**¹⁰⇒**Кутлугбуга**

Кочи(Хаджи)бек⇒**Мамай** (Кичиг-Мухаммед, зять Бердибека)⇒безымянный сын (Мансур?)

Предложенные реконструкции ни в коей мере не претендуют на истину в последней инстанции. Автор должен сознаться, что многое в отождествлении указанных лиц и их родственных связях остается для него загадкой, и в настоящее время он не может считать вопрос об отце Мамае решенным. Тем не менее приведенные данные, возможно, помогут в будущем прояснить темные стороны истории Золотой Орды в XIV в.

Наконец, можно сделать еще одно замечание. Некогда В.Л.Егоров высказал предположение, что Мамай был беклербеком при Бердибеке (Егоров, 1980, с. 176, 185), что получило поддержку у одних исследователей, однако было оспорено В.А.Кучкиным (Кучкин, 1996, с. 117). Крымский аноним недвусмысленно свидетельствует, что Мамай все-таки занимал этот пост при Бердибеке.

Акты, 1848 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. – СПб., 1848.

Акты, 1897 – Акты Литовской Метрики. Т. I. Вып. 2. 1499–1507. – Варшава, 1897.

Галенко, 2005 – Галенко О. Золота Орда у битві біля Синіх вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Київ, 2005.

Греков, Якубовский, 1950 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.; Л., 1950.

Григорьев, 1979 – Григорьев А.П. Дата выдачи ярлыка Тохтамыша // Востокведение. Вып.6. Филологические исследования. – Л., 1979.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. – Л., 1983.

Григорьев, Григорьев, 2002 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – СПб., 2002.

Григорьев, 2007 – Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник 2006. – М., 2007.

---

¹⁰ Хотя, возможно, Ильяс был сыном Могулбуги (см.: Исхаков, Измайлов, 2007, с. 152).

Григорьев, Фролова, 1999 – Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVIII. – СПб., 1999.

Дефтер, б.г. – Дефтер-и китабхане-йи Эсад-эфенди. – Стамбул, б.г.

Дубровин, 1887 – Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. III (1779–1780 гг.). – СПб., 1887.

Егоров, 1980 – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980.

Зайцев, 2005 – Зайцев И.В. Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // Тюркологический сборник. 2003–2004. – М., 2005.

Исхаков, 2007 – Исхаков Д.М. Роль арабских историков в изучении средневековой истории татар // Восток-Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. – Казань, 2007.

Исхаков, Измайлов, 2007 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). – Казань, 2007.

Крамаровский, 2005 – Крамаровский М.Г. Где могила Мамаю? // Родина, 2005. № 9.

Кучкин, 1996 – Кучкин В.А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н.А.Баскакову: Н.А.Баскакову от коллег и учеников. – М., 1996.

Литовская, 1910 – Литовская Метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. Т. 1 – СПб., 1910 (Русская историческая библиотека, т. XXVII).

Маркевич, 1888 – Маркевич А.И. Поездка в г. Старый Крым // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 6. – Симферополь, 1888.

Протоколы, 1913 – Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 49. – Симферополь, 1913.

ПСРЛ, 1913 – Полное собрание русских летописей. Т. 18. – СПб., 1913.

Саргсян, 2004 – Саргсян Т.Э. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян // Историческое наследие Крыма. 2004. № 8.

Сборник, 1884 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Пер. В.Г.Тизенгаузена. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. – М., 2007.

Утемиш-хаджи, 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч, иссл. В.П.Юдина. – Алма-Ата, 1992.

DeWeese, 1994 – DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Pennsylvania), 1994.

Gülensoy Tuncer, 2005 – Gülensoy Tuncer. Ötemiş Hacı. Cengiznâme. Ankara, 2005.

İstanbul Kütüphaneleri – İstanbul Kütüphaneleri Tarih-Coğrafya Yazmaları Katalogları. I. Türkçe Tarih Yazmaları. 1. Fasikül (Umumî Tarihler). İstanbul, 1943.

Kafalı, 1976 – Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.

Kırımî, 1343 – Abdülgaflâr Kırımî. Umdetü't-tevarih (Neşr. Necib Asım; Türk Tarih Encümeni Mecmuası ilâvesi). İstanbul, 1343.

Schamiloglu. İstanbul, 1992 – Schamiloglu U. The Umdet ul-ahbar and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde // Central Asian Monuments. İstanbul, 1992.

Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов)*

Личность Мамаю, выдающегося правителя Золотой Орды (Улуса Джучи) второй половины XIV в., вызывает весьма противоречивые оценки в историографии. Исследователи характеризуют его как могущественного правителя, опытного политика и дипломата, храброго полководца. При этом его роль в истории и Золотой Орды, и Евразии в целом оценивается преимущественно негативно. Причина тому – сведения нарративных источников, на которые, в основном, и опираются исследователи. Большинство дошедших до нас сообщений о Мамае содержится в русских летописях, а также восточных (арабских, персидских и тюркских) исторических сочинениях, авторы которых выражали позицию правителей, враждебно относившихся к Мамаю, либо же сообщали о его деятельности со слов его победителей. Исключение составляют, разве что ряд арабских исторических сочинений, авторы которых отзываются о Мамае сравнительно нейтрально, без оценочных суждений и сообщают лишь о его статусе в Золотой Орде и его действиях в период смуты.

В одной из своих работ мы уже предпринимали попытку объяснить причины негативного отношения к Мамаю в русском летописании и пришли к выводу, что его образ представляет собой совокупность стереотипов, намеренно созданный в соответствии с политическими задачами заказчиков летописей (Почекаев, 2004). В настоящей статье мы намерены развить эту тему и оценить обоснованность этих стереотипов, их соответствие исторической реальности.

Безусловно, такая задача была бы практически нерешаемой, если бы в нашем распоряжении были только упомянутые нарративные источники с негативной оценкой деятельности Мамаю и собственные логические умозаключения. Однако сегодня наука располагает рядом других источников, анализ которых и позволяет нам более широко, с различных позиций взглянуть на роль Мамаю в истории Золотой Орды, Руси и Евразии в целом. Речь идет об официальных документах (правовые акты, дипломатическая переписка и пр.), нумизматическом

---

* Опубликовано: Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. – С. 53–77.

материале (монеты Золотой Орды), а также о ряде сообщений в исторических сочинениях, не содержащих оценочных суждений о Мамае. Все эти сведения и составляют основу для сравнения «летописного» и «исторического» (т.е., соответствующего исторической реальности) образов Мамая.

Представляется целесообразным обозначить основные стереотипы, связанные с этим деятелем и последовательно проанализировать их.

1. Узурпатор, мятежник и враг Чингизидов. Несколько веков в российской историографии преобладало мнение, что в Куликовской битве 1380 г. объединенные русские войска нанесли тяжелое поражение силам Золотой Орды. В 1980-е гг. это мнение постарался опровергнуть Л.Н.Гумилев. Он избрал для этого весьма оригинальный способ – объявил Мамай врагом Чингизидов, узурпатором и сепаратистом, стремившимся создать собственное государство, отделив от Золотой Орды значительную территорию; соответственно, русские на Куликовом поле сражались не с законными правителями Золотой Орды, а всего лишь с Мамаем – мятежником против ханской власти (Гумилев, 1992, с. 387; 1994а, с. 311; 1994б, с. 325, 348). Этот тезис был с готовностью поддержан рядом исследователей и публицистов, которые, собственно, и формируют «новое видение» русско-ордынских отношений в глазах общественности (Горский, 1998, с. 16; Данилевский, 2000, с. 277; Яковлева, 2002; Баймухаметов, 2005; Тихомиров, 2005; см. также: Петров, 2005). Однако насколько обоснованной является версия, отстаиваемая этими авторами?

Для ответа на этот вопрос необходимо сказать несколько слов о происхождении и семейных связях Мамая, поскольку эта информация позволяет объяснить причины многих его политических действий.

Мамай происходил из племени кият, которое по средневековой монгольской генеалогической традиции выводилось от Бодончара, дальнего предка Чингиз-хана. К какой именно ветви этого многочисленного племени принадлежал знаменитый темник, сегодня определить практически невозможно¹, однако известно, что часть киятов

---

¹ Л.Н.Гумилев полагает, что Мамай являлся потомком Сача-беки из рода Кият-Джуркин – троюродного брата Чингиз-хана и его соперника в борьбе за ханский трон в 1180–1190-е гг. В происхождении-то историк и видит причины ненависти Мамая к Чингизидам и стремление противостоять им и создать независимое государство (см. Гумилев, 1992, с. 291). Однако никаких прямых указаний на происхождение Мамая от Сача-беки не имеется. Род Кият был достаточно разветвленным и не ограничивался потомками Хабула, первого хана монголов, прадеда Сача-беки и Чингиз-хана. Согласно монголь-

осела в Улусе Джучи. Представители этого племени пользовались большим влиянием при золотоордынских ханах уже в первой четверти XIV в. Так, один из них, Иса (Исатай) породнился с ханом Узбеком, выдал за него замуж свою дочь и, в свою очередь, женился на ханской дочери, прибавив к своему имени почетную приставку «гурген», т.е. ханский зять. По некоторым сведениям, Иса-гурген был среди тех нойонов, которые помогли Узбеку придти к власти в Золотой Орде, и поэтому в течение многих лет пользовался ханскими милостями. Так, он дважды занимал высший в Золотой Орде пост беклербека – фактически верховного главнокомандующего и первого министра (СМИЗО, 2005, с. 221; Григорьевы, 2002, с. 13, 14). А когда Узбек в 1320-е гг. провел радикальную реформу управления в Золотой Орде и заменил улусных царевичей-Джучидов своими назначенными заместителями, Иса-гурген стал правителем восточного крыла Улуса Джучи – Синей Орды, где от власти были отстранены потомки Орду – старшего сына Джучи. Иса пользовался таким влиянием, что сумел передать свою власть по наследству – сыну Джир-Кутлугу, которому наследовал его собственный сын Тенгиз-Буга (Утемиш-хаджи, 1992, с. 105, 109; Трепавлов, 2007). Власть кийатов в Синей Орде продлилась до 1361 г., когда царевичи-Чингизиды вновь сумели вернуть себе власть.

Судьба Мамай, которого исследователи считают внуком Исы-гургена и, соответственно, двоюродным братом Тенгиз-Буги (Трепавлов, 2007), оказалась более тесно связана с западным крылом Улуса Джучи. Причиной тому – его близость с Бердибеком, сыном и преемником хана Джанибека. Будучи, по-видимому, его ровесником и другом детства (Григорьевы, 2002, с. 212), Мамай впоследствии женился на его сестре – дочери Джанибека (в некоторых источниках – дочери самого Бердибека) и, в свою очередь, получил право именоваться гургеном. Об этих родственных связях и умолчал в свое время Л.Н.Гумилев, поскольку ее упоминание полностью разрушило бы версию историка о Мамае как «узурпаторе и враге Чингизидов». А между тем, именно это родство предопределило последующую политическую ориентацию этого деятеля.

В правление хана Бердибека (1357–1359) Мамай делает головокружительную карьеру. Бердибек, не доверявший соратникам своего отца Джанибека (которого он, по некоторым сведениям, сам и убил) и

ской летописи XVII в. «Алтан Тобчи», Кийаты происходили от Бодончара – дальнего предка Чингиз-хана, давшего начало многим монгольским родам (Лубсан Данзан, 1973, с. 293).

даже тем эмирам, с помощью которых он сам пришел к власти, отдал от ханского двора многих влиятельных ранее царедворцев. Первые места в дворцовой иерархии заняли новые лица, и первым среди них оказался Мамай, который около 1358–1359 гг. занял пост беклербек: в качестве такового он упоминается в труде арабского историка Ибн Халдуна и в Львовской летописи (см.: СМИЗО, 2005, с. 276; Насонов, 2002, с. 315; Миргалеев, 2003, с. 33; Хан, 2004, с. 142).

Однако правление Бердибека оказалось весьма кратковременным: в 1359 г. он умер или был убит. Соответственно, лишился своего высокого поста и его ставленник Мамай, сумевший, впрочем, сохранить должность темника – командира десяти тысячного отряда. В течение нескольких лет (1359–1361) он оставался в Сарае, находясь при дворе в качестве близкого родственника ханского семейства, и не вмешивался в междоусобицы. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что он выжил и сохранил свои позиции в правление противоборствующих ханов – Кульпы, Наурузбека и Хызра, хотя последний расправился даже с Тайдулой – вдовой Узбека, матерью Джанибека и бабкой Бердибека. Только после убийства Хызра, когда на престол Золотой Орды одновременно стали претендовать родичи Хызра – брат Мюрид и сын Тимур-ходжа, Мамай, понял, что власть в Золотой Орде навсегда может уйти из рук потомков Бату, с которыми он был связан и начал активные действия. Он собрал эмиров и войска верные Батуидам, и ушел на юго-запад – вероятно, в Крым (Московский свод, 2000, с. 247; Утемиш-хаджи, 1992, с. 108).

Обратим внимание, что он не покусился на жизнь хана и не попытался создать независимого владения, как поступили Пулад-Тимур в Волжской Булгарии или Хаджи-Черкес в Хаджи-Тархане. Он просто вывез представителей ханского семейства в Крым, где правили эмиры, верные дому Бату, и тем самым обеспечил его безопасность (Григорьев, 2004б, с. 145).

В том же 1361 г. Мамай поддержал в борьбе за трон Кильдибека, внука Узбека и, следовательно, представителя законной ветви ханского рода². Кильдибек не был его прямой креатурой, поскольку беклербек нового хана стал не Мамай, а Яглы-бай из племени бахрин –

---

² По мнению некоторых авторов, Мамай противостоял Кильдибеку и даже в конце концов разгромил его (см., напр.: Греков, Якубовский, 1998, с. 213; Григорьев, 1994, с. 32–34), однако новые исследования позволяют утверждать, что Мамай выступал именно на стороне этого претендента, а не против него (Варваровский, 2008, с. 80; Миргалеев, 2003, с. 32).

сын Тоглу-бая, который, по некоторым сведениям, умертвил хана Джанибека и возвел на трон Бердибека (Григорьев, 1994, с. 31). Только после разгрома и гибели Кильдибека Мамай, наконец, возводит на трон собственного ставленника – также «отрока из детей Узбека» по имени Абдаллах (СМИЗО, 2005, с. 276)³.

После нескольких неудачных попыток захватить Сарай, столицу Золотой Орды, Мамай и Абдаллах закрепляются в Северном Причерноморье и начинают укреплять власть над западными уделами Золотой Орды. При этом от имени хана чеканятся монеты, выдаются ярлыки и пайзцы (Френ, 1832, с. 20; Банзаров, 1850, с. 7; Шабульдо, 2005, с. 102). Мамай, ставший при Абдаллахе беклербеком, никоим образом не претендовал на формальное закрепление своего статуса фактического правителя. Между тем, иногда беклербеки становились даже формальными соправителями ханов. Так, сохранились монеты с именами ханов первой пол. XV в. Дервиша и Бек-Суфи, на которых наряду с ханскими именами указано имя их беклербека Идику – Едигея русских летописей (Сафаргалиев, 1960, с. 192; Северова, 1994, с. 98–100). В Мавераннахре в 1370–1380-е гг. осуществлялся выпуск монет с именем одновременно и «султана правосудного Сююргатмышша», и «эмира Теймура Гуркана» (Савельев, 1858, с. 261). Характерно, что ни Идику, ни Тимура никто никогда не обвинял в узурпации власти! Не очень понятно, за что такой «чести» удостоился Мамай, имя которого никогда не появлялось на монетах рядом с именами «его» хана⁴.

В 1369/1370 г. имя Абдаллаха исчезает из исторических источников, и новым «мамаевым» ханом назван Мухаммад (вероятно, внук или правнук Узбека)⁵. Отметим, что даже негативно относящиеся к

---

³ А.Г.Гаев выводит родословную Абдаллаха и следующего «мамаева» хана Мухаммада от Туга-Тимура, 13-го сына Джучи (Гаев, 2002, с. 23, 24), однако указание Ибн Халдуна на то, что Абдаллах был «из детей Узбека» в большей мере вызывает доверие и больше соотносится с политикой Мамаю по поддержке потомков Бату. То же касается и Мухаммада: в своем ярлыке русскому митрополиту Михаилу он ссылается на ярлык Бердибека – последнего законного (именно в глазах Батуидов) хана, а не на череду представителей других ветвей рода Джучи, пребывавших на троне в 1360-е гг. и также, вероятно, жаловавших ярлыки русской православной церкви.

⁴ Описанная Х.М.Френом монета, чеканенная в 763 г.х. (1361/1362 г.), якобы от имени Мамаю, да еще и с ханским титулом (Френ, 1832, с. 20), вызывает весьма скептическое отношение других нумизматов.

⁵ До сих пор исследователи спорят о количестве ханов, возведенных на трон Мамаем. Одни историки считают, что его последним ставленником был Мухаммад, также носивший тюркское имя Булак (или Туляк), называя его также

Мамаю русские летописцы не обвиняют Мамаю в убийстве Абдаллаха, очевидно, он умер естественной смертью⁶. С возведением же на трон его преемника есть некоторые неясности.

Согласно данным нумизматики, Мамай провозгласил Мухаммада ханом в своей ставке уже в 1369/1370 г. Однако в 773 г.х. (1371/1372 г.) в Сарае и Мохше чеканит монету некая Тулунбек-ханум (Янина, 1954, с. 446; Сидоренко, 2000, с. 286). Высказано предположение, что эта ханша – не кто иная, как дочь Джанибека и супруга самого Мамаю (см.: Варваровский, 2008, с. 89; Миргалеев, 2003, с. 37). Несомненно, ее происхождение от легитимной ветви Джучидов и поддержка самого могущественного эмира Золотой Орды могли позволить ей овладеть трон⁷. Причиной беспрецедентного возведения на сарайский трон

«Мухаммад-Булак» (Френ, 1832, с. 21; Савельев, 1858, с. 51–59; Марков, 2008, с. 46–48; Григорьев, 1983, с. 41–42; Грумм-Гржимайло, 1994, с. 119; Греков, Якубовский, 1998, с. 211; Федоров-Давыдов, 2003, с. 94–101; Пономарев, 2002, с. 64; Гончаров, 2008, с. 59). Другие полагают, что Мухаммад и Туляк – разные лица, и Туляк был третьим ставленником Мамаю (Насонов, 2002, с. 317; Мухаммадиев, 1983, с. 97; Кучкин, 1996, с. 121–123; Сидоренко, 2000, с. 278–279; Гаев, 2002, с. 25). Нам ближе первая позиция, поскольку она подтверждается нарративными и нумизматическими источниками: арабские средневековые историки сообщают только о ханах Абдаллахе и Мухаммаде, монеты Мухаммада(-Булака) также чеканятся до 782 г.х. (1380 г.).

⁶ Несмотря на это, некоторые исследователи допускают, что Абдаллах был свергнут или даже умерщвлен Мамаем (см., напр.: Грумм-Гржимайло, 1994, с. 119; Греков, Якубовский, 1998, с. 211).

⁷ Еще одним косвенным аргументом в пользу отождествления Тулунбек с неизвестной по имени «Ханум», супругой Мамай и ханской дочерью, являются два сообщения русских источников. Первое связано с победой Токтамыша над Мамаем на Калке в 1381 г.: «Царь же Токтамышь... сам шед взя Орду Мамаеву м царици его и казны его и улус весь его поймав...» (Памятники, 1998, с. 11). Обратим внимание, что речь идет о «царице», а не о «царевне» или «княгине», хотя сам Мамай в источнике титулуется князем. Это дает основания полагать, что его супруга обладала ханским титулом. Второе сообщение относится уже к эпохе правления Токтамыша, к 1386 г.: «Того же лета царь Токтамышь убилъ самъ свою царицу, нарицаемую Товлунбека» (Рогожский, 2000, с. 124). А.П.Григорьев отождествляет эту «Товлунбеку» со старшей женой Токтамыша Тогай или Тогайбек, дочерью крымского эмира Бек-Хаджи и матерью его шести сыновей (Григорьев, 2004а, с. 109). Однако, на наш взгляд, «Товлунбека» больше напоминает именно «Тулунбек»: есть все основания полагать, что эта и была та самая «царица» Мамаю, которая была взята Токтамышем после победы над темником в 1381 г. в жены, чтобы повысить свою легитимность в наследовании трона Золотой Орды

женщины мог стать возраст нового ставленника Мамай: согласно летописным сообщениям, в 1379 г. темник умертвил «своего» хана, которому было 18 лет (Татищев, 2003, ч. III, гл. 54), следовательно, во время возведения на трон Мухаммаду могло быть около 8–9 лет. Всепомощный беклербек, опасаясь, что ордынские эмиры не признают ханом ребенка, решил временно передать трон более взрослой Тулунбек, внучке, дочери и сестре ханов.

Власть же Мухаммада Мамай стал устанавливать постепенно: так, в 1370 г. по его приказу русские князья совершили поход на Булгар и заставили местного эмира Асана (Исана)⁸ признать власть Мухаммада в Верхнем Поволжье. И лишь некоторое время спустя беклербек считал, что легитимность нового хана достаточна для предъявления претензий на Сарай. Как и при Абдаллахе, при Мухаммад-хане Мамай не претендовал на какое-то положение формального соправителя законного монарха: и монеты, и ярлыки выдавались исключительно от имени хана.

Впрочем, в сохранившемся до нашего времени ярлыке Мухаммад-хана русской церкви имеется весьма интересное указание на особый статус Мамай. Ярлык митрополиту Михаилу, выданный в 1379 г. начинается со следующей фразы: «Бесмертного бога силою и величием из дед и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию, татарским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможенным побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодешником или кто на каково дело, ни поидеть многим людям и ко всем» (Зимин, 1955, с. 465). Мамаевою мыслию» означает в данном случае «во главе с Мамаем» (Зимин, 1955, с. 473).

Мамай, таким образом, фигурирует в качестве главы всех золотоордынских чиновников и военачальников, т.е. беклербека. Слово «дядиною», неоднократно привлекавшее внимание исследователей, свидетельствует о том, что он, помимо должности беклербека, обладал также и титулом «титям», который в монгольской имперской традиции даровался крупным чиновникам (Григорьев, 2004б, с. 183–184;

(см.: Сидоренко, 2000, с. 287) . Очевидно, хан не доверял ей и казнил по подозрению в заговоре.

⁸ Некоторые авторы видят в этом болгарском (казанском) правителе Асане бывшего хана Хасана из рода Шибана, пятого сына Джучи, который правил в 1368–1369 гг. в Сарае, был свергнут и, якобы, обосновался в Булгаре или даже Казани (см., напр.: Насонов, 2002, с. 317). А.В.Пачкалов убедительно доказал, что Хасан Шибанид и Асан (Исан) Булгарский – два разных деятеля (Пачкалов, 2005, с. 154).

Рыкин, 2007, с. 482-483)⁹. По всей видимости, этот титул должен был подчеркнуть заслуги Мамай в поддержании ханской власти и управлении государством, однако и он не дает оснований обвинять последнего в узурпации.

Под 1379 г. русские летописцы сообщают, что Мамай умертвил своего 18-летнего хана и многих его приближенных. В.Н.Татищев на основании этого сообщения делает и более широкое обобщение, заявляя, что «Волжской орды нечестивый гордый князь Мамай всею Ордою владел, и многих ханов и князей побил, и поставил себе хана по своей воле» (Татищев, 2003, ч. III, гл. 54). Вполне вероятно, историк имел в виду, что Мамай, укрепляя власть «своего» хана, всячески расправлялся не с «собственными» ханами, а с другими претендентами на трон Сарая, которые не относились к потомкам Бату. Тем не менее, на основании этого сомнительного, в общем-то, сообщения летописцев, которым необходимо было обвинить Мамай в узурпации в глазах русских (а что могло стать лучшим подтверждением тому, чем убийство собственного монарха?), некоторые исследователи выстраивают целые концепции: якобы, Мамай умертвил (или изгнал) хана Мухаммада и, оставшись без хана, утратил легитимность в глазах и собственных подданных, и русских вассалов (см.: Миргалеев, 2003, с. 37, 40; ср.: Гончаров, 2008, с. 59).

Развивая мысль, высказанную в этом сообщении летописцы, наконец, завершают формирование образа Мамай как узурпатора власти, обвинив его в том, что он перед Куликовской битвой не только убил хана, но и провозгласил ханом себя самого (см., напр.: ПСРЛ, 2000, с. 46–47; Татищев, 2003, ч. III, гл. 54; ср.: Григорьев, 2004б, с. 179).

Упомянутому летописному сообщению, а следовательно, и сделанным на его основе выводам противоречат данные нумизматики: монеты хана Мухаммада чеканились до 782 г.х. (1380 г.) включительно. Даже в русских источниках «царь Теляк» упомянут в качестве участника Куликовской битвы (Памятники, 1998, с. 37, 75). Таким образом (даже оставляя в стороне дискуссию о том, являются ли Мухаммад-хан и «царь Теляк» одним лицом или разными), вполне однозначно можно утверждать, что ко времени Куликовской битвы хан у Ма-

---

⁹ А.П.Григорьев в своих ранних работах высказал предположение, что «дядиною» – искаженный в русском переводе титул «тудун», который еще со времен Хазарского каганата носили тюркские правители Крыма, а о власти Мамай над Крымским полуостровом сообщают многие источники (Григорьев, 1980, с. 172, 173), однако позднее отказался от этой этимологии.

мая был. Другое дело, что после битвы он не упоминается, что дает основания предполагать его гибель на Куликовом поле (Григорьев, 2004б, с. 178, 179).

Как видим, версия о сражении на Куликовом поле русских не против Орды, а всего лишь против «узурпатора» Мамай, является совершенно несостоятельной. В самих же русских источниках упоминается либо «царь Теляк», либо сам Мамай с «царским» же титулом (Памятники, 1998, с. 97, 112, 137, 226)¹⁰. Следовательно, русские князья во главе с Дмитрием Московским (Донским) вполне отдавали себе отчет, что выступают именно против Орды¹¹.

Полагаем, крушение власти Мамай оказалось связано именно с гибелью его хана. После Куликовской битвы беклербек не успел возвести на престол другого потомка Бату, и когда он выступил против Токтамыша, его войска, не имевшие хана, естественно, признали таковым Токтамыша – прямого потомка Джучи, имевшего, следовательно, права на трон. Мамай, популярный в войсках, вероятно, мог бы собрать верных ему воинов и оказать сопротивление Токтамышу, но он предпочел бежать в Крым. Вряд ли он это сделал из трусости: по-видимому, он не хотел выглядеть в глазах воинов мятежником против Чингизида и поэтому отступил без боя, скорее всего, намереваясь выдвинуть в Крыму нового хана, которого мог бы противопоставить Токтамышу и переманить на свою сторону его войска (точно так же, как его войска отошли от него, поскольку у него не было в тот момент «своего» хана), тем самым одержав бескровную победу над конкурентом. Однако Мамаю не повезло, и в Крыму он был убит. Об обстоя-

---

¹⁰ Весьма любопытно отметить, что не только в русской, но и в арабской более поздней исторической традиции Мамай представлен как монарх. Так, например, ал-Аскалани, автор сер. XV в., упоминает его как «хана, процарствовавшего (там) 20 лет;», а другой автор, Ибн Тагриберди, прямо сообщает, что в этом (782) году умер Мамай, царь татарский и правитель Дешта, вступивший на престол после Килдибекхана в 763 году (31 октября 1361 – 20 октября 1362 г.)» (СМИЗО, 2005, с. 325, 327).

¹¹ Версия Л.Н.Гумилева о том, что Дмитрий Донской действовал, якобы, в союзе с Токтамышем (Гумилев 1995, с. 173), опровергается сообщениями русских же летописей. Во-первых, Токтамыш впервые упоминается в летописях уже после Куликовской битвы, несмотря на то, что он к этому времени уже овладел Сараем (см.: Миргалеев, 2003, с. 41). Во-вторых, имеется сообщение, что послы Токтамыша на Русь после разгрома Мамай даже не рискнули доехать до великого князя, испугавшись анти-ордынских настроений на Руси после Куликовской битвы (Московский свод, 2000, с. 281).

тельствах его гибели мы поговорим ниже, а сейчас нас интересуют некоторые сведения, относящиеся к событиям уже после его смерти.

В 1990-х гг. на окраине Старого Крыма (ордынского города Солхат) был обнаружен могильный курган, который исследователи не без оснований считают могилой Мамая. Археологи отмечают, что курган представляет собой захоронение золотоордынского сановника высокого ранга или же племенного вождя (Крамаровский, 1996; 2005). На наш взгляд, этот факт свидетельствует о том, что даже хан Токтамыш, победитель Мамая, воспринимал его как видного противника в борьбе за трон (который заслуживал уважения и посмертных почестей), а не мятежника – иначе он бы велел похоронить его тайно, без всякой пышности, чтобы и следов о нем не осталось.

Еще одним подтверждением того, что законные власти Золотой Орды не считали Мамаю узурпатором служит судьба его потомков. В труде Шараф ад-Дина Йазди, тимуридского историка нач. XV в., имеется сообщение, относящееся к походу Тимура против Токтамыша и битве на р. Кондурча в 1391 г.: «В это время привели раненого сына Мамака. Государь расспросил его. Он сказал: «Из Сарая я шел к хану. Там, где мы условились, я его не нашел»» (Йазди, 2008, с. 145; ср.: СМИЗО, 2006, с. 226). Исследователи полагают, что этим «сыном Мамака» являлся не кто иной как Мансур – сын Мамаю и родоначальник князей Глинских. Как видим, принадлежность к семейству Мамаю не помешала его сыну поступить на службу к новому хану а, возможно, и погибнуть, сражаясь за победителя своего отца (Шенников, 1981). Несомненно, будь Мамаю узурпатором, хан расправился бы не только с ним, но и его семейством – по крайней мере, с сыновьями, которые помогали отцу.

Еще одно небезынтересное сообщение относится уже к 1501 г., когда последний хан Золотой Орды Шейх-Ахмад направил письмо князьям Глинским, с помощью которых намеревался заручиться поддержкой их сюзерена, польского короля Александра Ягеллона, в борьбе с Крымским ханством. В послании, в частности, присутствует такая фраза: «Кияты князя Мамаевы истинные дети, там рядом с братом моим, а здесь рядом со мной в моём царстве, справа и слева уланы, князья, четыре корачи большие, у меня нет слуг больших и лучших, чем Кияты князя» (цит. по: Шенников, 1981, с. 20). Как видим, даже спустя 120 лет после разгрома Мамаю Токтамышем ханы Золотой Орды не рассматривали его как узурпатора, а напротив считали весь его род верными слугами ханов Улуса Джучи.

2. Сепаратист. Еще одно обвинение Мамаю, также выдвинутое в свое время Л.Н.Гумилевым и с готовностью поддержанное исследователями и публицистами – сепаратистские устремления (см.: Тихомиров 2005; Варваровский 2008, с. 94). На первый взгляд, оно выглядит гораздо более обоснованным, нежели обвинение в узурпации: русские летописцы вполне определенно говорят о «Мамаевой Орде», противопоставляя ее Сарая, «Заволжской Орде», «Муротовой Орде» и др. Это дает исследователям основание говорить о существовании некоего самостоятельного государственного образования, «эмирата» Мамаю (Кожин, 2000; Гончаров, 2005, с. 99; 2008, с. 61).

Между тем, есть все основания видеть в темнике не сепаратиста, а напротив – собирателя ордынских земель. Нельзя не признать, что в период его правления в Золотой Орде законные ханы из рода Бату полностью утратили контроль над восточной частью государства (Синей Ордой и Хорезмом) и периодически теряли Сарай. Однако не будем забывать, что в течение 1360–1370-х гг. под их единой властью находились практически все Поволжье, Северный Кавказ, Крым и Северное Причерноморье – ни один из противоборствующих ханов не обладал в это время столь обширными владениями.

Самой существенной потерей стало, конечно, окончательное отделение Синей Орды. Однако и в более спокойные времена удержать ее на долгое время под контролем сарайских ханов было практически невозможно.

Уже изначально Синяя Орда формировалась как фактически самостоятельное государственное образование, имеющее собственного правителя и лишь номинально признававшее верховенство верховного хана Улуса Джучи. Такая ситуация сложилась, вероятно, в силу того, что первым правителем Кок-Орды стал Орду – старший брат верховного золотоордынского правителя Бату, номинально считавшийся главой Джучидов. В дальнейшем процесс раздельного существования двух частей Улуса Джучи усугубился, поскольку в течение нескольких поколений потомки Орду наследовали трон Синей Орды и проводили фактически самостоятельную политику, не координируя ее с ханами Сарая – иногда из-за слабости верховных правителей, иногда потому что сами были весьма могущественны и энергичны (см., напр.: Allsen, 1987).

За всю историю Улус Джучи только дважды представлял собой единое государство – объединение Белой и Синей Орды под единой властью: в 1330–1350-е гг., когда Узбек отстранил от власти династию потомков Орду и назначил в Синюю Орду своих наместников во главе

с Исой-гургеном, и 1380-е гг., когда Токтамыш в результате «личной унии» (т.е. став ханом сначала Синей, а затем и Белой Орды) объединил оба крыла Джучидской державы. Но уже в 1390-е гг. Токтамышу пришлось признать автономию улусов за Уралом, в которых практически всю полноту власти захватил мангытский эмир Идику (Трепавлов, 2001, с. 75-76). С этого времени начинается совершенно разная, самостоятельная история «Заволжской Орды» – бывшей Белой Орды, находившейся во власти ханов Сарая, и Восточного Дешт-и Кипчака – бывшей Синей Орды.

Однако тенденции к самостоятельности Синей Орды в полной мере были реализованы задолго до Токтамыша и Идику. В 1361 г. местные цареви́чи-Чингизиды совершили переворот и свергли наместников из рода кият во главе с Тенгиз-Бугой, а сам он был убит. К власти пришел Кара-Ногай, сын Сазы из рода Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи, которому наследовали его братья и племянники. В течение нескольких лет они постоянно сменяли друг друга на троне¹², пока у власти не оказался представитель другой ветви Туга-Тимуридов, Мухаммад Урус-хан (Утемиш-хаджи, 1992, с. 113; Гаев, 2002, с. 14, 15)¹³. Ему удалось окончательно справиться с раздробленностью в Синей Орде и подчинить всех региональных эмиров-правителей и владетельных Джучидов своей власти. Кто не подчинился, тот был убит – как, например, правитель Мангышлака Туй-ходжа-оглан, отец Токтамыша (СМИЗО, 2006, с. 258, 404). Укрепление власти позволило Урусу, в свою очередь, предъявить права на трон Сарая 1370-е гг.

То, что Мамаю при всей его властности и энергичности так и не удалось вернуть потомкам Бату контроль над восточной частью Улуса Джучи, вероятно, следует объяснять именно его родством с прежними

---

¹² А.Г.Гаев насчитывает за 7 лет до пяти правителей Синей Орды (Гаев, 2002, с. 14).

¹³ В историографии существуют две противоположные точки зрения относительно истории Синей Орды конца 1320-х – начала 1360-х гг. Согласно одной из них, власть потомков Орду в этом улусе не прерывалась, и именно они в лице хана Уруса сумели, в конце концов, восстановить единство Улуса Джучи (Ускенбай, 2003, с. 20–22; Григорьев, 2004б, с. 205; Султанов, 2006, с. 270). Уязвимость этой позиции заключается в том, что ее сторонники опираются в основном на сочинение Муин ад-Дина Натанзи, (ранее известное как «Аноним Искандера»), которое признается многими исследователями своеобразным «историческим романом», а не научным сочинением. Поэтому мы придерживаемся второй версии, которая подтверждается рядом нарративных источников, нумизматическими материалами и обоснованной аргументацией исследователей (см., напр.: Муизз, 2006, с. 44, 45; Гаев, 2002, с. 14, 15; Костюков, 2007, с. 196–201).

наместниками из племени. Слишком негативное отношение к представителям этого семейства сложилось в Восточном Деште, слишком сурово они управляли вверенными им областями¹⁴. Поэтому есть все основания полагать, что во время переворота Туга-Тимуриды покончили не только с самим Тенгиз-Бугой и его родичами, но и большинством их влиятельных сторонников в Синей Орде. Не случайно в труде Утемиша-хаджи, выразителя интересов правителей Восточного Дешта Мамай, представитель этого рода, назван «черным человеком». И бек-лербек не мог не понимать, что ему будет оказано самое ожесточенное сопротивление, если он попытается вернуть Синюю Орду под власть сарайских ханов, а следовательно – и своего семейства. Именно поэтому он предпочел утратить часть Улуса Джучи (которая и так почти никогда не находилась под контролем Сарая), чем потерять все. Вместо напрасной борьбы на Востоке он сосредоточился над укреплением власти Батуидов в западных улусах Золотой Орды, в чем и добился значительных успехов.

Об этом, свидетельствует, в частности, весьма надежный источник – нумизматический материал. Клады золотоордынских монет, относящиеся ко времени смуты («Великой замятни») свидетельствуют, что монеты «мамаевых» ханов Абдаллаха и Мухаммада выпускались в гораздо большем количестве и обращались на куда более обширных территориях, нежели монеты их соперников, sporadически занимавших сарайский трон (см.: Пономарев, 2002, с. 64; Федоров-Давыдов, 2003, с. 76–111; Пачкалов, 2004, с. 159–161).

Понимая, что Сарай при активном противоборстве различных претендентов на трон не сможет служить надежным оплотом, Мамай принимает решение создать временную столицу для ханов из дома Бату в городе Орда (по другой версии – Шехр ал-Джадид)¹⁵. Полагаем,

---

¹⁴ Например, хивинский историк XVI в. Утемиш-хаджи сообщает, что Чингизиды находились у Исатая и его потомков «на положении рабов» и по приказанию Тенгиз-Буги участвовали даже в строительстве мавзолея его отца Джир-Кутлуга (Утемиш-хаджи, 1992, с. 105, 109). В.П.Юдин сделал вывод, что Чингизидам пришлось лично гнуть спину на строительных работах (Юдин 1992, с. 85). По нашему мнению, средневековый историк имел в виду, что их заставили нести повинности по строительству – предоставлять людей, выделять средства, обеспечивать питание и фураж для работников, т.е. лишили прежних льгот и привилегий.

¹⁵ Некоторые авторы склонны считать «Орду», указываемую на монетах «мамаевых» ханов, не городом, а кочевой ставкой темника, в которой пребывали и возводившиеся им на трон ханы (см.: Федоров-Давыдов, 1960, с. 109; Мир-

именно этот город (ханская ставка) и получил в русских летописях название «Мамаевой Орды», а не некое измышленное историками «самостоятельное государство», которое, якобы, стремился создать беклербек (см. также: Григорьев, 1990, с. 154).

Крым и Северный Кавказ традиционно находились в сфере влияния темника, и отсюда он мог постоянно черпать людские и материальные ресурсы для дальнейшей борьбы за консолидацию Золотой Орды. В 1360-е гг. его власть была признана эмирами Секиз-беем в Запьянье и Тагаем в Мохше¹⁶. Тем самым Сарай, был фактически обложен подчиняющимися Мамаю удельными правителями, что, безусловно, облегчало беклербеку неоднократные захваты столицы.

Иногда получалось так, что даже враждебные Мамаю ханы действовали в его интересах. Так, в 1367 г. сарайский хан Азиз-Шейх казнил болгарского правителя Пулад-Тимура – весьма энергичного государственного деятеля и полководца, который в течение семи лет являлся фактически независимым правителем Волжской Булгарии и чеканил здесь собственную монету. На смену Пулад-Тимуру пришел куда менее деятельный Асан (Исан), который в результате похода войск нижегородских князей, совершенного по приказу Мамаю, был вынужден признать власть хана Мухаммада (Московский свод, 2000, с. 253)¹⁷. Признавали власть ставленников Мамаю и местные племенные правители – так, например, в русских летописях упоминается о мор-

---

галеев, 2003, с. 36). Другие исследователи высказываются в пользу ее «стационарности» и расположения на территории современного Запорожья (Егоров, 1985, с. 13, 139; Григорьев, 1990, с. 153–156; Гончаров, 2008, с. 58–59).

¹⁶ Тагай и Секиз-бей воспринимаются исследователями (на основе летописных сообщений) как самостоятельные правители (см.: Биккинин, 2000). Однако известно, что в 1370-е гг. Мамаю запрещал русским князьям, своим вассалам, тревожить их уделы (Орлов, 2001), что свидетельствует о вассалитете последнего от «мамаевых» ханов. Тагай ранее признавал власть Кильдибека (Насонов, 2002, с. 314), поэтому нет ничего удивительного в том, что он подчинялся и последующим ханам из дома Бату – его преемникам.

¹⁷ Из сообщений летописцев отнюдь не вытекает вывод, сделанный рядом историков о том, что Асану был навязан соправитель в лице «Мамат Салтана» или «Салтана, Бакова сына», в котором одни видят самого хана Мухаммада (Насонов, 2002, с. 321; Кучкин, 1996, с. 121), в другом – его малолетнего сына (Насонов, 2002, с. 317; Горский, 2000, с. 92; Варваровский, 2008, с. 101). На наш взгляд, речь идет исключительно о том, что Асан признал власть хана Мухаммада и стал его наместником в Волжской Булгарии. «Баков сын», полагаем, означает, что он происходил от одного из многочисленных сыновей или внуков Узбека, чье имя также оканчивалось на «...бек».

довских князьях, оказавших войскам Мамаю поддержку в битве с нижегородскими дружинами на р. Пьяна в 1377 г. (Московский свод, 2000, с. 263, 264; Орлов, 2001). Таким образом, в течение первой половины 1370-х гг. Мамай контролировал практически все области Золотой Орды к западу от Урала.

Преданность Мамаю потомкам Бату – наиболее легитимной ветви рода золотоордынских ханов, привлекала к нему многих эмиров и племенных предводителей, благодаря чему ему неоднократно удавалось захватывать столицу. Так, Абдаллах-хан занимал трон в Сарае в 764 г.х. (1362/1363 г.) и 768 г.х. (1366/1367 г.), Мухаммад – в 773 г.х. (1371/1372 г.) и 777 г.х. (1374/1375 г.) (Григорьев, 1983, с. 34–37).

Впрочем, из-за обширности владений, находящихся под его властью, Мамаю не удавалось в равной степени контролировать все области: он не мог находиться в нескольких местах разом, а без его непосредственного участия его приверженцы часто проигрывали борьбу с другими претендентами на власть в Улусе Джучи. Так, пока он улаживал свои отношения с Литвой в юго-западной части Орды, трон в Сарае захватывали представители других ветвей рода Джучи. В результате постоянного обострения отношений с западными соседями – русскими князьями-вассалами и Литвой Мамай после 1374/1375 г. перестал предпринимать попытки возвести своих ставленников на трон в Сарае, и в результате столица и ее округа перешли под контроль Шибанидов и Туга-Тимуридов, враждебных роду Бату. Таким образом, между областями на юго-западе Улуса Джучи, непосредственно находившимися под контролем Мамаю, и уделами в Верхнем Поволжье, признававшими власть «его» хана, был вбит клин, в результате чего беклербек не мог оказывать поддержки своим поволжским союзникам и, в свою очередь, рассчитывать на их помощь.

Наиболее крупные потери в территориальном отношении Мамай понес в 1376–1378 гг., когда на троне в Сарае находились Каганбек и Араб-шах из рода Шибана, пятого сына Джучи. Сначала, в 1376 г. московские и нижегородские войска по приказу Каганбека совершили очередной поход в Волжскую Булгарию и заставили наместника Асана признать на этот раз зависимость от сарайского хана, а не от «мамаева» Мухаммада. Так, Волжская Булгария вышла из-под контроля Мамаю (Григорьев, 2004б, с. 169, 170). В 1377–1378 гг. следующий хан Араб-шах совершил походы против Тагая и мордовских союзников Мамаю, подчинив Сараю и их владения (Биккинин, 2004, с. 294). Так, Мамай утратил все владения в Верхнем Поволжье, которые он контролировал ранее. Правда, около 1375 г. под его контроль перешел Хад-

жи-Тархан, в котором после гибели (или смерти) местного независимого правителя Хаджи-Черкеса к власти пришел князь Салчи, являвшийся внуком хана Джанибека по женской линии и, следовательно, лояльный к ханам дома Бату (см.: Сафаргалиев, 1960, с. 133; Исхаков; Зайцев, 2004, с. 18, 19).

В результате к концу 1370-х гг. под непосредственным контролем Мамай оставались лишь Северный Кавказ, Крым и Северное Причерноморье. Его интерес к этим регионам объясняется, вероятно, тем, что сам он имел здесь личные владения и состоял в дружеских (а возможно, и в родственных) отношениях с местными золотоордынскими правителями. Здесь он в случае неудач всегда находил прибежище, чтобы с новыми силами вступить в борьбу за объединение Золотой Орды. Здесь ему удалось набрать воинов для битвы на Куликовом поле, и сюда же он бежал после поражения.

Таким образом, никаких признаков сепаратизма в деятельности Мамай мы не наблюдаем. Напротив, вся его деятельность была направлена именно на восстановление территориальной целостности Улуса Джучи. И остается только удивляться его политической прозорливости, благодаря которой он всегда успевал понять, каким регионом можно поступиться (часто – временно), чтобы не потерять все.

Стоит отметить, что до появления концепции Л.Н.Гумилева и его последователей о «сепаратизме» Мамай российские (советские) историки придерживались мнения, что деятельность Беклербек носила именно централизаторский характер, и неудачи его объяснялись лишь тем, что он не смог противостоять объективным центробежным тенденциям в Золотой Орде (см., напр.: Греков, 1980, с. 130).

3. Покровитель католиков, союзник Литвы и Генуи. В российской историографии в упрек Мамаю нередко ставятся его тесные связи с католическим Западом – римской курией, Генуей и Литвой. Некоторые авторы даже высказывают мысль, что поход Мамай на Русь состоялся по прямой указке генуэзских банкиров (Арсюхин, 2003; Серова, 2005; Ткаченко 2007)!

Упомянутые авторы как-то не принимают во внимание общие внешнеполитические традиции Золотой Орды в течение всего времени существования этого государства. А между тем, и итальянские торговые республики, и другие страны Западной Европы (и в первую очередь – папа римский, как самый влиятельный монарх Запада), и Литва всегда входили в орбиту их интересов. Мамай как легитимный Беклербек законных золотоордынских ханов просто не мог их игнорировать – напротив, он всячески старался развивать дипломатические связи с

прежними внешними партнерами Улуса Джучи, со многими из которых связь была утеряна за годы смуты.

Так, именно Мамаю принадлежит инициатива восстановления дипломатических отношений с султанатом мамлюков в Египте: в 773 г.х. (1371 г.) впервые после Джанибека он направил посольство к султану ал-Ашрафу Насир ад-Дину Шабану (СМИЗО, 2005, с. 258, 259; Крамаровский, 2005, с. 78; Варваровский, 2008, с. 103). Возможно, именно благодаря этому его имя оказалось запечатлено в трудах средневековых египетских историков – в отличие от имен многочисленных государственных деятелей и даже ханов Золотой Орды эпохи «Великой замятни», совершенно не известных египтянам.

Аналогичным образом Мамай поддерживал и развивал контакты с торговыми партнерами Золотой Орды – итальянскими республиками Венецией и Генуей и, конечно же, с быстро набиравшим могущество Литовским княжеством, которое к этому времени завоевало едва ли не всю Западную и Юго-Западную Русь. О каких-либо прямых контактах Мамаю с римской курией источники сведений не содержат¹⁸. А анализ взаимоотношений Мамаю с итальянскими республиками и литовскими князьями также не позволяет однозначно утверждать, что он находился в тесном союзе с ними.

Почему-то летописные сообщения о переговорах Мамаю и литовского князя Ягайло накануне Куликовской битвы трактуется историками как наличие между Мамаем и князьями Литвы долговременного союза (см. напр., Егоров, 1980, с. 211). А между тем, уже вскоре после прихода Мамаю к власти в Золотой Орде ордынско-литовские отношения приобрели откровенно враждебный характер.

Постепенное «выдавливание» ордынского присутствия из южнорусских земель началось еще в правление хана Узбека, в 1320-е гг., когда литовские князья, пользуясь тем, что хан был поглощен своими проблемами на востоке Улуса Джучи и войной с Ираном, захватили Волынь и Киев, а в 1330-е гг. заставили смоленских князей признать зависимость от Литвы. Однако до прямых военных столкновений между Ордой и Литвой тогда дело доходило нечасто, а по некоторым

---

¹⁸ Л.Н.Гумилев по одной ему известной причине считает, что Мамай поддерживал контакты с римской курией через генуэзских торговцев, поскольку папа римский, якобы, пользовался услугами генуэзских банкиров и, соответственно, через посредство генуэзских купцов реализовывал свои интересы в Золотой Орде. На основании этого недоказанного суждения он трактует и всю последующую политику Мамаю как серию уступок требованиям генуэзцев (Гумилев, 1992, с. 387–391, 422–427; 1995, с. 170–73).

сведениям новые литовские владетели в Юго-Западной Руси даже платили ордынский «выход», чтобы обезопасить свои новоприобретенные владения от набегов ханских войск (Вернадский, 2000, с. 210; Шабельдо, 1987, с. 37–3).

Зато когда в Золотой Орде началась смута («Великая замятня»), литовский великий князь Ольгерд счел это подходящим моментом, чтобы нанести своему ослабленному противнику мощный удар. В 1362 г. в битве на р. Синие Воды (совр. р. Синюха, приток Юж. Буга) были разгромлены крымские сторонники Мамаю – Кутлуг-Буга, наместник Солхата, Хаджи-бек, наместник Кырк-Ера и Дмитрий, греческий правитель вассального Золотой Орде княжества Феодоро (Карамзин, 1993, с. 228; Григорьев, 2004а, с. 110, 111). В результате победы на Синих Водах Литва захватила все ордынские земли Причерноморья к западу от порогов Днепра и к северу от низовьев Днестра и Южного Буга.

По мнению некоторых авторов, даже это страшное поражение Золотой Орды явилось плодом союза Мамаю и Ольгерда Литовского: якобы, потерпевшие поражение ордынские «князья» являлись независимыми правителями, не желавшими подчиняться Мамаю, и вторжение Ольгерда в их владения, по сути, было санкционировано Мамаем. Высказывается даже предположение, что Мамай выдал литовскому князю ярлык от имени хана Абдаллаха на захваченные земли (Гумилев, 1992, с. 421; Шабельдо, 1987, с. 68–71; 2005, с. 102 и след.).

Это предположение опровергается рядом фактов. Во-первых, и Хаджи-бек, и Кутлуг-Буга в течение всего правления Мамаю оставались у власти в своих крымских тюменах, и именно они снабжали беклербека войсками и припасами каждый раз, когда он терпел очередную неудачу в борьбе за Поволжье¹⁹. Во-вторых, пресловутый ярлык на причерноморские земли впервые был выдан только ханом Токтамышем литовскому великому князю и польскому королю Ягайло только в 1392 или 1393 г., и ни на какие более ранние пожалования ссылок в нем не было (Почекаев, 2006, с. 216, 217). В-третьих, нет никаких оснований говорить о союзе Мамаю и Ольгерда и согласованности их действий, поскольку сообщения об их вражде встречаются в источниках на протяжении 1360–1370-х гг.: то Мамаю приходилось

---

¹⁹ Тесные взаимоотношения Мамаю, в частности, с Кутлуг-Бугой позволили А.П.Григорьеву даже выдвинуть гипотезу, что последний был отцом Мамаю (Григорьевы, 2002, с. 209–213). Хаджи-бек и в дальнейшем участвовал в воинских предприятиях Мамаю, в частности, сражался на р. Воже в 1378 г. (Варваровский, 2008, с. 98).

сворачивать боевые действия на востоке своих владений и бросать войска на запад для противостояния литовцам, то Ольгерд отказывался от нападений на ордынские владения из-за того, что Мамай находился настороже (Егоров, 1985, с.81; Почекаев, 2006, с. 216). Уже под 1374 г. летописи упоминают, что «ходили Литва на татарове на Темерея, и бышеть межи ихъ бои» (Рогожский, 2000, с. 94).

Даже в 1370-х гг., когда основные разногласия по поводу южно-русских земель между Золотой Ордой и Литвой были улажены, в течение долгого времени не шло и речи о военном союзе между вчерашними врагами. Мамай в отношениях с Литвой интересовался, в первую очередь, безопасностью западных границ и торговые отношения. Беклербек был весьма неплохо осведомлен об экономической ситуации в Литовском государстве и старался использовать ее в своих интересах. Так, в течение долгого времени волынский город Львов обладал едва ли не полной монополией на торговлю стран Центральной Европы с Золотой Ордой. Чтобы изменить эту ситуацию, в 1372 г. Мамай от имени хана Мухаммада даровал торговые привилегии купцам Кракова – основного конкурента Львова. А в 1379/1380 г. привилегии получил и Львов – уже для того, чтобы составить конкуренцию Кракову (Хеллер, 2001, с. 119).

Активизация торговых отношений Золотой Орды с польскими и литовскими городами в 1370-е гг. была отнюдь не случайной. Дело в том, что как раз в это время обостряются отношения между Мамаем и итальянскими торговыми республиками. Так, например, в Азове, в котором в эпоху Золотой Орды размещалась венецианская колония, обнаружена надгробная плита Якопо Корнаро, венецианского консула и посла в Золотой Орде, который погиб 18 августа 1362 г. Есть основания полагать, что он, как глава венецианской общины Азова, решил поддержать одного из соперников Мамаи и «его» хана Абдаллаха, за что и поплатился жизнью (Григорьев, 1994, с. 33). Впрочем, некоторое время спустя Мамай сумел поладить с венецианцами Таны, снизив коммеркий (налог с продажи) с 5%, установленных Джанибеком в 1347 г., до 4%. В 1369 г. к Мамаю было направлено новое венецианское посольство, задачей которого было добиться снижения и этой ставки уже до 3% – таким налогом облагались генуэзские товары (Скржинская, 1973, с. 116)²⁰.

---

²⁰ Е.Ч.Скржинская полагает, что налог с продажи, взимаемый с венецианцев в размере 5%, был снижен Хызром, к которому и отправлялся Корнаро (Скржин-

Однако, несмотря на то, что генуэзцы находились в более выигрышном положении по сравнению с венецианцами, нет оснований говорить об их нежной дружбе с Мамаем. Напротив, к 1375 г. отношения между ними настолько накалились, что едва не дошло до открытой войны. Как раз в это время Мамай в очередной раз был вытеснен из Сарая ханом Урусом и, как уже отмечалось выше, отказался от дальнейших попыток овладеть столицей, поэтому он сосредоточил внимание на обеспечении безопасности своих основных владений – и в первую очередь, Крыма.

Именно в это время он осознал опасность, которой ему грозило наличие почти в сердце его владений двух хорошо укрепленных генуэзских крепостей Кафа и Солдайя (совр. Феодосия и Судак). Чтобы обезопасить свой удел от возможных посягательств со стороны генуэзцев (в случае очередного ухудшения его положения, поскольку от борьбы за власть над Золотой Ордой он отказываться не собирався), Мамай, недолго думая, приказал отнять у генуэзцев в свою пользу 18 селений Судакской долины, которые были захвачены самими генуэзцами у княжества Феодоро вместе с самим Судакком в 1365 г. Таким образом, ему удалось создать некоторую «прослойку» между генуэзскими владениями и своей ставкой в Солхате (совр. Старый Крым). Кроме того, он распорядился обнести крепостными стенами город Солхат, что само по себе являлось актом беспрецедентным, ибо золотоордынские города традиционно стен не имели (Кеппен, 1837, с. 83–85; Григорьев, 2003, с. 27, 28). Как видим, действия Мамаю отнюдь не подтверждают союз с генуэзцами и даже доверие к ним!

Скорее, в союзе с генуэзцами следует подозревать не Мамаю, а его победителя – Токтамыша, который в 1381 г. выдал генуэзской коммуне Кафы ярлык, в соответствии с которым возвращал ей 18 селений, конфискованные Мамаем (Desimoni, 1887, р. 162–165; Кеппен, 1837, с. 81, 82; Григорьев, 2003, с. 28). А между тем, его опустошительный поход на Москву в 1382 г. никто не пытается представить как результат интриг генуэзцев!

Поэтому не удивительно, что Мамай старался развивать северные сухопутные торговые пути через Литву, чтобы не зависеть целиком от причерноморской торговли, контролируемой Венецией и Генуей. Все это как-то не очень отвечает сформировавшемуся стереотипу о беклербеке как проводнике генуэзских интересов в Золотой Орде и, тем

ская, 1973, с. 115, 116). Однако в источниках нет никаких прямых указаний, на то, что венецианец вел переговоры именно с этим ханом.

более, в отношениях с Русью. Скорее, свидетельствует о его политическом чутье и стремлении вернуть Золотой Орде прежнее ведущее положение на международной арене, создавая определенный баланс между различными иностранными силами, имеющими влияние в государстве Джучидов. В полной мере это можно отнести и к его взаимоотношениям с Русью.

4. Враг Руси. В русской летописной и даже фольклорной традиции Мамай предстает самым, пожалуй, главным врагом Руси, олицетворением всего враждебного по отношению к ней, деля эту «честь» с другим правителем Золотой Орды – Батыем, с которым его нередко сравнивают (см., напр.: Памятники, 1998, с. 30, 65, 137). Однако более внимательное ознакомление с историей взаимоотношений Мамаея и русских князей убеждает нас, что никакой «патологической» вражды к русским у беклербека не было, и его позиция по отношению к ним периодически менялась в соответствии с интересами Золотой Орды, на страже которых он стоял в течение всего своего правления. Чтобы не быть голословными, представим хронологию отношений Мамаея и русских правителей в течение 1359–1379 гг.

1359 г. Мамай в качестве беклербека при хане Бердибеке отправляет посла в Москву к великому князю Ивану Красному (Насонов, 2002, с. 315).

1363 г. В Москву прибывает посол от хана «Авдули из Мамаевы орды» с ярлыком на великое княжение Дмитрию Ивановичу (в будущем – Донскому), уже получившему годом раньше ярлык от сарайского хана Мюрида. Последний, разгневавшись на принятие Москвой ярлыка от Мамаея, передает великое княжение Дмитрию Константиновичу Суздальскому (Московский свод, 2000, с. 248). То, что ярлык в Москву привез посол, было беспрецедентным случаем: прежде князья лично ездили к хану за ярлыками.

1365 г. Дмитрий Суздальский, поддерживаемый Мамаем и Москвой, отнимает Нижний Новгород у своего брата Бориса, который был посажен здесь сарайским ханом Азиз-Шейхом (Московский свод, 2000, с. 251; Насонов, 2002, с. 316).

1370 г. Суздальский и нижегородский князь Дмитрий Константинович отправляет войска на Булгар и заставляет местного правителя Асана признать зависимость от «мамаева» хана Мухаммада. Михаил Тверской получает от Мухаммада и Мамаея ярлык на великое княжение, который, однако, не признается Дмитрием Московским. Михаил вынужден бежать в Литву (Московский свод, 2000, с. 253; Варваровский, 2008, с. 101).

1371 г. Тверской князь Михаил получает от Мухаммада и Мамая ярлык на великое княжение. Дмитрий Московский снова не признает его и сам отправляется к Мамаю, получив, в свою очередь, ярлык (Московский свод, 2000, с. 254, 255).

1372 г. Дмитрий Московский выкупает у Мамая тверского княжича Ивана, оставленного Михаилом Тверским в его ставке в залог будущих выплат (Московский свод, 2000, с. 255; Горский, 2000, с. 85).

1373 г. В качестве карательной меры за нападения рязанцев на владения Тагая и Сегиз-бея Мамай отправляет войска в поход против Рязани, которые захватывают и сжигают ряд городов. Примечательно, что войска московского князя, союзного Рязани, вышли к Оке, но не сделали попытки помочь союзникам (Татищев, 2003, ч. III, гл. 54)²¹.

1374 г. Избиение в Нижнем Новгороде свиты мамаева посла Сарай-Аки и пленение его самого. «Розмирье» Дмитрия Московского с Мамаем (Московский свод, 2000, с. 258)²².

1375 г. Убийство в Нижнем Новгороде мамаева посла Сарай-Аки. Мамай отправляет войска на нижегородские владения в Кише и Запьянье и разоряет их, а также город Новосиль²³. Хаджи-ходжа, посол Мамая, привозит Михаилу Тверскому ярлык на великое княжение. Дмитрий Московский собирает войска союзных князей и осаждает Тверь, заставляя Михаила отказаться от титула великого князя (Московский свод, 2000, с. 259, 260). Примечательно, что Мамай не вмешивается в борьбу русских князей, несмотря на игнорирование Москвой ханского ярлыка: его вполне устраивает их междоусобица, поскольку в это время он поглощен борьбой с Урус-ханом и Хаджи-Черкесом (см.: Григорьев, 2004б, с. 167).

---

²¹ По мнению некоторых исследователей, самого факта выхода московских войск к Оке, якобы, стало достаточно, чтобы войска Мамая отступили (см., напр.: Петров 2006). Однако другие авторы обращают внимание именно на неокказание москвичами помощи союзному рязанскому князю (см., напр.: Мизуны, 2005, с. 131). Вероятно, бездействие Москвы было связано с нежеланием портить отношения с Мамаем.

²² А.П.Григорьев вполне обоснованно связывает обострение отношений Москвы и Нижнего Новгорода с Мамаем в 1374 г. с тем, что в это время Мамай и его хан Мухаммад были вытеснены из Сарая ханом Синей Орды Урусом, который потребовал от русских князей выражения покорности себе (Григорьев, 2004б, с. 164; ср.: Быков, Кузьмина, 2001). Однако стоит отметить, что имя Уруса вообще не фигурирует в русских летописях.

²³ А.А.Горский почему-то склонен видеть в действиях Мамая не вполне логичный карательный поход во владения нижегородского князя за расправу с его послом, а «удар по союзникам Москвы» (Горский, 2000, с. 92).

1376 г. Дмитрий Московский и Дмитрий Суздальский по приказу сарайского хана Каганбека отправляют войска на Булгар и заставляют правителя Асана признать власть Сарая, а не Мамаю и Мухаммада (Московский свод, 2000, с. 262; Горский, 2000, с. 92)²⁴.

1377 г. Мамай совершает карательный рейд на Нижегородское княжество за агрессию против Булгара. Нижегородцы и их союзники москвичи ожидают нападения сарайского полководца Араб-шаха, но узнав, что тот далеко, московские дружины возвращаются в Москву. Войска Мамаю при помощи мордовских князьков внезапно обрушиваются на нижегородцев и наносят им сокрушительное поражение, после чего сжигают беззащитный Нижний Новгород (Московский свод, 2000, с. 263, 264)²⁵.

1378 г. Мамай направляет на Русь войска под командованием полководца Бегича, которые разгромлены на р. Воже войсками Дмитрия Московского (все еще находящегося в «розмьрье» с Мамаем). Войска Мамаю подвергают разграблению земли Рязанского княжества (Московский свод, 2000, с. 272, 273). Интересно отметить, что р. Вожа протекала на территории Рязанского княжества (см.: Макаров 1846, с. 7). Вполне вероятно, что Мамай и в этот раз планировал совершить нападение не на Москву, а на Рязань, а Дмитрий Московский, наконец-то, просто выполнил союзнический долг по отношению к рязан-

---

²⁴ По мнению А.А.Горского, этот поход был совершен по собственной инициативе князей Москвы и Нижнего Новгорода, и Волжская Булгария в его результате попала в зависимость от них (Горский 2000, с. 92, 93). Однако это предположение не встречает никаких подтверждений в источниках, поэтому нам ближе версия А.П.Григорьева о действиях русских князей в интересах сарайского хана. Несомненно, не русские, а именно ханские «дарага и таможник» были посажены князьями в Булгаре (Григорьев, 2004б, с. 169, 170).

²⁵ Несмотря на то, что летописцы прямо указывают, что «царевичь Арапша на Волчьей воде... А в то время погании князи Мордовьстии подведоша рать Татарскую из Мамаевы Орды», только очень немногие историки правильно интерпретируют это сообщение (см.: Насонов, 2002, с. 321; Кучкин 1980, с. 105; Горский, 2000, с. 93; Григорьев, 2004б, с. 170, 171). Ряд авторов полагает, что победу на Пьяне одержал Араб-шах (Соловьев, 1988, с. 273; Греков, Якубовский, 1998, с. 216, 217; Вернадский, 2000, с. 263; Каргалов, 1984, с. 35). Другие же пытаются «логически» совместить сведения о Мамаевой Орде и Араб-шахе и предлагают совершенно абсурдную версию о том, что Араб-шах состоял на службе у Мамаю и по его приказу разгромил русских (Фахретдин, 1996, с. 102; Грумм-Гржимайло, 1994, с. 120; Гумилев, 1995, с. 172; Мизуны, 2005, с. 142)!

скому князю. Не удивительно, что в отместку за разгром Бегича Мамай подверг разорению именно рязанские земли.

1379 г. «Мамаев» хан Мухаммад (или Тюляк) выдает ярлык русскому митрополиту Михаилу (Митяю), подтверждающий прежние привилегии русской церкви (ПСРЛ, 2000, с. 44; Григорьев, 2004б, с. 116–205). Обратим внимание, что Митяй-Михаил был ставленником Дмитрия Московского...

Анализ перечисленных событий позволяет сделать два принципиальных вывода. Во-первых, Мамай в течение всего своего правления строил взаимоотношения с русскими княжествами в зависимости и от интересов Орды, и от позиции самих русских князей. Во-вторых, даже его враждебные действия против какого-либо княжества нельзя однозначно оценивать как «анти-русские», поскольку единой Руси в то время не было: княжества постоянно враждовали между собой, и проти-востояние Мамай с одним из них было в полной мере выгодно другому. Кроме того, большая часть действий Мамай в отношении Руси, как оказалось, совершалась на пользу московскому князю Дмитрию Ивановичу (которого он, естественно, не собирался усиливать постоянно, почему и выдавал периодически ярлык на великое княжение Михаилу Тверскому). Тому самому, который и разгромил Мамай в Куликовской битве.

Сама же Куликовская битва – один из самых загадочных эпизодов в истории русско-ордынских отношениях и в биографии Мамай, в частности. Сведения о ней исследователи черпают исключительно из т.н. «памятников куликовского цикла», состоящих из ряда летописных рассказов, нескольких редакций «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Большинство этих произведений сами исследователи признают средневековой русской публицистикой, но, не имея других источников, вынуждены опираться на них, нередко не учитывая при этом их тенденциозности.

В результате традиционная интерпретация событий, приведших к развязке на Куликовом поле, выглядит следующим образом: Мамай совершил поход на Русь, чтобы полностью подчинить ее Орде, объединенные силы русских княжеств выступили ему навстречу и в кровопролитной битве разгромили превосходящие силы ордынского бек-лербек, заставив его бежать в Крым. При этом многочисленные нестыковки, имеющие место в «памятниках куликовского цикла» либо просто игнорируются, либо как-то «притягиваются» к традиционной версии.

А между тем, как объяснить, например, что «защищающиеся» русские войска и «нападающие» войска Мамаю сражались не на русской, а на ордынской территории? Почему в русской армии было немало «татар», тогда как при перечислении сил Мамаю в источниках называются «бесермены и армены, и фрязы, черказы и язы, буртасы» (Памятники, 1998, с. 30), а о собственно «татарах» речи практически не идет²⁶? Почему так «нерешительно» вели себя литовский и рязанский князья, которые, якобы, не пожелали присоединиться к «превосходящим» силам Мамаю, а затем вдруг по собственной инициативе в одиночку напали на возвращавшихся с поля боя победителей-русских? И, наконец, самое главное: каким образом Мамаю, который потерпел сокрушительное поражение на Куликовом поле, удалось в считанные недели собрать новое многочисленное войско, с которым он готовился двинуться на Русь, но был вынужден выступить навстречу Токтамышу?

На все эти вопросы весьма трудно ответить в рамках традиционной интерпретации Куликовской битвы. Однако если мы предположим обратное – что не Мамаю напал на Русь, а русские совершили нападение на ставку Мамаю! – все нестыковки в «памятниках куликовского цикла» волшебным образом исчезают.

Мы далеки от намерения представить Мамаю убежденным пацифистом и другом Руси: не исключено (и даже вполне вероятно), что он готовил поход на Русь, намереваясь сквитаться за поражение на Воже и восстановить прежнюю систему отношений «сюзерен – вассал». Однако русские предупредили Мамаю и первыми выступили против него, чтобы не дать ему собрать основные свои силы и разорить их земли. Именно поэтому сражение происходит «в земле половецкой», что и отмечается в «памятниках куликовского цикла».

По всей видимости, Мамаю не ожидал столь оперативных действий русских войск и потому не успел собрать свои основные силы, рассредоточенные по обширным владениям той части Золотой Орды, которая находилась под его контролем²⁷. Поэтому ему и пришлось использовать всех, кто мог сражаться за него, т.е. многочисленных иностранных наемников, пребывавших в Причерноморье – северо-кавказ-

---

²⁶ Источники сообщают, что Мамаю перед битвой «собравъ всю землю (или силу – Р.П.) Половецкую и Татарскую» (Памятники 1998, с. 9, 30), однако ни «половцев», ни «татар» в числе его воинов не называют.

²⁷ Даже А.Н.Насонов, историк-русист, которого весьма трудно заподозрить в «монголофильстве», отмечает, что Мамаю еще за 5 дней до Куликовской битвы ничего не знал о приближении русских войск (Насонов, 2002, с. 323).

ские племена, буртасов, армян и даже генуэзцев²⁸. Поэтому сообщается и об участии в битве «царя Теляка», которого Мамай из-за неожиданности русского нападения не успел своевременно вывести в безопасное место; версия гибели хана в битве также в полной мере соответствует предположению о неожиданном нападении русских войск. Объясняется и непонятная «нерешительность» войск Литвы и Рязанского княжества: даже если они и намеревались принять участие в битве, они просто не успели прибыть во время – несомненно, на это и рассчитывали московские воеводы, первыми совершая нападение на Мамаю.

Вполне объяснимым становится и поражение Мамаю: в его распоряжении были не его собственные дисциплинированные войска, а всего лишь разношерстное наемное воинство, которое он за недостатком времени не успел упорядочить и объединить под единым командованием. И совершенно перестает быть загадкой появление у Мамаю свежего многочисленного войска после столь сокрушительного разгрома: просто, бежав с поля битвы, он получил, наконец, возможность, собрать собственные силы, а не иностранных наемников²⁹.

Повторимся еще раз: мы не собираемся переворачивать с ног наголову описываемые события и представлять Мамаю как жертву агрессии московского князя и его союзников. Речь идет лишь о том, в чьих руках была инициатива в битве на Куликовом поле, и нет никаких оснований сомневаться в том, что Дмитрий Донской нанес всего лишь превентивный удар, предупреждающий поход Мамаю на Русь. Вместе с тем, не следует рассматривать все русско-ордынские отношения 1360–1370-х гг. как «прелюдию Куликовской битвы»: описанные события позволяют утверждать, что Мамай и враждовал с русскими князьями, и находился с ними в союзных отношениях – тогда и в той мере, в какой это диктовалось политическими условиями и государственными интересами. Точно так же поступали и сами русские князья, которые в сентябре 1380 г. увидели шанс покончить с властью Орды и поспешили им воспользоваться.

---

²⁸ Вряд ли эта генуэзская пехота представляла собой войска города Кафы, как полагают некоторые исследователи (см., напр.: Егоров, 1980, с. 212), скорее – «солдаты удачи», которые в поисках службы и добычи предлагали свои услуги властителям Причерноморья.

²⁹ Татарский автор нач. XX в. Р.Фахретдин подчеркивает, что Мамай отправился против Токтамыша именно с «татарским» войском, что подтверждает нашу версию (Фахретдин, 1996, с. 103).

5. Гибель в Кафе. Обстоятельства гибели Мамаю по-разному излагаются в различных источниках, однако большинство исследователей и публицистов предпочитают версию русских летописцев, согласно которой темник после перехода его войск к хану Токтамышу бежал в Кафу, где был опознан местными генуэзцами и убит ими (Памятники, 1998, с. 41, 82, 187, 337, 366; Карамзин, 1993, с. 46, 47; Соловьев, 1988, с. 279; Фахретдин 1996, с. 104; Вернадский, 2000, с. 269; Гумилев, 1992, с. 427; Соколов, 1999). Безусловно, такой конец Мамаю был бы логическим завершением его союза с генуэзцами!

Однако в древнерусских источниках эта версия является не единственной. Так, в «Задонщине» (публицистическом сочинении, посвященном Куликовской битве, но, несмотря на это, широко используемом в качестве источника) сообщается, что кафинские генуэзцы отказали Мамаю в убежище, сказав при этом: «Побежи ты, поганый Момай, от насъ по заденеш и нам от земли Руской» (Памятники, 1998, с. 104, 118, 131). Как ни странно, эта версия представляется более близкой к истине, чем убийство беклербека в Кафе.

Итальянские торговцы на территории Золотой Орды нередко находились «между молотом и наковальней», мечась между группировками, боровшимися за власть в Улусе Джучи. Поддержка «не той» стороны могла иметь весьма тяжелые последствия, особенно в смутные времена, о чем красноречиво свидетельствует судьба вышеупомянутого венецианского консула Якопо Корнаро. Естественно, в обстановке полной неопределенности генуэзцы не могли себе позволить ни дать убежище Мамаю, боясь кары со стороны его победителя Токтамыша, ни умертвить его, потому что никто не знал, какую судьбу уготовил новый хан своему врагу. Многие из ордынских сановников и областных правителей, поддерживавших Мамаю в годы «Великой замятни», не подверглись преследованиям при Токтамыше и даже сохранили свои посты. Так что, у генуэзцев были все основания полагать, что даже Мамай имел шансы снискать прощение и милость нового хана. Не лишено оснований и приведенное в «Задонщине» опасение кафинцев, как бы их покровительство Мамаю не навлекло на генуэзцев еще и гнева русских: на тот момент они также были победителями.

Скорее всего, Мамай после поражения от Токтамыша бежал в Крым и попытался заручиться покровительством генуэзцев, обладавших статусом неприкосновенности в качестве иностранных граждан. Вполне возможно, как мы уже предположили выше, он собирался связаться с верными ему эмирами и выдвинуть нового претендента на трон, чтобы противопоставить его Токтамышу. Однако кафинские

«отцы города» вполне разумно отказали ему в прибежище, и он был вынужден отправиться в свою прежнюю ставку в Солхате, намереваясь, возможно двинуться оттуда дальше на запад своих владений, где у него было больше шансов организовать отпор новому хану.

Однако здесь его настигли и убили люди Токтамыша. Вот почему он и был похоронен именно в Старом Крыму. Следует отметить, что версию гибели Мамаю от рук сторонников Токтамыша содержат как русские летописные источники, так и восточные источники (см.: Памятники, 1998, с. 11; Утемиш-хаджи, 1992, с. 118), что, на наш взгляд, свидетельствует о ее достоверности.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно констатировать, что историографический образ Мамаю очень далек от Мамаю реально-го и конструировался в зависимости от позиции того или иного исследователя, который привлекал те источники, которые в большей степени подтверждали выбранную им позицию. Привлечение разно-плановых источников, либо отражающих различные позиции авторов (нарративные источники разного происхождения), либо лишенных авторского субъективизма (актовый и нумизматический материал) позволяет по-новому взглянуть на личность знаменитого золотоор-дынского темника и оценить его роль в истории.

Арсюхин, 2003 – Арсюхин Е. Ископаемая валюта. Мамаю пошел на Русь по наводке итальянских банкиров // Российская газета. 25 апреля 2003. № 80 (3194). – С. 31.

Баймухаметов, 2005 – Баймухаметов С. Тайна Куликова поля. Против кого воевал Дмитрий Донской? // Новая газета. № 69. 19 сентября 2005.

Банзаров, 1850 – Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повеле-ниями монгольских ханов // Записки Санкт-Петербургского археологиче-ского научного общества. Т. II. – СПб., 1850.

Бикнин, 2000 – Бикнин И. Татары Мордовии // Татарская газета. №1–2. 10 февраля 2000.

Бикнин, 2004 – Бикнин И. Татарская аристократия темниковского княжества и ее потомки // Культурные традиции Евразии: вопросы средневе-ковой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евра-зии». Вып. 4. – Казань, 2004. – С. 292–308.

Быков, Кузьмина, 2001 – Быков А., Кузьмина О. Митрополит Киприан. Портрет на фоне эпохи // 1 сентября. История. 2001. № 22–23.

Варваровский, 2008 – Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. – Казань, 2008.

Вернадский, 2000 – Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. – Тверь; М., 2000.

Гаев, 2002 – Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. – Нижний Новгород, 2002. – С. 9–55.

Гончаров, 2005 – Гончаров Е.Ю. Монетные дворы Улуса Джучидов // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. – М., 2005. – С. 97–102.

Гончаров, 2008 – Гончаров Е.Ю. Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770-х – 780-х гг. х. Нумизматический комментарий к книге И.М.Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК – Болгар 2005, V МНК. – Волгоград 2006. – М., 2008. – С. 58–62.

Горский, 1998 – Горский А.А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4. – С. 15–24.

Горский, 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. – М., 2000.

Греков, 1980 – Греков И.Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. – М., 1980. – С. 113–141.

Греков, Якубовский, 1998 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1998.

Григорьев, 1980 – Григорьев А.П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение. Вып. 7. 1980. – С. 155–180.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. 1983. – С. 9–54.

Григорьев, 1990 – Григорьев А.П. Золотоордынский город Орда // Востоковедение. Вып. 16. 1990. – С. 152–158.

Григорьев, 1994 – Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1994. Сер. 2. Вып. 2. – С. 28–36.

Григорьев, 2003 – Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 4 (№ 26). – С. 22–29.

Григорьев, 2004а – Григорьев А.П. «Му’изз ал-ансаб» о потомках Токтамыша // Востоковедение. Вып. 25. 2004. – С. 100–23.

Григорьев, 2004б – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб., 2004.

Григорьевы, 2002 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб., 2002.

- Грумм-Гржимайло, 1994 – Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. – М., 1994. – С. 100–148.
- Гумилев, 1992 – Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М., 1992.
- Гумилев, 1994а – Гумилев Л.Н. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...» // Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. – М., 1994. – С. 247–323.
- Гумилев, 1994б – Гумилев Л.Н. Апокрифический диалог // Там же. – М., 1994. – С. 324–51.
- Гумилев, 1995 – Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М., 1995.
- Данилевский, 2000 – Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–IV вв.). – М., 2000.
- Егоров, 1980 – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980. – С. 174–13.
- Егоров, 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. – М., 1985.
- Зайцев, 2004 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2004.
- Зимин, 1955 – Ярлыки татарских ханов русским митрополитам: Краткое собрание / Ист.-прав. обзор, текстол. коммент. А.А.Зими́на // Памятники русского права. Вып. 3. – М., 1955. – С. 463–491.
- Исхаков – Исхаков Д. Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/5>.
- Йазди, 2008 – Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура. Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А.Ахмедова. – Ташкент, 2008.
- Карамзин, 1993 – Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. – М., 1992.
- Каргалов, 1984 – Каргалов В.В. Конец ордынского ига. – М., 1984.
- Кеппен, 1837 – Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837.
- Кожин, 2000 – Кожин В. Против кого боролся Дмитрий Донской? // Наука и религия. 2000. № 8.
- Костюков, 2007 – Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. – С. 169–207.
- Крамаровский, 1996 – Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мамай (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. – СПб., 1996. – С. 38–41.
- Крамаровский, 2005 – Крамаровский М.Г. Где могила Мамай? // Родина. 2005. № 9. – С. 77–81.
- Кучкин 1980 – Кучкин В.А. Русские княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М., 1980. – С. 26–112.
- Кучкин, 1996 – Кучкин В.А. Ханы Мамаевой орды // 90 лет Н.А.Баскакову. – М., 1996.

Лубсан Данзан, 1973 – Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Пер., введ., коммент., прим. Н.П.Шастиной. – М. 1973.

Макаров, 1846 – Макаров М. Заметки о землях рязанских // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1846. № 1. – М., 1846. Отд. IV. – С. 3–29.

Марков, 2008 – Марков А.К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. – Казань, 2008.

Мизуны, 2005 – Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Ханы и князья. Золотая Орда и русские княжества. – М., 2005.

Миргалеев, 2003 – Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань, 2003.

Московский свод, 2000 – Московский летописный свод конца XV в. – Рязань, 2000.

Муизз, 2006 – Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии»). Пер. с перс., пред., прим. Ш.Х.Вохидова. – Алматы, 2006.

Мухамадиев, 1983 – Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983.

Насонов, 2002 – Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. – СПб., 2002.

Орлов, 2001 – Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. – Нижний Новгород, 2001. <http://www.mishare.narod.ru>.

Памятники, 1998 – Памятники Куликовского цикла. – СПб., 1998.

Пачкалов, 2004 – Пачкалов А.В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. – М.; Нижний Новгород, 2004. – С. 158–171.

Пачкалов, 2005 – Пачкалов А.В. Исан: новый эмитент в истории Золотой Орды? // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. – М., 2005. – С. 153–156.

Петров, 2005 – Петров А. Мамаево побоище // Родина. 2005. № 9. – С. 67–73.

Петров, 2006 – Петров А. Туман над полем Куликовым // Вокруг света. 2006. № 9 (2792). http://www.vokrugsveta.ru/vs/column/?year=2006&column_id=12.

Пономарев 2002 – Пономарев А.Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. – М., 2002.

Почекаев, 2004 – Почекаев Р.Ю. Образ Мамая в русском летописании как средство делегитимизации власти ордынского хана // Герои и антигерои в исторической судьбе России. – СПб., 2004. – С. 29–34.

Почекаев, 2006 – Почекаев Р.Ю. Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV – начала XVI в.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I: Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005). – СПб., 2006. – С. 213–229.

ПСРЛ, 2000 – Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). – М., 2000.

Рогожский, 2000 – Рогожский летописец // Тверская летопись. – Рязань, 2000. – С. 24–147.

Рыкин, 2007 – Рыкин П.О. Титям: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // АБ-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. – СПб., 2007. – С. 475–492.

Савельев, 1858 – Савельев П. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джалаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Вып. II. – СПб., 1858.

Сафаргалиев, 1960 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960.

Северова, 1994 – Северова М.Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н.э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. 6-8 апреля 1994 г. Тез. докл. – СПб., 1994. – С. 98–100.

Серова, 2005 – Серова Н. Мамай Ордынский и Папа Римский // Деловые люди. № 174. Сентябрь 2005. – С. 92–97.

Сидоренко, 2000 – Сидоренко В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. – Симферополь, 2000. – С. 267–288.

Скржинская, 1973 – Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник. Т. 35. 1973. – С. 103–118.

СМИЗО, 2005 – История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – Алматы, 2005.

СМИЗО, 2006 – История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. – Алматы, 2006.

Соколов, 1999 – Соколов Б. Почему погиб Мамай? // 1 сентября. История. 1999. № 25.

Соловьев, 1988 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3–4. – М., 1988.

Султанов, 2006 – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006.

Татищев, 2003 – Татищев В.Н. История российская в 5 частях. Электронное издание: Компакт-диск. – М., 2003.

Тихомиров, 2005 – Тихомиров В. Сражение за налоги. Как «сепаратист» Донской помог хану Золотой Орды наказать «олигарха-беспредельщика» Мамай // Огонек. № 26. 27 июня – 03 июля 2005.

Ткаченко, 2007 – Ткаченко С. Старый Крым. Могила Мамай // Боспор. – Крым. № 41. 11.10.2007; № 43. 25.10.2007; № 44. 01.11.2007. <http://bospor>.

com.ua/articles/858.shtml; <http://bospor.com.ua/articles/880.shtml>; <http://bospor.com.ua/articles/893.shtml>.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. – М., 2007. – С. 319–352.

Ускенбай, 2003 – Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2003.

Утемиш-хаджи, 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992.

Фахретдин, 1996 – Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. – Казань, 1996.

Федоров-Давыдов, 1960 – Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. – М., 1960. – С. 94–192.

Федоров-Давыдов, 2003 – Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.

Френ, 1832 – Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. – СПб., 1832.

Хан, 2004 – Хан Н.А. Ярлык в традиции политической культуры Восточной Европы в XIV веке // Вопросы истории. 2004. № 6. – С. 139–144.

Хеллер, 2001 – Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2001. – С. 111–128.

Шабульдо, 1987 – Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев, 1987.

Шабульдо, 2005 – Шабульдо Ф. Чи існував ярлик Мамай на українській землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Київ, 2005. – С. 100–122.

Шенников, 1981 – Шенников А.А. Княжество потомков Мамай (к проблемам запустения Юго-Восточной Руси в XIV–XV вв.) // Депонировано в ИНИОН. 7380. – Л., 1981.

Юдин, 1992 – Юдин В.П. О строительстве мавзолея Кыята Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 83–86.

Яковлева, 2002 – Яковлева О. Полевой командир Мамай // Известия. 18 января 2002.

Янина, 1954 – Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 42. 1954. – С. 424–457.

Allsen, 1987 – Allsen Th. T. The princes of the Left Hand: an introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. T. V: 1985. Wiesbaden, 1987. P. 5–40.

Desimoni, 1887 – Desimoni C. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G.P. Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze, 1887. P. 161–165.

**Был ли предателем Некомат Сурожанин:
сюжет из истории отношений московского князя
Дмитрия Ивановича и ордынского эмира Мамай***

Одним из ключевых моментов истории Восточной Европы является битва на Куликовом поле 1380 г. Немало исследований посвящено как самому сражению, так и сопутствовавшим событиям и основным фигурантам конфликта между Москвой и Ордой. Наша статья посвящена фигуре второго или даже третьего плана. Такие люди редко оказываются на страницах летописей, им не посвящают монографий, они не принимают судьбоносных решений, изменивших ход истории, но и без них невозможен сам этот ход.

Героем нашего исследования является Некомат Сурожанин. Своеобразным толчком, побудившим нас взяться за написание данной статьи, стала характеристика Некомата в монографии известного специалиста по истории Золотой Орды А.П.Григорьева, где Некомат Сурожанин назван предателем, а в именном указателе – московским купцом (Григорьев, 2004, с. 166, 167, 260). Был ли Некомат московским купцом и правомерно ли называть его предателем? Вот те основные вопросы, которые мы поставили в нашем исследовании.

Что же известно о Некомате из летописей? Впервые наш герой упомянут там в 1375 г. (6883): «Того же лета о великомъ заговѣнни побезалъ съ Москвы въ Тверь Иванъ Васильевъ сын тысяцкаго, внукъ Васильевъ, правнукъ Веняминовъ, да съ нимъ Некомать Сурожанинъ, со многою лжею и лстивыми словесы къ великому князю Михаилу Александровичу Тверскому. И князь Михайло Тверскій тогда же, на Ѳедоровой недели посла ихъ во Орду, а самъ после ихъ о средокрестной неделе поиде въ Литву, и тамо въ Литве пребывъ мало время, и паки возвратися въ Тверь»(ПСРЛ, 1965, с. 22).

Известная исследовательница русско-ордынских отношений М.Д.Полубояринова так комментирует этот сюжет: «Иван Васильевич – крупная фигура при дворе Дмитрия Ивановича московского. Он был сыном тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Обидевшись на князя за упразднение должности тысяцкого в Москве, он вместе с куп-

---

* Статья подготовлена для нижегородских «Мининских чтений»-2008. Мининские чтения. Тр. участников междунар. науч. конф. Отв. ред. А.А.Кузнецов. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2010 (в печати).

цом-сурожанином Некоматом перебежал к Михаилу Александровичу и вмешался в борьбу тверского и московского князей за великое княжение» (Полубояринова, 1978, с. 20).

Судя по отсутствию у Некомата отчества и по его прозвищу «Сурожанин», он явно не принадлежал к высшему сословию и скорее всего происходил из крымского города Сурожа/Судака или же как-то был с ним связан. Несомненно, послом тверского князя был сын тысяцкого, а Некомат должен был его сопровождать.

Далее, в той же летописной статье размещено следующее сообщение: «И мало после того, месяца іюля въ 14 день, приде Некомать Сурожанинъ изъ Мамаевы Орды отъ Мамая съ посломъ Ачихожею во Тверь къ великому князю Михаилу Александровичу Тверскому съ ярлыки на великое княженіе Володимерское» (ПСРЛ, 1965, с. 22). Таким образом, Иван Васильевич и Некомат были отправлены в «Мамаеву Орду», т.е. в западную половину Золотой Орды, в эпоху междоусобий 1360-х – 1370-х гг. находившуюся под властью эмира Мамая. Резиденция Мамая, сажавшего на престол угодных ему марионеток из династии Чингисидов, находилась на Крымском полуострове в городе Солхат/Сурхат (совр. Старый Крым/Эски Кырым), на расстоянии одного дневного перехода от крупнейших торговых центров – Сурожа/Судака и Кафы/Феодосии. Некомат Сурожанин, происходивший из Сурожа или же поддерживавший торговые отношения с Крымом, должен был сопровождать Ивана Васильевича как человек знающий дорогу на полуостров и как лицо, известное при дворе Мамая. Ведь недаром Мамай именно Некомату поручил сопровождать своего посла Ачихожу к тверскому князю. Вероятно, Некомат и ранее выполнял подобные поручения, возможно, выступая в роли посредника между Мамаем и Иваном Васильевичем и поэтому вместе с последним в 1375 г. переехал в Тверь.

1 сентября 1375 г. между тверским и московским князьями было заключено соглашение. В частности, было решено конфисковать имущество «предателей» (сына тысяцкого и Некомата Сурожанина) в Москве (Григорьев, 2004, с. 167; Полубояринова, 1978, с. 21). Иван Васильевич, судя по всему, остался в Орде. Известно, что после победы над татарским войском на реке Воже (11 августа 1378 г.) был захвачен некий поп – человек Ивана Васильевича: «изымаша некоего попа Иванова Васильевича тысяцкаго, изо Орды пришедша; бе бо тогда Иванъ Васильевичъ тысяцкій во Орде Мамаеве» (ПСРЛ, 1965, с. 43). У священника был обнаружен «злыхъ лютыхъ зелей мешок», он был подвергнут пыткам и сослан в заточение на Лач-озеро.

Действительно ли Иван Васильевич намеревался известить кого-то в Москве с помощью «лютыхъ зеленъ» или же данное обвинение было сфабриковано его недругами, сейчас судить трудно. Несомненно, что в Москве он рассматривался как опасный враг. Поэтому неудивительно, что когда в 1379 г. его московским недругам коварно удалось заманить Ивана Васильевича в ловушку, он был казнен 30 августа: «То-го же лета поиде изъ Орды Иванъ Васильевичъ тысяцкій, и оболстивше его и преухитривъше, изымаша его въ Серпухове и приведоша его на Москву. И месяца Августа въ 30 день... во вторникъ до обеда, въ 4 часъ дни, убиень бысть Иванъ Васильевичъ тысяцкій, мечемъ потяты бысть на Кучкове поле у града у Москвы повелѣніемъ великого князя Дмитрея Ивановича» (ПСРЛ, 1965, с. 51).

Не менее трагично сложилась и судьба Некомата. В 1383 г. «убиень бысть на Москве некий брехъ именемъ Некоматъ за некую крамолу» (ПСРЛ, 1963, с. 85). Во Львовской летописи сказано, что Некомат был казнен в Орде.

Летописец использовал по отношению к Некомату эпитет «брехъ». И.И.Срезневский толкует слово «брехъ» как «ябедник, *rabula*, *calumniator*¹. Сравни народное великорусское брехъ – враль» (Срезневский, 1989, с. 178). Как видим, определение «брехъ» не являлось синонимом понятия «предатель». Таким образом, в глазах современников Некомат не являлся *предателем*, а скорее *интриганом* повинным в раздорах или же распространителем ложной информации.

Конечно, современный исследователь вправе давать оценки деятельности тех или иных лиц в прошлом, используя современные понятия и термины. А.П.Григорьев считает Некомата Сурожанина московским купцом, т.е. подданным московского князя Дмитрия Ивановича. Судя по летописным сообщениям, Некомат способствовал раздорам между Тверью и Москвой, состоял на службе у Мамаи и, соответственно, может рассматриваться как предатель по отношению к своему князю или ко всему общерусскому делу освобождения от ордынского ига и т.п. Однако все это имеет смысл только в случае, если Некомат действительно являлся *московским купцом*. Никаких прямых указаний на это в источниках мы не находим.

Более того, имя Некомат почти везде выступает вместе с определением *Сурожанин*. В русских летописях второй половины XIV в. *сурожане* часто фигурируют вместе с эпитетом *гости*, т.е. купцы, ведущие торговлю с иными странами, или купцы из иных стран. Кем же

---

¹ *Rabula* – пустозвон; *calumniator* – интриган, клеветник, лжеобвинитель, крючкотвор (Дворецкий, 2003, с. 115, 648).

являлись *гости-сурожане* русских летописей – русскими купцами, ездившими в Сурож, или сурожскими купцами, торговавшими на Руси?

В 1356/1357 г. в Москву из Орды прибыл посол Ирынчей и с ним гости-сурожане (ПСРЛ, 1922, с. 65)². В 1380 г. московский князь Дмитрий Иванович, выступая в поход на Мамаю, взял с собой десять *гостей-сурожан*: «Поять же тогда князь велики съ собою десять мужей Сурожанъ гостей, видѣнія ради: аще что Богъ случить, имуть поведати въ далныхъ земляхъ, яко сходници суть з земли на землю и знаеми всеми всеми и въ Ордахъ, и въ Фрязахъ». То есть князь взял с собою этих купцов для того, чтобы весть об исходе битвы они разнесли по тем странам, в которых торгуют. *Фрягами* на Руси называли итальянцев. Вероятно, речь идет о генуэзских и венецианских купцах, чьи колонии в XIII–XV вв. существовали в Северном Причерноморье и Приазовье (Кафа, Судак, Чембало/Балаклава, Воспоро/Керчь, Монкастро/Аккерман/Белгород-Днестровский, Азак/Тана/Азов и др.).

Кроме того: «и другая вещь: аще что прилучится, да сии сътворяють по обычаю ихъ». По нашему мнению, речь здесь идет о довольно распространенной в те времена практике выкупа пленников купцами и получении вознаграждения от освобожденных или их родственников (в отношениях с крымскими татарами подобная практика имела место еще и в XVII в.).

В летописи упомянуты имена сурожан: «си же суть имена ихъ: Василей Капица, Сидоръ Елферьевъ (вар.: Олферьевъ), Константинъ, Кузма Коверя (вар.: Ковера), Семіонъ Онтоновъ, Михайло Саларевъ, Тимофѣй Весяковъ, Дмитрей Черной (вар.: Черней), Дементей Саларевъ, Иван Шихъ» (ПСРЛ, 1965, с. 54). М.Д.Полубояринова считает, что имена купцов русские (Полубояринова, 1978, с. 45). Л.С.Хачикян, на основании тщательного лингвистического анализа имен сурожан приходит к заключению, что написание имен было русифицировано летописцем и большинство их носителей были армянами и греками (Хачикян, 1982).

После поражения на Куликовом поле и гибели Мамаю в Кафе контроль над обеими половинами Орды установил хан Токтамыш, требовавший подчинения князя Дмитрия Ивановича. В 1382 г. войско Токтамыша направилось к Москве. Дмитрий Иванович поспешно выехал на север, по заверению летописцев-апологетов – собирать войска. Вместе с ним обреченный город покинули и многие представители аристократических кругов. Оборону Москвы против войск Токтамы-

---

² М.Д.Полубояринова датирует это сообщение 1356 г., В.Л.Егоров – 1357 г. (Полубояринова, 1978, с. 45; Егоров, 1985, с. 207).

ша возглавил литовский князь Остей. Среди различных категорий населения, оказавшихся в осаде в Москве летописец упоминает и сурожан: «и затворися во граде въ осаде со множествомъ народа, съ теми, елико их оста, и елико бе бежіанъ збежалося съ волостей, **и отъ иныхъ градовъ** елико прилучившихся въ то время, **и отъ странъ** бояре, сурожане и суконники и прочіи купцы» (выделено мною. – А.О.). Летописец упомянул купцов сурожан среди тех, кто бежал в город из волостей, жителей иных городов и стран, оказавшихся в Москве к моменту ее осады. Таким образом, сурожане не были москвичами.

Летописец отнес сурожан к представителям иных стран. Сурожане были крымскими купцами, приезжавшими на Русь. В подобном значении сурожане упомянуты и ранее, в ситуации, связанной с историей Волынского княжества. В 1288 г. скончался волынский князь Владимир Василькович. Вот как описывает летописец скорбь тех, кто оплакивал его в столице княжества городе Владимире Волынском: «И тако плакавшеся надъ нимъ все множество володимерчевъ: мужи, и жены, и дети, немци, и сурожъце, и новгородци, и жидове плакахуся» (Галицко-Волынская, 1981, с. 308). Как видим, и здесь сурожцы упомянуты среди иноземцев («немци, новгородци, жидове»), возможно и живших уже долго в городе, но не воспринимавшихся как «свои». Если «немци» и «жидове» обозначали и иноземцев, и иноверцев (католики и иудеи) одновременно, то «сурожъце», как и «новгородци», могли быть и единоверцами, но прибывшими из иных земель, и идентифицированы по месту постоянного жительства.

Следовательно, Некомат *Сурожанин* не был московским купцом. Он был крымским купцом, генуэзским или ордынским подданным, ездившим на Русь по своим торговым делам и выполнявшим определенные поручения Мамаю. Поэтому абсолютно неправомерно называть Некомата предателем. Предателем чего или кого мог он являться?

Но, может быть, Некомат был русским купцом, жившим в Сурожѣ (шире – в Крыму)? Что нам известно о его этнической принадлежности?

Исследователь истории сурожского купечества В.Е.Сыроечковский, со ссылкой на В.Г.Василевского, писал по этому поводу: «Имя Некомат обличает в нем грека» (Сыроечковский, 1935, с. 24). М.Д.Полубояринова, со ссылкой на С.Б.Веселовского, отмечала: «С.Б.Веселовский полагает, что «Некомат» – прозвище, означающее по-гречески хитрого человека, интригана» (Полубояринова, 1978, с. 20). Действительно, имя Некомат вызывает ассоциации с греческим именем Никомед. Однако, Л.С.Хачикян предложил иное толкование: «во многих областях Армении и в армянских колониях было распространено

имя Некамат, которое заимствовано из персидского и означает «с добром пришел», т.е. «добро пожаловать» (удачливый)) (Хачикян, 1982, с. 343)³.

В ходе исследования армянской общины Львова XIV–XV вв. в источниках нами был обнаружен некий «Авахав сын покойного Некомата» (*Awachaw filius quondam Necomath*). Он был упомянут в наиболее ранней, сохранившейся до нашего времени, книге актовых записей магистрата города Львова 1382-1389 гг. в записи о сделке от 14 ноября 1386 г. (*Pomniki*, 1892, s. 69). Мы считаем возможным отождествить этого Некомата с Некоматом Сурожанином русских летописей. Некомат Сурожанин был казнен в 1383 г., что согласуется с записью во львовских актах 1386 г. о сделке Авахав сына *покойного* Некомата.

Магистрат города Львова составляли исключительно католики. В рассматриваемый период это были преимущественно немцы. Городские писари довольно часто при написании искажали непривычно звучащие для них иностранные имена. По нашему мнению, «Авахав» (*Awachaw*) это искаженная форма армянского имени Авак/Аваг (в переводе с армянского – «старший»). Имена многих львовских армян того времени фигурируют в актах с окончанием на «ша» и «ча» (Агопша, Вартанша, Кокча и т.п.). «Авакша армянин» (*Awacscha Armenus*) упомянут в двух актах от 5 ноября 1386 г. Во втором случае как «Авакша армянин, зять покойного монетария Иваниса» (*Awacscha Armenus gener quondam Ywanis monetarii*) (*Pomniki*, 1892, s. 55). Монетарий возглавлял существовавший тогда в городе монетный двор. Это была престижная и прибыльная должность. Тот факт, что Авакша являлся зятем монетария Иваниса, указывает на высокий социальный статус Авакши во львовской армянской общине.

Это согласуется и с высоким социальным статусом его отца – Некомата Сурожанина, который не только вел торговлю между Крымом и Русью, но и был доверенным лицом эмира Мамая, тверского князя и сына московского тысяцкого. Авак/Авакша как и его отец занимался торговлей и владел недвижимостью во Львове. Вот содержание записи о сделке от 14 ноября 1386 г.: «Авахав, сын покойного Некомата, свой дом, расположенный около доминиканского монастыря, с одной

---

³ Л.С.Хачикян ссылается как на многотомный «Словарь армянских личных имен» Г.Ачаряна (Ачарян, 1948), так и на изданные им самим источники (Памятные записи, 1950).

лавкой, расположенной за богатыми лавками, закладывает за 25 марок обычных грошей Иванису, сыну Григория лавочника»⁴.

Доминиканский монастырь был расположен рядом с Армянской улицей, находившейся в центральной части города. Здесь проживали богатые мещане. Горожане с меньшими доходами селились в предместьях. Лавка Авака относилась к «богатым лавкам». Так назывались лавки в которых продавались дорогие товары (во второй половине XIV в. это были восточные товары – пряности, шелк, жемчуг, которые через Крым и Львов транспортировались в Западную Европу). Тот факт, что Авак, сын покойного Некомата, закладывает свой дом и лавку через три года после казни Некомата Сурожанина, может свидетельствовать о финансовых трудностях, возникших у сына после гибели отца, который, несомненно, был и его старшим торговым партнером.

К сожалению, не сохранились актовые книги за период 1389–1404 гг. Тем не менее можно предположить, что Аваку удалось поправить дела. Об этом свидетельствует реестр сбора налога с армян домовладельцев Львова от 5 сентября 1407 г. (Pomniki, 1896, s. 40, 41). Среди прочих в реестре упомянут и «Авакбарун, сын Некаматы» (Awackbarun filius Nekamaty). Приставка «барун» к имени Авака также неслучайна. «Барун» является заимствованием из старофранцузского («барон») – следствие тесных контактов между Киликийским Армянским королевством (1198–1375 гг.), расположенным в Восточном Средиземноморье, и государствами крестоносцев. Впоследствии, «барон»/«барун» трансформировалось в «парон» («господин») – уважительная форма обращения к мужчине. Подобно иным сходным эпитетам («государь»/ «сударь», «пан» и т.п.), в средние века «парон»/«господин» служило формой обращения только к представителям социальных верхов и лишь постепенно, на протяжении веков, распространилось и на более низкие слои населения, став, наконец, просто вежливой формой обращения. Среди львовских армян той эпохи весьма немногие имели подобную приставку. Так, например, в актах неоднократно фигурирует «Авак мясник» (Awak carnifex) (Pomniki, 1892, s. 104 (1388 г.), 118 (1389 г.), 174 (1384 г.)), но ни разу он не упомянут с приставкой «барун/парон».

В реестре 1407 г. напротив имени «Авакбарун, сын Некаматы» не указана сумма платежа, однако несколькими позициями ранее упомянут некий «Авакбарун» (Awackbarun), заплативший 35 грошей. Пос-

---

⁴ Awachaw filius quondam Necomath domum suam in acie circa Predicatores iacentem cum vna instita infra diuitibus institis iacentem Ywanyso filio Gregorii institoris pro XXV marcis grossorum vsualium proposuit et obligauit (Pomniki, 1892, s. 69).

кольку при его имени отсутствуют указание профессии, прозвище, имя отца или место происхождения, наличествующие после имен большинства налогоплательщиков для более надежной их идентификации, мы можем отождествить его с Авакбаруном, сыном Некамата. Владелец одного дома должен был заплатить 20 грошей (за половину дома – 10 грошей, за четверть – 5); Авакбарун отдал 35. Это указывает на то, что Авакбарун являлся владельцем почти двух домов. Может быть, именно по этой причине он дважды упомянут в реестре. Для сравнения, из 60 или 62 (в зависимости от методики подсчета) армян – домовладельцев на Армянской улице только двое заплатили по 50 грошей, 11 – по 40 гр., 1 (Авакбарун) – 35 гр., 1 – 30 гр., 2 – по 22 гр., 16 – по 17 гр., двое – по 15 гр., и 3 – по 12 гр. Таким образом, и почетная приставка «барун», и сумма платежа, и упоминания о доме и лавке на Армянской улице Львова позволяют нам отнести Авакбаруна, сына Некомата, к верхушке местной армянской общины.

В последующих сохранившихся реестрах 1416 и 1417 гг. Авакбарун, сын Некомата, не фигурирует. Возможно, это связано с его смертью. Приблизительные хронологические рамки жизни Авакбаруна (около 1350–1360 г. – между 1407–1416 гг.) вполне согласуются с тем, что его предполагаемый отец Некомат Сурожанин в 1375–1383 гг. был богатым купцом, хорошо известным при ордынском, тверском и московском дворах.

Сохранившиеся источники второй половины XIV в. свидетельствуют, что армянские купцы из Кафы, Солхата и иных городов Крыма посещали Львов с торговой целью, некоторые из них навсегда оседали в городе, входя в состав местной армянской общины, имевшей свой собственный суд и самоуправление. При этом они продолжали поддерживать тесные связи со своими родственниками и деловыми партнерами (что в те времена зачастую было неразделимым понятием) в Крыму. Случай Некомата и его сына Авакбаруна является, по нашему мнению, удачным примером создания торговых сетей на основании родственных связей. Судя по всему, Некомат осуществлял коммерческие операции на направлении Крым – Тверь и Москва (может быть и Новгород) (Айвазян, 1982), а его сын Авак торговал между Крымом и Львовом. Возможно также, что Авак окончательно переехал во Львов после поражения и гибели Мамай, покровителя его отца, и гибели самого Некомата в Москве или в Орде (там теперь управлял хан Токтамыш – враг Мамай).

Выполнение Некоматом определенных дипломатических функций также не случайно. Средневековые купцы предпочитали путешествовать со своими товарами под защитой посольств. В ту эпоху именно

купцы были основными каналами распространения информации (недаром гостей-сурожан князь Дмитрий Иванович взял с собой в поход против Мамаю). Поэтому купец всегда был желанным гостем при дворе правителя. Хорошо известно, каким доверием и авторитетом пользовались купцы в кочевых сообществах, достаточно вспомнить головокругокарную карьеру венецианских купцов Поло при дворе великого хана в Китае. Хубилай поручал им управление провинциями, сбор налогов и сопровождение монгольской принцессы к ее суженому в Персию. Выполнение некоторых дипломатических поручений, особенно секретных, зачастую удобнее было поручить купцу, нежели официальному посольству. Выполнение функций информатора, посредника или дипломата обеспечивало купцу определенные льготы и покровительство сильных мира сего, но могло привести и к осложнениям и даже гибели, как это имело место в случае с Некоматом.

Айвазян, 1982 – Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII–XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982.

Ачарян, 1948 – Ачарян Г. Словарь армянских личных имен. Т. 4. – Ереван, 1948.

Галицко-Волынская, 1981 – Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981.

Григорьев, 2004 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. – СПб., 2004.

Дворецкий, 2003 – Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 2003.

Егоров, 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.

Памятные, 1950 – Памятные записи армянских рукописей XIV в. Сост. Л.С.Хачикян. – Ереван, 1950.

Полубояринова, 1978 – Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.

ПСРЛ, 1910 – Полное собрание русских летописей. Т. 20. – СПб., 1910.

ПСРЛ, 1963 – Полное собрание русских летописей. Т. 28. – М., 1963.

ПСРЛ, 1965 – Полное собрание русских летописей. Т. 11–12. – М., 1965.

Срезневский, 1989 – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Ч. 1. – М., 1989.

Сыроечковский, 1935 – Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. – М.-Л., 1935.

Хачикян, 1982 – Хачикян Л.С. «Гости-сурожане» в русских летописях и Сказании о Мамаевом побоище. (К вопросу об их национальной принадлежности) // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982.

Pomniki, 1892 – Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. Wyd. A.Czołowski. Т. 1. Lwów, 1892.

Pomniki, 1896 – Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. Wyd. A.Czołowski. Т. 2. Lwów, 1896.

**Мамай.
Опыт историографической антологии**

Научное издание

Оригинал-макет – Л.С.Гиниятуллина
Подписано в печать 21.09.2010 г. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$
Усл. печ. листов 15,5 Тираж 600 экз.

ISBN 978-5-9690-0136-7

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09